

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44 2023
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (491) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Владислав Маркович Иллич-Свитыч* (1934–1966), советский лингвист-компаративист, который внес большой вклад в развитие славянской акцентологии и спорной ностратической теории.

В. М. Иллич-Свитыч родился в Киеве, был в семье единственным, поздним и обожаемым ребёнком. Ещё в школе Владислав начал интересоваться языками; кроме немецкого языка в школе, отдельно занимался с преподавателем английским. Уже тогда у него стала собираться картотека по интересующим его лингвистическим вопросам.

В 1952 году Владислав закончил 10-й класс с золотой медалью и сразу же поступил в МГУ им. Ломоносова на филологический факультет (славянское отделение, болгарский язык и литература). Преподаватель болгарского языка Н. В. Котова, вспоминая о первых годах его учёбы в университете, пишет: «Слава, как оказалось, выбрал славянскую филологию вполне осознанно: он удивил меня тем, что (необычный факт!) ещё до поступления в университет уже прочитал (изучил!) учебник по болгарскому языку С. Б. Бернштейна». Профессор С. Б. Бернштейн также обратил внимание на способного студента, он же рекомендовал его в члены Научного студенческого общества. С. Б. Бернштейн был руководителем и дипломной работы Иллич-Свитыча «Славянские именные основы на -й. Включение заимствований в интонационный тип». В архиве сохранился рукописный отзыв С. Б. Бернштейна об этой работе, в котором он называет её «первым исследованием данного вопроса, выполненным молодым учёным на высоком научном уровне».

В 1957 году Владислав Иллич-Свитыч окончил университет с красным дипломом и был рекомендован в очную аспирантуру по сравнительной грамматике славянских языков.

Первые два экзамена в аспирантуру по сравнительной грамматике славянских языков и болгарскому языку, как и по немецкому языку, Владислав сдал на отлично, но по истории КПСС он получил оценку 3. Это означало, что путь в очную аспирантуру был для него закрыт.

Диплом с отличием давал возможность выпускнику МГУ найти работу, близкую своим научным интересам, — место редактора в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей (в славянской редакции), где он проработал около года, а в мае 1958 года перевелся в Институт славяноведения АН СССР на должность младшего научного сотрудника в секторе славянского языкознания. С этого времени он с головой ушёл в науку и всего за несколько лет смог сделать очень многое.

В 1963 году Владислав Маркович опубликовал книгу «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм». Это был большой успех и значи-

тельная веха на пути создания ностратической теории. Работа была принята хорошо, даже предлагалось выдвинуть её на докторскую степень, но Владислав Маркович отказался. Он был молод, впереди, казалось, ещё много лет, и он всё успеет. К тому же в это время он был очень увлечён сложнейшей работой над «Ностратическим словарём», рукописный текст которого он собирался закончить к концу 1966 года.

В конце лета 1966 года Владислав Маркович собирался в экспедицию по изучению венгерских говоров Закарпатья, однако 21 августа 1966 года он был сбит автомашиной, а 22 августа скончался в городской больнице г. Щёлкова, не дожив всего нескольких недель до 32 лет.

За короткий период творческой деятельности учёный совершил прорыв в целом ряде областей лингвистики. Широкую известность и признание получила разработанная им ностратическая теория отдаленного родства индоевропейских, картвельских, семитохамитских, древнеиндийских, уральских и алтайских языков, он создал сравнительную фонетику этих языков и словарь общих корней. В области славяноведения учёный исследовал преимущественно вопросы славянской и балтийской акцентологии и карпатистики.

Он доказал генетическое тождество балтийской и славянской акцентных систем с индоевропейской, реконструируемой на основе показаний древнеиндийского, греческого и германских языков, установил ряд диахронических акцентологических законов (некоторые из них названы его именем). Статья Иллича-Свитыча о карпатской миграции славян заложила основы активного изучения лингвистами разных стран карпатских диалектов и привела к созданию огромного по масштабам международного коллективного труда — «Карпатского диалектологического атласа».

Публикацией незаконченного «Опыта сравнения ностратических языков» после смерти Иллич-Свитыча занялись его коллеги, В. А. Дыбо и А. Б. Долгопольский, в 1971 году издавшие первый том. Второй том вышел в 1976 году, а третий, созданный по материалам картотеки Иллич-Свитыча, — лишь в 1984 году.

К выходу этой книги была приурочена конференция, посвящённая ностратическому языкознанию; впоследствии её участники организовали «Ностратический семинар имени В. М. Иллич-Свитыча», посвящённый проблемам дальнего родства. С 1992 года семинар проходит на базе Центра компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Анищенко П. В.

Повышение экономической безопасности и противодействия коррупции АНО ДПО «Клаксон-авто» в условиях антикризисного управления 163

Байдина Э. В.

Признание недействительными сделок должника-застройщика 165

Булохов И. И.

Фальсификация доказательств в арбитражном процессе 168

Бунькина А. Б.

Наиболее сложные и проблемные вопросы, связанные с трансграничной перевозкой груза с помощью беспилотной авиационной системы 170

Бурганова А. Р.

К вопросу о проблемах правового регулирования строительной деятельности в России 172

Вершинина Е. Е.

Понятие и сущность экологической политики государства 173

Виноградский Д. Д., Францифоров Ю. В.

Реализация прокурором полномочий по предъявлению гражданских исков в порядке статьи 44 УПК РФ 176

Волова А. А.

Жизнь и здоровье человека как объекты правовой защиты 178

Воронов М. М.

Отдельные вопросы квалификации незаконных действий со специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации 180

Грачева А. А., Мачулайтите А. Г.

Заключение брака российских граждан с иностранцами 182

Гуляев О. Л.

Полномочия и ответственность представителя по гражданским делам 184

Дышкова А. Т., Кокова Л. А.

Международно-правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах 185

Епифанов Р. А.

История развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности 187

Епифанов Р. А.

Проблемные вопросы квалификации развратных действий (статья 135 УК РФ) 190

Жилинских А. В.

Субъективная сторона причинения смерти по неосторожности 193

Забелин Д. Н.

Сравнительный анализ применения общих и специальных норм уголовного наказания к должностным лицам в РФ 195

Зубенко В. В.

Актуальные вопросы процессуально-правового статуса прокурора в арбитражном процессе 197

Камаева Д. А.

Ответственность маркетплейса за нарушение исключительных прав на средства индивидуализации 199

Касумова М. В.

Некоторые проблемы защиты прав потребителей в сфере дистанционной торговли 201

Киянова В. И.

Обращение кандидата в суд с заявлением об отмене решения о регистрации иного кандидата как способ борьбы с конкурентом 204

Клепцов Н. Н.

Особенности гражданско-правового регулирования публичного договора 205

Клюева Е. А. Вопросы квалификации бандитизма (статья 209 УК РФ) как наиболее опасной формы организованной преступности 207	Коровина С. А. Элемент судебного контроля в стадии исполнения приговора..... 225
Клюева Е. А. Вопросы квалификации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ как одного из проявлений организованной преступности..... 209	Кравцова В. В. Выявление серийных убийств 227
Кожадей Т. Н. Обжалование постановлений об административных правонарушениях: внесудебный и судебный порядок 211	Куркина Н. В., Камалова Ж. Х. Важность правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ в России 229
Колезнев А. В. История становления и развития института оспаривания сделок должника 213	Куц К. В. Критерии реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью 231
Кондрашова О. В. Исследование доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию 219	Куц Л. В. Институт финансового омбудсмена в России 232
Копяткевич Г. П. Новеллизация наследственного права Российской Федерации по западному типу на примере наследственного договора..... 221	Лукьянова А. В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершающего преступление 234
	Матвеева К. Ю. Решения, выносимые прокурором по жалобам на досудебном производстве 237

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Повышение экономической безопасности и противодействия коррупции АНО ДПО «Клаксон-авто» в условиях антикризисного управления

Анищенко Полина Вячеславовна, студент
Научный руководитель: Головкина Дарья Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается важность борьбы с коррупцией. Для исследования выбрана автошкола ООО «Клаксон-Авто». Анализ показал, что коррупционная оставляющая возможна в автошколах и может привести к смерти водителя, пассажиров и пешеходов. Например, когда водительское удостоверение выдается не по закону.

Ключевые слова: коррупция, водительское удостоверение, автошкола, обучение, водитель, пассажир, пешеход, правонарушение.

Increasing economic security and anti-corruption of ANO DPO «Klakson-Auto» in conditions of anti-crisis management

Anishchenkova Polina Vyacheslavovna, student
Scientific adviser: Golovkina Darya Vitalyevna, candidate of legal sciences, associate professor
Perm State National Research University

The article discusses the importance of fighting corruption. The driving school «KLAKSON-AUTO» LLC was selected for the study. The analysis showed that corruption is possible in driving schools and can lead to the death of the driver, passengers and pedestrians. For example, when a driver's license is not issued according to the law.

Keywords: corruption, driver's license, driving school, training, driver, passenger, pedestrian, offense.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что коррупция существует во многих сферах (здравоохранение, транспорт, образование, правоохранительные органы и т.д.). В современном мире коррупция и противоправные действия, связанные с ней распространены. В Российской Федерации преступления, связанные с коррупцией, занимают одни из лидирующих позиций. Поэтому необходимо бороться с данным явлением на всех уровнях.

Коррупция может привести к даже к смерти. Например, в транспортной и образовательной сфере, к которым относится

автошкола возможна выдача водительского удостоверения без экзаменов. Что может привести к различным авариям, даже со смертельным исходом.

Под коррупцией Головань Д. А. понимает противоправное поведение индивида, связанное с использованием своего служебного положения в корыстных целях, включая получение или выдачу взяток, злоупотребление властью, хищение государственных средств и другие виды нарушения законодательства во вред законным интересам общества и государства. Такое поведение направлено на извлечение выгоды для себя

или других лиц в форме денег, ценностей, имущества или услуг, либо на неправомерное оказание такой выгоды другим индивидам от лица или в пользу юридического лица.

В качестве объекта исследования была выбрана пермская автошкола ООО «Клаксон-Авто», которая оказывает услуги по обучению вождению автомобиля и правилам дорожного движения.

Исследование направлено на оценку финансового положения и эффективности деятельности предприятия. В рамках исследования был осуществлен горизонтальный анализ финансового отчета АНО ДПО «Клаксон-Авто» за два года: 2021 и 2022. Таблица 1 отражает результаты анализа.

Горизонтальный анализ отчета о финансовых результатах АНО ДПО «Клаксон-Авто» позволяет оценить изменения в ключевых финансовых показателях между 2022 годом и 2021 годом.

По данным таблицы сделаем следующие выводы:

1. Компания продемонстрировала положительную динамику выручки в 2022 году. По сравнению с 2021 годом, она увеличилась на 250 тыс. рублей и достигла 1 450 тыс. рублей. Это свидетельствует о росте доходности бизнеса.

2. Себестоимость выросла на 253 тыс. рублей по сравнению с 2021 годом и составила 885 тыс. рублей. Это отражает увеличение расходов на бизнес. Это положительное изменение, и, возможно, компания увеличила объемы производства или снизила себестоимость продукции.

3. Валовая прибыль в 2022 году составила 565 тыс. рублей, что немного меньше, чем в 2021 году (-3 тыс. рублей). Это может указывать на увеличение затрат, но изменение небольшое.

4. Прочие расходы снизились с 118 тыс. рублей в 2021 году до 103 тыс. рублей в 2022 году, что является положительным изменением и может свидетельствовать о более эффективном управлении расходами.

5. Чистая прибыль выросла с 450 тыс. рублей в 2021 году до 462 тыс. рублей в 2022 году, что указывает на увеличение прибыли компании.

6. Основываясь на горизонтальном анализе, можно сделать вывод, что АНО ДПО «Клаксон-Авто» продемонстрировала положительные финансовые результаты в 2022 году. Выручка, чистая прибыль и управление прочими расходами улучшились, что свидетельствует об успешной деятельности компании. Небольшое снижение валовой прибыли можно рассматривать как незначительное изменение.

ООО «Клаксон-Авто» — это автошкола, которая стремится к повышению доходов и прибыли, что может привести к коррупционным действиям, таким как сговор с инспекторами по выдаче прав без прохождения экзаменов. Такие риски необходимо минимизировать.

В таблице 2 представлены разные категории сотрудников ООО «Клаксон-Авто» и их характеристики.

Компания «Клаксон-Авто» занимается обучением водителей и предоставлением транспортных услуг. В своей деятельности компания сталкивается с различными рисками коррупции, которые связаны с характером работы и положением ее сотрудников.

Директор компании несет наибольшую ответственность за ее функционирование и развитие. Он имеет наибольший контакт с представителями ГИБДД, которые могут оказывать на него давление или пытаться влиять на его решения, что создает высокий риск коррупции для директора, который может поддаваться соблазну или вынужденно сотрудничать с ГИБДД.

Административный и преподавательский персонал занимаются организацией и проведением обучения водителей. Они имеют низкую заработную плату, которая не соответствует их квалификации и нагрузке. Это может мотивировать их искать нелегальные способы увеличения своих доходов, например, брать взятки от курсантов или выдавать им недостоверные справки.

Инструктор и преподаватель выполняют одинаковую функцию — обучают водителей практическим навыкам управления транспортным средством. Они получают одинаковую заработную плату, которая является недостаточной для обес-

Таблица 1. Горизонтальный анализ отчета о финансовых результатах АНО ДПО «Клаксон-Авто», тыс.руб

№	Показатели	2022 г.	2021 г.	Абсолютные отклонения (+/-)
1	Выручка	1 450	1 200	+250
2	Себестоимость	885	632	+253
3	Валовая прибыль	565	568	-3
4	Прочие расходы	103	118	-15
5	Чистая прибыль	462	450	+12

Таблица 2. Классификация и особенности персонала ООО «Клаксон-Авто»

Должность	Оклад	Пояснение	Риск по 5-бальной системе
Директор	39 100	Связи с ГИБДД повышают риск коррупционной составляющей	5
Администратор	30 000	Должность предполагает организацию курсов, связь с ГИБДД отсутствует	3
Инструктор	24 000	Небольшая заработная плата вынуждает искать дополнительные пути заработка	4
Преподаватель	25 000	Из-за низкого уровня дохода вынужден искать альтернативные источники заработка.	4

печения достойного уровня жизни, что повышает риск коррупции для этих сотрудников, которые могут быть склонны пропускать или упрощать обучение в обмен на деньги или подарки от курсантов.

Чтобы снизить риски коррупции в компании «Клаксон-Авто», необходимо провести ряд мероприятий, направленных на повышение оплаты труда, усиление контроля и развитие правовой культуры сотрудников.

– повышение оплаты труда. Компания должна установить справедливую и конкурентоспособную заработную плату для своих сотрудников, которая будет соответствовать их квалификации, нагрузке и результатам работы. Это позволит повысить мотивацию и лояльность сотрудников, уменьшить их желание заниматься коррупционными действиями;

– усиление контроля. Компания должна разработать и внедрить эффективные правила и механизмы контроля за деятельностью своих сотрудников. Контроль включает в себя

регулярную проверку качества обучения, ведение учета и отчетности, применение санкций за нарушения. Это позволит предотвратить или выявить случаи коррупции и мошенничества в компании;

– развитие правовой культуры. Компания должна обеспечить своим сотрудникам не только знание законодательства в области транспорта и образования, но и высокую правовую культуру. Под правовой культурой понимается способность и готовность сотрудников соблюдать законы и участвовать в укреплении законности в своей профессиональной сфере [3]. Это предполагает, что сотрудники не только осведомлены о своих правах и обязанностях, но и активно защищают их, противодействуя любым проявлениям коррупции или мошенничества в своей деятельности.

Таким образом, правовая культура специалиста в транспортной сфере является комплексным феноменом, который включает в себя знание, понимание и практику правовых норм.

Литература:

1. Бюраев Е. Д. Понятие коррупции и факторы ее возникновения // Интернаука. 2023. № 20–9 (290). С. 19–22.
2. Головань Д. А. Коррупция как угроза экономической безопасности, актуальные вопросы и методы борьбы с коррупцией в современной России // Первые шаги в науке. Альманах научных работ студентов. Санкт-Петербург, 2023. С. 90–96.
3. Землин А. И. Проблемные организационно-правовые и педагогические аспекты формирования и совершенствования антикоррупционных компетенций участников процесса обучения на право управления автотранспортными средствами // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 15–27.
4. Мицкая Е. В. Противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 2 (73). С. 117–127.
5. Туркова В. Н. Роль коррупции в десоциализации общества // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2023. С. 186–189.

Признание недействительными сделок должника-застройщика

Байдина Элина Валентиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рогова Юлия Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, действующий федеральный судья Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В данной статье определены проблемы отнесения единственного имущества к имуществу, обладающему имущественным (исполнительским) иммунитетом.

Ключевые слова: единственное имущество должника, имущественный исполнительский иммунитет, жилое помещение.

Civil and legal aspects of the sole property qualification

This article defines the problems of attributing a single property to property that has property (executive) immunity.

Keywords: sole property of the debtor, property executive immunity, living space.

Проведение процедуры банкротства было бы лишено смысла, если бы должник имел возможность уйти от исполнения обязательств перед кредиторами за счет совершения до банкротства сделок, направленных на вывод особо цен-

ного имущества, и их нельзя было отменить. По этой причине в рамках банкротства любого субъекта предусмотрена возможность оспаривания совершенных им сделок. При этом признаны недействительными могут быть и те сделки, в которых

непосредственно должник участия не принимал, однако они совершались за его счет.

Оспаривание сделок должника, в отношении которого введены процедуры банкротства, может производиться в рамках дела о банкротстве, а также в общем исковом порядке.

В связи с этим после введения в отношении должника процедуры наблюдения и вплоть до завершения дела о банкротстве при предъявлении арбитражным управляющим иска о признании недействительной сделки должника (как оспоримой, так и ничтожной) и (или) о применении последствий недействительности сделки должника в общем порядке, предусмотренном процессуальным законодательством.

При оспаривании сделок при банкротстве застройщиков могут использоваться следующие лица:

1. лицо, привлекающее денежные средства и (или) имущество участников строительства (далее — застройщик), — юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, в том числе жилищно-строительный кооператив, или индивидуальный предприниматель, к которым имеются требования о передаче жилых помещений или денежные требования;
2. участник строительства — физическое лицо, юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование;

2.1 участник долевого строительства — гражданин, являющийся участником строительства и имеющий требование к застройщику на основании договора участия в долевом строительстве.

Закон о банкротстве подразделяет сделки, которые могут быть признаны недействительными, на 2 группы: подозрительные сделки и сделки с предпочтением.

Подозрительными называют сделки, при которых должник реализует имущество по заведомо заниженной цене, тем самым значительно снижает конкурсную массу и эффективность удовлетворения требований кредиторов (п. 1 и 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Такие сделки являются нетипичными для рынка, поскольку при аналогичных обстоятельствах совершаются другими субъектами на иных условиях. Они могут быть признаны недействительными, если совершены в течение 1 года до принятия заявления о признании должника банкротом или после его принятия.

Что касается сделок с предпочтением, то они представляют собой сделки, в результате совершения которых очевидно оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения его требований (п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Такие сделки можно оспорить, если они совершены в течение 1 месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом либо после его принятия. Если такая сделка привела к изменению очередности удовлетворения требований кредиторов либо к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения сделки не наступил, и была совершена в течение 6 месяцев до принятия судом заявления о признании должника банкротом, то в отношении ее также можно подать заявление о признании недействительной. Такой же срок дав-

ности для оспаривания применяется и в отношении сделок с предпочтением, если установлено, что лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Суд, рассмотрев заявление, может вынести либо решение об отказе в признании сделки недействительной, либо удовлетворить его. Отказ суда возможен в 2 случаях:

А) если стоимость имущества, приобретенного должником в результате оспариваемой сделки, превышает стоимость того, что может быть возвращено в конкурсную массу в результате оспаривания сделки;

Б) если приобретатель по недействительной сделке вернул все исполненное в конкурсную массу.

Процедура оспаривания сделок должника по общему правилу проходит с участием арбитражного управляющего. Обращение с заявлением в суд может быть, как его личной инициативой либо обязанностью, установленной решением собрания кредиторов, которое он обязан исполнить в оговоренный собранием срок. Если обращения в суд в условленные сроки не последовало, уполномоченный представитель собрания кредиторов вправе самостоятельно подать заявление об оспаривании сделки должника. В рассмотрении судом заявления об оспаривании сделки участвуют оспаривающее сделку лицо, должник, арбитражный управляющий (если не он подает заявление), а также кредиторы или иные лица, в отношении которых совершена оспариваемая сделка. Право участвовать в судебных заседаниях по рассмотрению заявления об оспаривании сделки и оспаривать принятое по результатам его рассмотрения определение принадлежит всем участвующим в деле о банкротстве лицам, в том числе остальным кредиторам (абзац третий п. 19 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», далее — Постановление № 63). Оспаривание сделки производится в судебном порядке, однако информация о наличии в производстве суда заявления об оспаривании сделки должника должна быть общедоступной. В связи с этим арбитражный управляющий обязан разместить в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве соответствующую информацию в строго отведенные Законом о банкротстве сроки.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 32 постановления Пленума № 63, заявление об оспаривании сделки на основании статей 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве может быть подано в течение годичного срока исковой давности (пункт 2 статьи 181 ГК РФ).

Под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III.1 Закона о банкротстве, понимаются в том числе: действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством Таможенного союза и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном деле, процессуальным законодательством Российской Федерации и другими отраслями законодательства Российской Федерации, в том числе со-

глашения или приказы об увеличении размера заработной платы, о выплате премий или об осуществлении иных выплат в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации и сами такие выплаты; действия, совершенные во исполнение судебных актов или правовых актов иных органов государственной власти.

Общим последствием недействительности сделки является двусторонняя реституция: каждая из сторон недействительной сделки обязана возвратить другой стороне все полученное по сделке. При этом в силу п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве все, что было передано должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной, подлежит возврату в конкурсную массу.

Применительно к банкротству застройщика, безусловно, имеются некоторые особенности в признании сделок недействительными. Нужно отметить, что поправки, уточняющие порядок оспаривания сделок должника-застройщика, внесены в Закон о банкротстве сравнительно недавно — в 2015 г., в связи с чем в Законе появилась ст. 201.8–1.

По общему правилу, установленному п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, не могут быть оспорены в качестве подозрительных сделки должника, совершаемые в обычной хозяйственной деятельности, если цена предмета сделки не превышает 1% стоимости активов должника. Так, для застройщика сделками, совершаемыми в обычной хозяйственной деятельности, считаются сделки в целях финансирования строительства объекта и направленных на исполнение обязательств застройщика по указанным сделкам.

Они могут быть оспорены при наличии следующих обстоятельств:

1) нецелевое использование застройщиком денежных средств, уплаченных участниками долевого строительства по договору;

2) если цена сделки и (или) иные ее условия на момент заключения существенно в худшую для застройщика сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки, и на ее заключение не получено согласие арбитражного управляющего;

3) если использование денежных средств, полученных по сделке для финансирования строительства объекта незавершенного строительства, осуществлялось не через специальный банковский счет.

Эти обстоятельства служат основанием для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании сделок недействительными в общем порядке, описанном в начале данного параграфа.

Часто суды рассматривают как сами суммы сделок, так и факты, свидетельствующие о том, что сделка совершена с целью причинения ущерба.

В постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2018 года по делу № А46–6025/2017 суд отказал в оспаривании сделок.

В частности, суд апелляционной инстанции указал, что в договоре имеется отметка сторон о полном расчете.

Полагая, что реализация транспортных средств должником после принятия заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) в период, когда у должника имелась непогашенная задолженность, совершена в целях причинения имущественного вреда кредиторам, конкурсный управляющий обратился в суд с настоящим заявлением.

Отказывая в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, суд первой инстанции исходил из недоказанности всей совокупности обстоятельств для признания подозрительной сделки недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Предметом договоров купли-продажи являлись прицепы и полуприцепы. Цена каждого из них составила 15 000 руб.

Доводов и доказательств того, что оспариваемые договоры заключены по заниженной цене, конкурсным управляющим не приведены.

Напротив, в материалы дела Кокориным И. Д. представлены справки УМВД о снятии с учета 28.03.2018 спорных прицепов в связи с их дальнейшей утилизацией, а также свидетельства об утилизации вышедшего из эксплуатации транспортного средства №№ 015, 016, 017, выданные ООО «Вторчермет НПИК Сибирь», подтверждающие передачу спорных транспортных средств на утилизацию. Указанные документы позволяют сделать вывод, что спорные транспортные средства были в неудовлетворительном техническом состоянии, исключая их дальнейшую эксплуатацию.

В Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.05.2017 № Ф01–1479/2017 по делу № А17–1554/2015 суд установил, что отсутствуют доказательства того, что сделка была заключена с целью причинения вреда.

В судебной практике возникал вопрос о соотношении кадастровой и рыночной стоимостей объектов недвижимости. Иногда суды, получив результаты судебной экспертизы, согласно которым рыночная стоимость отчужденного должником имущества не превышает цену сделки, просто отказывают в признании сделки недействительной несмотря на то, что выводы эксперта не согласуются с кадастровой оценкой, существенно превышающей договорную стоимость отчужденного имущества. Такой подход признан ВС РФ (см. Определения ВС РФ от 05.12.2016 № 305-ЭС16–11170 по делу № А41–19310/2014, от 22.02.2018 № 306-ЭС17–17171 по делу № А12–44790/2015) неправомерным, исходя из следующего: в соответствии с правовой позицией Президиума ВАС РФ, изложенной в Постановлении от 25.06.2013 № 10761/11, кадастровая и рыночная стоимости объектов взаимосвязаны. Кадастровая стоимость по существу отличается от рыночной методом ее определения (массовым характером). Установление рыночной стоимости, полученной в результате индивидуальной оценки объекта, направлено прежде всего на уточнение результатов массовой оценки, полученной без учета уникальных характеристик конкретного объекта недвижимости; заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами. По результатам оценки доказательств суду необходимо привести мотивы, по которым он принимает или отвергает имеющиеся в деле доказательства; признавая результаты судебной экспертизы достоверными, суды не указы-

вают, какие индивидуальные особенности недвижимости, не учтенные при проведении оценки массовым методом в ходе государственной кадастровой оценки, привели к значительному завышению кадастровой стоимости по отношению к рыночной цене, не ссылаются на какие-либо ошибки, допущенные при проведении кадастровой оценки недвижимости (в том числе на недостоверность сведений о недвижимости, использованных при кадастровой оценке).

Чрезвычайно интересен блок положений, посвященный оспариванию сделок по общегражданским основаниям, под которыми понимаются совершение сделки при злоупотреблении правом (ст. 10, 168 ГК РФ), мнимость сделки (п. 1 ст. 170 ГК РФ) и притворность сделки (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Наличие как общегражданских, так и специальных банкротных оснований недействительности сделок вызывает обоснованный вопрос: исходя

из каких факторов следует выбрать именно общегражданские основания оспаривания сделок в случае, если сделка совершена в периоды подозрительности и предпочтительности, установленные Законом о банкротстве. Как показывает проведенное автором исследование, судебная практика при оценке возможности оспаривания сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ, кроме прочего, исходит из необходимости наличия таких пороков сделки, которые выходят за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок. Однако для пытливого ума при этом до сих пор остается загадкой, о каких таких пороках, не уместящихся в лоно конкурсного оспаривания, идет речь, ведь порок, лежащий в основе самого конкурсного оспаривания,— это лишь частный случай злоупотребления правом, направленный на нарушение справедливого распределения активов должника в условиях их недостаточности.

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N127-ФЗ
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N51-ФЗ
3. А. Б. Баранова, А. З. Бобылева, В. А. Вайпан и др. / Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / Отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020.
4. Карелина с. А., Фролов И. В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. М.: Юстицинформ. 2018.
5. Кузнецов А. П. Банкротство застройщика: теория и практика защиты прав участников строительства: монография (2-е изд., перераб. и доп.). — «Прспект», 2017 г.
6. Пирогова Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). Учебник. М.: Юрайт, 2020.
7. Ручкина Г. Ф., Крашениников С. В., Матвеева Н. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). Учебник. М.: Прометей, 2020.
8. Суворов Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2018 гг. М.: Статут, 2019. Вып. 2.
9. Цинделиани И. А., Наринян Л. М. Вопросы несостоятельности (банкротства) в практике Верховного Суда Российской Федерации. М.: Прспект, 2021
10. Чернова, М. В. Аудит и анализ при банкротстве: теория и практика: Монография / М. В. Чернова. — М.: Инфра-М, 2018
11. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/
12. https://kommentarii.org/2017/bankrotstvo_zastroishika/page22.html

Фальсификация доказательств в арбитражном процессе

Булохов Иван Иванович, студент

Научный руководитель: Щербакова Лилия Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье проводится анализ законодательного регулирования арбитражного процессуального кодекса, а также вопросов, которые относятся к фальсификации доказательств в арбитражном процессе, а также последствия такого действия.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, судебный процесс, стороны, достоверность, проверка.

В любом осуществлении правосудия по уголовным, гражданским, административным делам и в том числе по арбитражным спорам главную роль в исходе судебного разбирательства играют доказательства. Доказательства на стадии судебного процесса являются средствами для обоснования тре-

бований лиц, участвующих в деле, реализуя их права, которые закреплены в принципе состязательности сторон.

В общем массиве преступности количество совершаемых преступлений, которые предусмотрены в главе 31 Уголовного Кодекса Российской Федерации [5] (далее — УК РФ), может по-

казаться не столь значительным и практически не влияющим на криминогенную обстановку в целом. Однако данные преступления носят повышенную опасность и угрозу для национальной безопасности страны, ставя под сомнение принцип состязательности судебной системы.

Как показывает судебная практика, лица, участвующие в деле, в процессе реализации своих прав, закрепленных принципом состязательности, не всегда действуют в рамках закона. По данным на 2022 год по ст. 303 УК РФ, предусматривающей наказание за фальсификацию доказательств, было осуждено 153 человека [1]. По сравнению с предыдущими годами, 2014 г.— 89, 2015 г.— 79, 2016 г.— 100, 2017 г.— 130, 2018 г.— 115, 2019 г.— 129, 2020 г.— 41 и в 2021 г.— 88 [2], наблюдается тенденция по увеличению преступлений по данной статье. Данная статистика также накладывает на рассмотрение дел в арбитражных судах, когда юридические лица или лица, имеющие статус предпринимателя, в целях личной выгоды подделывают определенные документы.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (далее — АПК РФ) [3], не дает определения «фальсификации». Однако, в судебной практике арбитражных судов были попытки толкования данного понятия. Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа при рассмотрении дела № А51–908/04–3–11 от 13.01.2005 года дал следующее определение: «под фальсификацией понимается сознательное искажение представляемых доказательств путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, или представление ложных сведений» [4].

Статья 161 АПК РФ предусматривает требования, необходимые для подаваемого заявления о фальсификации доказательств. К данным требованиям относятся определенные факты, которые могут свидетельствовать о нарушении процессуального законодательства. При соблюдении данных требований заявление может быть подано лицами, участвующими в деле.

Однако существует вопрос в определении субъектов, обладающих полномочиями на подачу такого заявления. Отсутствие нормативно закрепленной нормы по этому вопросу может вызвать осложнения в судебном процессе. В соответствии с положениями статей 40 и 161 АПК РФ к лицам, обладающим полномочиями на подачу заявления о фальсификации доказательств, являются стороны, заявители и заинтересованные лица, третьих лиц, прокурора и иные органы, организации. Однако, возникает вопрос о правомочиях представителя на подачу такого заявления, поскольку подавляющее большинство дел в арбитражных судах разрешается с помощью представителей. Если отвечать с точки зрения судебной практики, то может, но никакого правового закрепления данный вопрос пока не нашел.

После принятия данного заявления судом на рассмотрение и проверку на предмет фальсификации доказательств, арбитражный суд обязан предпринять следующие меры:

Во-первых, разъяснение лицам, участвующим в процессе, уголовно-правовые последствия поданного заявления. Разъяснение должно быть дано обоим сторонам, поскольку эта про-

цедура является предупреждением стороны, возможно, ложно обвиняющую другую сторону в фальсификации доказательств, а также другую сторону, которая допускает факт совершения фальсификации. УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложный донос, предусмотренный ст. 306, а также ст. 303, которая предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств.

Во-вторых, после разъяснения со стороны суда о правовых последствиях фальсификации доказательств стороны в соответствии с подп. 2 ч. 1 ст. 161 АПК РФ имеют право исключить оспариваемое доказательство, при наличии согласия стороны, представившей данное доказательство. Данный исход может осуществлен посредством понимания лица, представившего доказательство, что данное доказательство может быть признано недостоверным или в случае ускорения процесса. Данное согласие должно быть в обязательном порядке письменным.

В-третьих, в случае же, если лицо отказывается исключить данное доказательство, то суд обязан проверить его на достоверность. Проверка доказательства на достоверность может выражаться в самостоятельной проверке судом, если данная проверка не требует специальных знаний, либо задействовании экспертов, которые обладают специальными знаниями. Чаще всего привлекаются эксперты-почерковеды, поскольку письменные доказательства, которые должны иметь определенное содержание подвергаются изменению в целях скрыть или исказить факты [6].

Способы проверки заявления о фальсификации доказательств, определяются судом, однако их выбор должен соответствовать конкретным обстоятельствам дела и доводам, положенным в основу заявления о фальсификации. Результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания [7].

В соответствии со ч. 2 ст. 161 АПК РФ все меры, предпринятые судом для проверки доказательств на достоверность, должны отражаться в протоколах судебных заседаний.

Несоблюдение судом обязательных процедур, в случае предоставления заявления о фальсификации, является основанием для отмены судебного решения. Однако, в настоящее время в судебной практике существует вопрос, который касается обоснованности заявления о фальсификации доказательств, поскольку отсутствует нормативная база для конкретных мер или способов проверки заявления [8]. В решении Арбитражного суда Воронежской области № А14–14647/2021 от 15.06.2023 года было указано, что суд отказал ходатайствующему лицу в заявлении о фальсификации доказательств, сославшись на то, что доводы заявителя направлены на стоимость отчуждения транспортных средств. Данное судебное решение показывает проблемность в обосновании заявления о фальсификации доказательств [9].

Судебная практика требует усовершенствований в АПК РФ, в частности, введения определения «фальсификации», которое будет содержать признаки и способы данного нарушения для дальнейшей практики, а также критерии обоснованности заявления о фальсификации доказательств, что повлияет на объективность и обоснованность судебных решений по арбитражным спорам.

Литература:

1. Судебная статистика РФ.— Текст: электронный // АПИ-пресс: [сайт].— URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 16.10.2023).
2. Судебная практика по уголовным делам.— Текст: электронный // sudact: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam/> (дата обращения: 16.10.2023).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 7 июля.
4. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 13.01.2005 по делу № А51-908/04-3-11 // СПС Гарант.ру <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/32802460/> (дата обращения 07.10.2023).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
6. Гринь Е. А., Чирьев И. С., Жукова П. С. Фальсификация доказательств в арбитражном процессе // Аграрное и земельное право. 2023. № 2(218). С. 86–88.
7. Постановление ВС РФ от 25.01.2021 г. № 308-ЭС20-16740 // Картотека арбитражных дел <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 23.10.2023).
8. Колесова Н. С., Ульянова В. В. Рассмотрение арбитражным судом заявлений о фальсификации доказательств // Арбитражные споры. 2021. №3. С. 56–72.
9. Постановление ФАС Воронежской области от 15.06.2023 по делу № А14-14647/2021 // Sudact <https://sudact.ru/arbitral/doc/XZkjuXndzu5C/> (дата обращения 27.10.2023).

Наиболее сложные и проблемные вопросы, связанные с трансграничной перевозкой груза с помощью беспилотной авиационной системы

Бунькина Алина Борисовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Данная статья посвящена ключевым вопросам и сложностям, которые необходимо проанализировать для получения полноценного исследования механизма международно-правового регулирования трансграничных перевозок посредством беспилотной авиационной системы.

Ключевые слова: трансграничные перевозки, беспилотная авиационная система, международно-правовой механизм.

Трансграничные перевозки — это всегда сложный процесс, который требует всеобъемлющего участия сторон, проверенный маршрут, тонны документации, а самое важное — это надежный и выверенный механизм регулирования [1]. Речь идет именно о перевозках между двумя и более государствами, следовательно применение международных норм неминуемо.

Наряду с вопросами о применимом праве также следует рассмотреть возможность использования инновационных беспилотных авиационных систем (БАС) для таких перевозок.

Для определения пригодности и экономической выгоды таких перевозок требуется произвести полноценное исследование, особенно обратить внимание на существующие правовые нормы и пробелы в праве.

Первое в чем стоит разобраться — это в статусе беспилотной авиационной системы, а именно какого уровня достигли технологии; есть ли уже случаи применения и в каких областях; развита ли требуемая инфраструктура и другие связанные с этим вопросы. Реальные примеры и опыт других государств поможет дать объективную оценку.

Помимо статуса важно понимать, какой груз имеет право и возможность перевозить беспилотная авиационная система. В настоящее время особенно популярно использование нега-

баритных беспилотных авиационных систем из этого следует, что о перевозке грузов, исчисляющихся даже в килограммах, не может быть и речи. А перевозки нескольких сотен грамм для многих компаний экономически не выгодны. Экономическая выгода первостепенна для крупного и мелкого бизнеса.

Еще одной сложностью выступает определение воздушного пространства, а именно его границ. Данный вопрос представляет особую важность в контексте совершения трансграничной перевозки, так как каждое государство имеет право самостоятельно определять классификацию национального пространства, то есть на какие классы оно подразделяется. В каждом классе есть различия в регулировании, в контроле со стороны государственных органов, а также ограничения по высоте и скорости полетов. Естественно, подход в каждом отдельном случае может быть различным. В таком случае необходимо наличие единого документа, регулирующего пользование воздушного пространства.

В настоящее время тенденция к заключению двусторонних международных договоров или договоров между сравнительно небольшим количеством участников (государства одного региона; между немногочисленными государствами-членами международной организации, такие как БРИКС, ШОС и другие)

сильно возрастает. Данный аспект может иметь положительное значение для регулирования трансграничных воздушных перевозок посредством БАС, так как множество вопросов, регулирующих такие перевозки, находится в ведение конкретного государства и соответственно регулируется национальными нормами права. Такие международные договоры позволили бы более эффективно вырабатывать конкретные международно-правовые механизмы для регулирования трансграничных перевозок посредством БАС. При эффективности и приемлемости регулирования такие механизмы могут стать примером для других государств и организаций.

Невзирая на то, что развитие международного права было ориентировано на гармонизацию и унификацию, множество норм носит только лишь рекомендательный характер, хотя разработаны достаточно точные механизмы правового регулирования. Таким примером может служить деятельность Международной организации гражданской авиации (ИКАО), которая является одним из 17 специализированных учреждений Организации Объединенных Наций (ООН). ИКАО разрабатывает Международные Стандарты и Рекомендованную практику. Они регулярно обновляются, поэтому являются актуальными для использования. Например, в Приложении 11 к Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года, в главе 2 «Обслуживание воздушного движения» [2] предусмотрена характеристика возможной классификации воздушного пространства, определены ключевые критерии и факторы. Но данный документ носит рекомендательный характер для применения [3], страны-участницы должны стремиться к выполнению и имплементации стандартов и практики в национальное законодательство. Именно такой подход подтверждает стремление к унификации правил, а тем самым упрощения регулирования и достижение единообразия в подходах. Но процесс имплементации и внедрения таких стандартов может быть достаточно трудоемким и сложным, а как следствие занимать длительный период времени.

Как и в любом другом виде перевозок всегда существуют риски, которые связаны с различными факторами. Риски подразумевают под собой возможность и даже обязанность несения юридической ответственности. Для этого необходим четко выстроенный механизм установления юридической ответственности по широкому кругу случаев. Однако же, в рамках трансграничной перевозки такой механизм должен быть предусмотрен международным правом. В настоящее время данный

вопрос только начинает свое развитие, тем самым осложняя реализацию таких перевозок.

Определение механизма ответственности при трансграничных перевозках по средством беспилотной авиационной системы отягощается сложностью строения самой беспилотной авиационной системы. Более того, непредвиденные ситуации могут произойти, как в воздухе, так например, и над водной поверхностью, а данные события должны регулироваться абсолютно разными нормами права и не только национального, но и международного.

Важно отметить, что право международной ответственности в общем смысле так и не получило своего оформления в системе международного права. Более того, в контексте ответственности в международном публичном праве в качестве субъекта рассматривается государство. В отношении трансграничных перевозок коммерческого груза посредством БАС субъектами, с большей долей вероятности, будут выступать юридические лица, имеющие разную национальность, а груз подразумевается, что пересекает как минимум границы двух юрисдикций. В данном случае необходимо рассматривать нормы коллизионного права или, иными словами, нормы международного частного права, которое является составной частью национального права государства. Таким образом, тщательный разбор каждого отдельного случая становится неизбежным, однако же, нет никаких сомнений, что выработка общих принципов регулирования таких перевозок возможна и будет иметь большое значение для осуществления регулярных трансграничных перевозок посредством БАС.

Для того, чтобы получить понимание и разобраться со всеми сложностями данной темы, необходимо провести глубокую аналитическую работу, во-первых, выяснить текущее состояние российского законодательства относительно регулирования трансграничных перевозок с помощью беспилотной авиационной системы, более того, убедиться в отсутствии или наличии необходимой инфраструктуры. Во-вторых, следует обратиться к опыту зарубежных стран в отношении заявленной темы и проанализировать, что может почерпнуть отечественная доктрина, есть ли приемы и методы, которые смогут помочь в развитии таких перевозок. И в-третьих, необходимо понять: существует ли международный подход к регулированию такого вида перевозок. Особого внимания требуют нормы, регулирующие вопросы юридической ответственности, а также механизма возмещения вреда.

Литература:

1. Бунькина А. Б. Трансграничные перевозки коммерческого груза и технологический прогресс // Молодой ученый № 50 (445), 2022 г. С. 198–200.
2. Приложение 11 к Конвенции о гражданской авиации 1944 года. https://www.icao.int/Documents/annexes_booklet.pdf
3. Конвенция о международной гражданской авиации Чикаго, 7 декабря 1944 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/chicago_conv.pdf

К вопросу о проблемах правового регулирования строительной деятельности в России

Бурганова Аида Рустемовна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Стоит отметить, что сфера строительства в Российской Федерации имеет особое социальное и экономическое развитие для общественного и государственного развития, особенно в нынешней ситуации введения внешнеполитических и экономических санкций в отношении России. Тем не менее, в современном российском государстве строительство обладает рядом проблем, которые попеременно возникают и решаются законодателем и правоприменительной практикой.

Правовое регулирование строительной деятельности в России имеет свой ряд особенностей, так, к источникам правового регулирования строительной деятельности стоит отнести огромное количество правовых актов. Помимо федерального законодательства и законодательства субъектов федерации, к источникам относятся: подзаконные правовые акты, государственные стандарты, строительные нормы и правила, отдельные, руководящие документы системы, межгосударственные строительные нормы и правила и т.д. В правотворчестве отсутствует системный подход, а нормы действующих нормативных актов лишь фрагментарно регулируют отношения в строительстве. В связи с этим комплексное исследование правового регулирования отношений в сфере строительства и разработка предложений по совершенствованию законодательства имеют значительную теоретическую ценность. Это обстоятельство обуславливает необходимость его детального изучения с целью выявления и анализа наиболее общих проблем и тенденций, характерных для всех подрядных отношений.

С одной стороны, строительство должно предполагать обеспечение безопасности со стороны государства и законодательства, но с другой стороны подобный объем правовых актов порой вызывает серьезные противоречия между собой, а их соблюдение и изучение вызывает определенные трудности.

Стоит также отметить, что в научной литературе уделяется сравнительно мало внимания договорным отношениям в сфере строительства, что также не может способствовать развитию законодательства в данной отрасли. Вместе с тем анализ судебно-арбитражной практики указывает на тенденцию к увеличению споров по договорам строительного подряда.

О необходимости большей разработки законодательства договорных отношений в сфере строительства авторы пишут, что разработка отдельных положений договора строительного подряда позволит сократить сроки ввода объектов недвижимости в эксплуатацию, повысить эффективность строительства, увеличить производственные мощности, а также поможет сформировать основные направления решения проблемы по обеспечению граждан жилыми помещениями [1]. И с данным мнением нельзя не согласиться, но также необходимо добавить, что разработка законодательства договорных отношений в первую очередь простимулирует и повысит эффективность предпринимательской деятельности в сфере строительства,

что обуславливает повышение экономического развития отдельных регионов и всего государства.

Стоит сказать, что законодательство о строительной деятельности в России также включает в себя законодательство о долевом участии граждан в строительстве многоквартирных домов. Как отмечают в научной литературе, отмена лицензирования деятельности в сфере строительства, отмена градостроительного контроля, осуществлявшегося органами местного самоуправления, привели к появлению на строительном рынке нового сектора, работающего на границе деятельности законной и деятельности незаконной [2].

Одним из главных вопросов остается проблема неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств сторонами. Причин неисполнения обязательств может быть несколько. Во-первых, застройщиком может быть задержан срок сдачи объекта в эксплуатацию и необходимо отметить, что порой вина в этом не только его самого. Может быть задержаны поставки материалов, или как часто это бывает субподрядные организации не выполняют в срок свои обязательства, либо застройщик не может пройти государственную экспертизу строительства и зарегистрировать дом в Росреестре и т.п. И стоит отметить, что практически каждый многоквартирный дом в России вводится в эксплуатацию с задержкой по времени, иногда неделя, месяц или даже годы.

Во-вторых, дольщики по-прежнему слабо защищены от мошеннических действий застройщиков, которые заключая договоры и получая денежные средства не осуществляют строительства или осуществляют его не полностью, забирая большую часть средств. Также, в некоторых случаях недобросовестные застройщики продают один и тот же объект недвижимости разным лицам. И очевидно, что дольщики — это слабая сторона правоотношения и поэтому застройщики зачастую пользуются своим правовым положением для злоупотребления своими правами и даже совершения противоправных действий.

Но также нельзя забывать, что некоторые дольщики также злоупотребляют своими правами при взаимодействии с застройщиками. При приемке жилого помещения они находят некоторые проблемы в качестве помещения, которые были допущены при строительстве. Но стоит сказать, что технологии строительства и те темпы, необходимые для строительства и ввода в эксплуатацию не позволяют застройщикам идеально осуществлять свою строительную деятельность. В связи с чем, считаем необходимым реформирования законодательства в части обеспечения защиты не только дольщиков, но и добросовестных застройщиков.

Последняя проблема, рассмотренная в настоящем исследовании — это проблема правового регулирования строительной деятельности в условиях санкций. В настоящее время в России установлены механизмы субсидирования, льготного кредитования отдельных строительных проектов, частично сняты не-

которые административные барьеры, упрощены процедуры совершения юридически значимых действий с объектом строительства (получение разрешений, проведение проверок, прохождение экспертизы и т.д.), определена возможность внести в упрощенном порядке изменения в проектную документацию для замены импортных материалов и оборудования на российские аналоги и др. [3] Необходимо отметить, что не отрицая важности вводимой поддержки строительной отрасли со стороны государства, нормативно-правовое отражение

кризисной ситуации можно назвать точечным, фрагментарным, что влечет за собой проблемы осуществления строительной деятельности.

Конечно, законодательство о строительной деятельности совершенствуется, обеспечиваются права и законные интересы субъектов общественных отношений, а особенно физических лиц. Но тем не менее, проблем правового регулирования строительной деятельности сравнительно много, которые нуждаются в оперативном решении со стороны уполномоченных органов.

Литература:

1. Лоскот В. А. Камова К. С. Пробелы правового регулирования договорных отношений строительного подряда в Российской Федерации // Вестник ВГАВТ, 2015. № 44. С. 31–35.
2. Ковалева О. А. Гагал Е. А. Некоторые проблемы правового регулирования договора участия в долевом строительстве жилья. Нижний Новгород: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. № 2. С. 134–138.
3. Перечень мер по поддержке строительной отрасли. Официальный сайт НОСТРОЙ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nostroy.ru/nostroy/operativnyy-shtab/supports/>, свободный (дата обращения: 07.04.2022).

Понятие и сущность экологической политики государства

Вершинина Екатерина Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шабаева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

В статье автором рассматриваются основы экологической политики государства, этапы ее становления, основные понятия и признаки.

Ключевые слова: экологическая политика, экология, правовое обеспечение экологической политики.

Экологическая политика государства представляет собой одно из направлений государственной деятельности по охране и оздоровлению окружающей среды от следов вмешательства человека и предполагает рациональный подход к использованию и возобновлению природного ресурса планеты.

Экологическая политика долгое время не рассматривалась в качестве отдельного направления государственной деятельности. С течением времени и нарастанием темпов технологического прогресса значимость реализации данного направления стала все более очевидной для государства, и оно стало приобретать конкретные правовые очертания.

Особую актуализацию термин «экологическая политика» приобрел на Западе. В 1960–1970 гг. в США ухудшающаяся экологическая обстановка буквально активировала волну экологического движения среди активистов, которое подвигло к поднятию вопроса экологической безопасности на государственном и, в последствии, в общемировом уровне.

Впервые термин «экологическая политика государства» был введен в научный и политический оборот политологом Линтоном К. Колдуэллом, который одним из первых принимал участие в нормотворческом процессе по созданию закона, направленного на формирование национальной экологической безопасности в США (Национальный закон об экологической политике» [11, с. 220].

Рассматривая понятие «экологическая политика государства», можно выделить всего три основных этапа его формирования: первый этап (1970–1983 гг.); второй этап (1984–1989 гг.); третий этап (1990–1999 гг.) [4, с. 8].

Первый этап, который охватывает период с 1970–1983 гг. был охарактеризован созданием нормативно-правовой базы, описывающей основные ключевые принципы экологического движения в США. В этот период на экологическую политику повлияло то, что окружающая среда страдала преимущественно от последствий прошедшей индустриализации и нарастания темпов массового потребления, которое получило особое распространение именно в США.

На данном этапе был сформирован базовый принцип «тот, кто загрязняет, тот платит», то есть был создан главный принцип платности и правовой ответственности для ключевых природопользователей. Курс государственной политики был обращен к формированию экологического направления и сохранению экологического состояния окружающей среды.

Были созданы представления о необходимости поддержания текущего состояния окружающей среды, устранению существующих загрязнений и созданию технологий по минимизации воздействия загрязнений на окружающую среду.

Второй этап, охватывающий период с 1984 года по 1989 год, отличается популяризацией экологического движения и вы-

деления в ряде стран отдельного экологического направления реализации государственной политики по причине нарастания оборотов массовости привлечения внимания общемирового сообщества к глобальным проблемам экологического плана планетарного масштаба (например, истощение озонового слоя, кислотные дожди).

Третий этап, который охватывает временной промежуток с 1990 по 1999 г. представляет собой период, когда все внимание обращено на выбросы углекислого газа, а значит, возникает активный политико-правовой процесс ограничительного характера. Также возникает культура вторичного потребления использованного сырья, а органы государственной власти и органы местного самоуправления активно наделяются самыми широкими правовыми полномочиями в сфере природопользования и экологии [2, с. 56].

Все три этапа становления экологической политики на государственном уровне, несмотря на то, в какой стране это становление происходило, пришли к общей трактовке понятия «экологическая политика государства».

Стоит отметить, что, не смотря на развитие представлений ученых относительно экологической политики государства и ее значимости для государства в течение последних пятидесяти лет, сам термин является достаточно новым и включает в себя несколько определений, которые хоть и связаны между собой, однако не сведены в итоговое, общее определение, одинакового трактуемое в международном правовом поле.

На международном уровне, экологической политикой государства называют определенные совокупности мер и намерений, основанных на принципах сохранения природы, которые олицетворяют экологические показатели деятельности государства, создающие основу для разработки определенных конкретных целей и задач [11, с. 220].

В отечественной теории понятие «экологическая политика государства» связана, прежде всего, с изучением объективных противоречий решения глобальных экологических проблем и изучения процессов их решения в призме механизмов связи экологических факторов и факторов техногенного характера [8, с. 1259].

Иными словами, в нашей стране экологическая политика рассматривается с позиции анализа взаимосвязи экологических, политических, техногенных и социокультурных процессов, что в своей совокупности дает представление о экологической политике как стратегическом направлении реализации политики государства в современных условиях неизбежного воздействия человека на природу и неизбежного изменения последней.

Самые масштабные исследования в области статистики и политологии для реализации экологической политики в различных странах были произведены «The Worldwatch Institute» и «Earth Police Institute» под руководством Л. Брауна, а также нашими отечественными учеными В. Д. Комаровой, Б. М. Маклярским, Н. М. Мамедовой [5, с. 81].

Непосредственно правовой аспект разработки экологической политики государства изложен в работах С. А. Боголюбова [2], Е. П. Бочаровой [3], О. Л. Дубовик [6] и др. По мнению данных ученых правовой аспект понятия «экологическая поли-

тика государства» основан на определении управленческого аспекта экологической деятельности и ее регулирования в условиях нарастающего темпа изменения внешней среды.

При рассмотрении определения «экологическая политика государства» важно понимать, что данное определение является многоаспектным и содержит в себе представления различных дисциплин относительно роли и цели органов власти в сфере сохранения экологической безопасности.

На основании вышеизложенных данных, можно сформулировать определение экологической политики государства следующим образом: «экологическая политика государства — это целенаправленная деятельность государства по охране и оздоровлению природы, рационального использования и активного восстановления ресурсов с учетом современных технологий, и требований к экологической безопасности с целью создания благоприятных условий внешней среды и устойчивых гармоничных отношений между человечеством и окружающей их природой».

Говоря о сущности экологической политики государства можно отметить, что она проиллюстрирована как в политическом, правовом и социокультурном полях в частности, так является основой этического наполнения экологической деятельности государства в целом.

Также важен и масштаб реализации экологической политики, так как на каждом из уровней ее сущность имеет свои характеристики и наполнение.

Так, учеными выделяются всего 5 уровней реализации экологической политики: глобальный уровень; государственный уровень; региональный уровень; местный уровень; локальный [7, с. 9].

Говоря о сущности глобальной экологической политики, важно понимать, что речь идет именно о международных правовых мероприятиях (к примеру, подписание международных актов, договоров и соглашений), которые, в свою очередь, направлены на развитие мирового сотрудничества по сохранению природного наследия.

Долгосрочные документы стратегического планирования отражают правовой аспект наполнения государственной экологической политики в нашей стране, а именно:

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [9]. Именно в редакции документа до 2020 года данные отражают сущность и направление государственной экологической политики.

2. Основы экологической политики Российской Федерации на период до 2030 года [10]. Является непосредственно документом, который содержит основные составляющие экологической политики Российской Федерации.

Данные документы программно-целевого планирования отражают весь алгоритм работы эффективной системы природоохранных, экономических, политических задач, решение которых необходимо для эффективной реализации экологической политики государства.

Документы стратегического планирования отражают сущность экологической политики как национального, так и международного масштаба и основываются на положениях

Конституции Российской Федерации, нормах и принципах международного права, документах международного права, а также на законах Российской Федерации.

Экологическая политика государства, которая изложена в документах стратегического планирования, в качестве главной своей сути выдвигает работу по защите экологической сферы при наращивании темпов экономической деятельности.

То есть, если внимательно рассматривать сущность стратегического планирования реализации экологической политики, то становится ясно, что экономическое благосостояние выступает в приоритете над экологией, которую восстанавливают от побочных эффектов от добычи и производства ресурсов.

Экологическая политика, проводимая государством, в данном случае направлена не на защиту природы и окружающей среды, а скорее на устранение побочных негативных экологических эффектов от реализации экономической деятельности на территории страны.

В Экологической доктрине, в отличие от документов стратегического планирования, показана сущность государственной экологической политики как политики, которая осуществляет весь спектр мероприятий по защите и сохранению природы, поддержанию ее целостности, жизнеобеспечения функций экосистем, прежде всего для развития общества, повышения уровня и качества жизни людей и увеличения продолжительности жизни и охране здоровья.

Сущность экологической политики Российской Федерации сводится к следующим принципам: приоритет биосферы над использованием ее ресурсов; устойчивое развитие населения страны; рациональное распределение прибыли от реализации ресурсов страны; оперативное устранение экологических проблем; исключение реализации потенциально опасных для экологии проектов; природопользование платное; информация об экологической обстановке имеет открытый характер; субъекты имеют доступ к деятельности по охране окружающей среды и могут принимать участие в принятии решений.

Литература:

1. Александров Ю. Л. Основные направления реализации государственной экологической политики // Вопросы экономических наук. 2019. № 3 (97). С. 15–16.
2. Боголюбов С. А. Новый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» // Журнал российского права. 2002. № 6. С. 56.
3. Бочарова Е. П. Правотворчество субъектов Российской Федерации // Право и политика. 2003. № 1. С. 35–38.
4. Булгакова Л. С. Экологическое право: учебное пособие. СПб., 2020. С. 8.
5. Дубовик О. Л. Значение исследований современной экологической политики: теория и практика // Черные дыры в Российском законодательстве. 2019. № 2. С. 81.
6. Дубовик О. Л. Экологическое право. М., 2005.
7. Левченков А. И. Экологическая политика или политическая экология // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. 2019. № S1. С. 9.
8. Летягина Е. Н. Экономические последствия воздействия экологической политики на здоровье и здоровый образ жизни населения // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5 (106). С. 1259.
9. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание Законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
10. Основы экологической политики Российской Федерации на период до 2030 г. // Собрание Законодательства РФ. 2012. № 18. ст. 2144
11. Павлов Е. И. Экологическая политика составная часть государственной политики России // Политология. Культурология. 2021. Т. 7. № 1 (73). С. 220.

То есть, выходит, что в международном понимании сущность экологической политики олицетворяет сохранение природы как единственной цели, а на национальном уровне сохранение природы трактуется в правовых документах как основа достижения определенной продолжительности, уровня и качества жизни населения страны.

Мы имеем две трактовки экологической политики, которые имеют одну цель (сохранение и защиту экосистем) и два разных наполнения (состояние природы и состояние людей на основании хорошего состояния природы).

Подведем итог. На основании изученных нами трактовок экологической политики государства, в зависимости от наполнения, масштаба и уровня реализации, определение экологической политики государства следующим образом: «экологическая политика государства — это целенаправленная деятельность государства по охране и оздоровлению природы, рационального использования и активного восстановления ресурсов с учетом современных технологий, и требований к экологической безопасности с целью создания благоприятных условий внешней среды и устойчивых гармоничных отношений между человечеством и окружающей их природой».

Сущность государственной экологической политики Российской Федерации, в отличие от мирового уровня реализации экологической политики, направленной на сохранение окружающей среды, как единственной цели своей деятельности, направлено на преодоление негативных последствий от ведения экономической деятельности и увеличение положительных факторов и условий сохранения, и развития человеческого капитала. Иными словами, экологическая политика на государственном уровне направлена на развитие системы экологической безопасности страны с целью сохранения окружающей среды, увеличения уровня и качества здоровья населения, а также нивелирования негативных факторов влияния на нее человека в рамках ведения своей производственной деятельности.

Реализация прокурором полномочий по предъявлению гражданских исков в порядке статьи 44 УПК РФ

Виноградский Давид Денисович, студент;
Францифоров Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автор изучает институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве, а именно роль прокурора при реализации положений данного института. Также анализируются правовые основы обозреваемого способа защиты имущественных интересов общества и личности. Помимо этого рассматриваются преимущества и проблемы при реализации прокурором полномочий по предъявлению гражданского иска.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, гражданский иск, полномочия прокурора, прокурор, гражданское право, российская правовая система.

В статье 52 Конституции РФ указывается, что права потерпевших во многом находятся под охраной государства, в случае совершения преступления или злоупотребления властью. Государство, в свою очередь, обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсации вреда, который был нанесен в результате общественно опасного деяния. Одним из главных способов защиты имущественных интересов общества и личности является институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Гражданский иск подразумевает под собой определенное требование юридического или физического лица о возмещении имущественного, морального вреда, причиненного преступлением, к обвиняемому или лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, заявленное при производстве по уголовному делу.

В свою очередь, прокурор наделен полномочиями по подаче гражданского иска в рамках ч. 3 ст. 44 УПК. Прокурору предоставлены полномочия по предъявлению гражданских исков в защиту интересов отдельных категорий граждан, а именно: несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, а также государства [1].

Стоит сказать, что во многом прокуроры, заместители прокуроров предъявляют гражданские иски в рамках реализации полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 44 УПК. Предъявление гражданского иска происходит на стадиях предварительного расследования и до окончания судебного следствия при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции.

Важным является отметить, то, что гражданский иск должен рассматриваться совместно с уголовным делом. Во многом совместное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска имеет гражданско-правовое и уголовно-правовое значение [2, с. 156]. В отсутствие одного без другого не могут быть решены главные вопросы уголовного процесса — наказание, виновность. Также в соответствии со ст. 73 УПК РФ, при производстве уголовного дела важным обстоятельством является необходимость доказывания характера и размера вреда, который был причинен преступлением.

В соответствии с разъяснениями, данными в п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» бремя доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного ущерба лежит на государственном обвинителе. Также в данном пункте указывается, что имущественный вред, который был причинен преступлением, но, в свою очередь, выходящий за рамки предъявленного обвинения, должен доказываться гражданским истцом. Гражданский истец доказывает причиненный ему ущерб путем представления суду различных документов, квитанций об оплате, счетов на ремонт и др.

Тем самым, стоит отметить, что рассмотрение гражданского иска в пределах уголовного судопроизводства имеет определенные преимущества. Одним из них является именно то, что во многом происходит экономия средств и времени. Применяя два вида ответственности: уголовную и материальную, суд, в свою очередь, восстанавливает нарушенные имущественные и неимущественные права субъекта правоотношений, а также обеспечивает быстрое возмещение ущерба от преступления.

Обращаясь к п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, можно констатировать, что суд при постановлении приговора обязан разрешить вопрос об удовлетворении или неудовлетворении гражданского иска. При удовлетворении гражданского иска, суд должен решить в чью пользу и в каком размере он удовлетворен.

В пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» обращено внимание суда на то, что в ходе судебного разбирательства надлежит принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу, с тем чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены, не допускать при постановлении обвинительного приговора необоснованной передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства [3].

Стоит отметить, что разрешая вопрос о гражданском иске в приговоре, суд, в свою очередь, освобождает лиц от необходимости повторно исследовать обстоятельства дела, повторно вызывать свидетелей для дачи показаний. Подача гражданского иска в уголовном деле не облагается государственной

пошлиной. Подсудность также зависит от подсудности уголовного дела. Тем самым, лицо, которое собирается предъявлять иск не в рамках уголовного судопроизводства будет обязано не только оплатить госпошлину, но также определить правильную подсудность. Также не стоит забывать о необходимости оплаты юридических услуг по сопровождению дела в суде. Именно в данном случае прослеживается определенное преимущество рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного дела.

Выделяется еще одно преимущество рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Рассмотрение гражданского иска в рамках уголовного процесса во многом увеличивает вероятность взыскания ущерба в полном объеме. В соответствии со ст. 61 УК РФ, добровольное возмещение имущественного вреда, а также компенсация морального вреда до того момента, как суд вынесет решение по существу дела, является обстоятельством, которое смягчает наказание. А в случаях, которые предусмотрены ст. 76 УК РФ, добровольное возмещение ущерба, может являться определенным основанием для прекращения уголовного дела за примирением сторон, подсудимого и потерпевшего, в соответствии со ст. 25 УПК РФ.

Как было сказано выше, законным представителем или прокурором может быть предъявлен гражданский иск в целях защиты несовершеннолетних, лиц, которые признаны недееспособными, либо ограничено дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, а также лиц, которые по иным другим причинам не могут самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Также прокурором может быть предъявлен иск в защиту интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Примером предъявления гражданского иска прокурором может являться уголовное дело № 1–137/2020. Гражданский иск был предъявлен в интересах Муниципального образования Рузаевского муниципального района межрайонным прокурором Рузаевского района.

Одной из главных проблем, которые могут возникнуть при подаче гражданского иска прокурора в целях защиты прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства является то обстоятельство, что УПК РФ во многом не регламентирует порядок предъявления гражданского иска прокурором. Также в УПК РФ не содержатся определенные требования, которые предъявляются к написанию искового заявления, не содержатся норм, которые объясняют последствия подачи искового заявления, имеющего какие-либо существенные недостатки [4, с. 256].

Судом приходится во многом, исходя из общих принципов и задач уголовного процесса, руководствоваться нормами гра-

жданского процессуального права, а именно ст. ст. 131–136 ГПК РФ [5]. Тем самым, исковое заявление, которое предъявляется в ходе расследования или рассмотрения уголовного дела по существу, обязано отвечать требованиям, установленным ст. 131 ГПК РФ.

Исходя из анализа уголовных дел, во многом можно сделать вывод, что гражданские иски предъявляемые прокурором в целях защиты законных прав и интересов, не всегда соответствуют требованиям, которые предусмотрены ст. 131 ГПК РФ, так как в них в определенных случаях, могут неправильно быть указаны данные истца и ответчика, отсутствуют конкретные суммы ущерба, или подробный денежный расчет, не указываются доказательства, которые подтверждают причиненный ущерб.

Стоит также отметить, что предъявление гражданского иска прокурором во многом является не столько правом, сколько его обязанностью. Прокурор, в свою очередь, в силу своего должностного положения и возложенных на него уголовно-процессуальным законом и приказом Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» функций должен использовать все предоставленные средства, полномочия, в целях обеспечения исполнения законов об охране прав и интересов государства [6].

Также в приказе Генерального прокурора указывается, что при обнаружении определенных пробелов предварительного расследования или факта невозможности потерпевшим самостоятельно защищать свои права и законные интересы в ходе рассмотрения дела и поддержания государственного обвинения, прокурор должен принять все, предусмотренные законы меры к их устранению.

Таким образом, в общем и целом, участие прокурора в подаче гражданского во многом способствует наиболее объективному, всестороннему исследованию обстоятельств дела и более эффективному и быстрому решению вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступлением. Однако, в настоящее время остаются определенные пробелы в процессе подачи гражданского иска, а именно отсутствия определенной формы для подачи данного процессуального документа в уголовном судопроизводстве. Субъектам для применения института гражданского иска в рамках уголовного процесса необходимо руководствоваться нормами гражданского процессуального права. Данный аспект содержит в себе определенные нюансы, а именно в том, что нормы гражданского процессуального права используются в рамках уголовного процесса. Анализируя гражданский процесс, сложно будет найти определенные нормы из УПК, которые будут применяться, использоваться участниками.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N174-ФЗ (изм. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ от 24 декабря 2001 г. N52 (часть I) ст. 4921.
2. Манова, Н. С. Уголовный процесс: учебник / Н. С. Манова. — Москва: Дашков и К°, 2016. — 422 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 N23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»// опубликован в «Российской газете» от 23 октября 2020 г. N240

4. Барабаш, Анатолий Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / Анатолий Барабаш. — М.: Юридический центр, 2019. — 837 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N138-ФЗ // СЗ РФ от 18 ноября 2002 г. N46 ст. 4532
6. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 N376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»

Жизнь и здоровье человека как объекты правовой защиты

Волова Арина Андреевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассмотрены понятие и содержание жизни и здоровья человека как правовых категорий, формы правовой защиты жизни и здоровья человека, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: жизнь, здоровье, человек, правовая защита, Российская Федерация, основы охраны здоровья граждан.

В современном мире жизнь и здоровье человека являются высшими ценностями, которые должны находиться под охраной государства и общества. Право на жизнь как неотъемлемое право человека провозглашено пунктом 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации, статьей 3 Всеобщей декларации прав человека, пунктом 1 статьи 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и др. Право на охрану здоровья, являясь фундаментальным элементом права на жизнь, закреплено в пункте 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации, статье 25 Всеобщей декларации прав человека, статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и др.

В науке можно встретить большое количество определений понятия «жизнь», отражающие различные подходы к пониманию данной категории.

Жизнь, как основное понятие в биологии, представляет собой «активную форму существования материи, которая в обязательном порядке содержит в себе все «свойства живого»; совокупность физических и химических процессов, протекающих в организме, позволяющих осуществлять обмен веществ и его деление» [1].

В философии понятие «жизнь» рассматривается наиболее неопределенно и многогранно (многозначно). Под жизнью в философии понимают живой организм, поток переживаний, «живой» дух, исходное начало всего мироздания и т.д. Все представления философов о жизни складываются в отдельное направление философии — философию жизни, рассматривающую все существующее как форму проявления жизни, некой изначальной реальности, которая не тождественна ни духу, ни материи и может быть постигнута лишь интуитивно. Представителями данного направления философии являются Фридрих Ницше, Вильгельм Дильтей, Анри Бергсон, Георг Зиммель, Освальд Шпенглер и Людвиг Клагес.

В юриспруденции категория «жизнь» рассматривается как совокупность биологического, физиологического и философского подходов, то есть под жизнью понимается «взаимосвязанный с окружающей средой и обществом процесс, началом

которого является момент рождения человека, а завершением — смерть» [2], обладающий «абсолютной социальной ценностью, охрану и защиту которого должно гарантировать государство посредством установления ответственности в отношении причинителя вреда» [1]. При этом моментом рождения ребенка в соответствии с частью 1 статьи 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является момент отделения плода от организма матери посредством родов, а моментом смерти человека согласно части 1 статьи 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека) [3].

Момент окончания жизни человека в отличие от ее начала определен достаточно точно и, как правило, не вызывает особой критики среди ученых, однако не все правоведы согласны с законодательным определением момента рождения человека в контексте возникновения и прекращения права на жизнь, ее правовой охраны и защиты.

Так, одним из недостатков законодательного определения момента начала жизни человека является то, что оно не охватывает все возможные и нередкие в практике случаи появления на свет живого ребенка. Например, «в случае смерти беременной женщины (во время операции или дорожно-транспортного происшествия), если ребенку удастся сохранить жизнь, исходя из дословного определения начала жизни, он не может быть признан живым, даже если будет жизнеспособным, так как родов в данном случае не было» [4].

В отличие от определения понятия «жизнь» определение понятия «здоровье» законодательно закреплено. Согласно статье 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под здоровьем понимается состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма [3]. Также в Уставе Всемирной организации здравоохранения указано, что здоровье является состоянием полного физического, душев-

ного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов [5].

Каким бы то ни было определением и содержанием понятий «жизнь» и «здоровье», несомненно, что они всегда будут являться главными объектами правовой защиты, под которой понимают совокупность мер (активных действий), направленных на восстановление нарушенных прав и свобод или устранения угрозы их нарушения.

В зависимости от отрасли законодательства можно выделить уголовно-правовую, гражданско-правовую и административно-правовую формы защиты жизни и здоровья человека.

В главе 16 Уголовного кодекса Российской Федерации зафиксированы 25 составов преступлений против жизни и здоровья [6]. В зависимости от непосредственного объекта уголовно-правовой охраны их можно классифицировать на преступления против жизни (например, убийство, причинение смерти по неосторожности, доведение до самоубийства и др.) и преступления против здоровья (например, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, побои, истязание и др.). Поскольку в данной главе имеются составы преступлений, где «момент окончания преступления не связан с причинением смерти или вреда здоровью, в уголовном праве выделяют третью самостоятельную группу — преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье» [7] (например, неоказание помощи больному, воспрепятствование оказанию медицинской помощи, оставление в опасности).

Глава 59 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, и право на компенсацию морального вреда [8].

Общие основания наступления ответственности в виде возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, и компенсации морального вреда изложены в статьях 1064 и 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. К ним относятся: 1) наличие вреда, которое выражается в виде утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных

транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение; 2) противоправность деяния, то есть причинение любого вреда, за исключением причинения вреда в состоянии необходимой обороны либо крайней необходимости; 3) причинно-следственная связь между противоправностью деяния и наличием вреда, что означает, что причиненный вред должен быть вызван противоправным деянием, в связи с совершением которого возникло право на возмещение вреда; 4) вина причинителя вреда. Ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины.

Наконец, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает административную ответственность за совершение административных правонарушений, посягающих на жизнь и здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность [9]. Среди них можно выделить следующие составы правонарушений: побои, нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности и др.

Системность форм правовой защиты жизни и здоровья человека заключается в том, что они представляют собой полный комплекс мер, направленных на восстановление или возмещение нарушенных прав. Человек вправе по своему усмотрению выбрать и использовать один, несколько или все предусмотренные законом средства правовой защиты. Каждый способ защиты прав человека связан с другими способами и дополняет их, создавая таким образом общую систему защиты прав человека.

Исследование системы прав человека и предусмотренных законодательством правовых форм защиты жизни и здоровья человека вновь позволяют убедиться, что жизнь и здоровье человека являются самыми важными объектами правовой защиты, поскольку выступают первостепенными по отношению ко всем остальным правам и свободам человека и создают основу для их реализации.

Литература:

1. Дубровина М. Ю., Карпикова Л. В., Попович М. М., Шелепина Е. А. Личные неимущественные права: учебное пособие // Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — Вологда, 2022. — 235 с.
2. Амелычаков О. И. Право на жизнь: момент возникновения и утраты // Правоприменение. 2022. № 2. С. 169–180.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 48. Ст. 6724.
4. Ушатов Д. В. Проблема законодательного определения момента начала жизни и уголовно-правовая охрана неродившегося человека // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 2 (51). С. 104–107.
5. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Министерство здравоохранения — Издательство «Медицина», ВОЗ, Женева, 1968 год. — [Электронный ресурс]: <https://docs.cntd.ru/document/901977493?ysclid=lok44hwrw7391045971&section=text> (дата обращения: 04.11.2023).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. № 25. Ст. 2954.

7. Голенко Д. В. Преступления против жизни и здоровья: учеб. пособие // Д. В. Голенко. — Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. С. 6.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Российская газета от 10.2.1996 г.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 1. Ст. 1.

Отдельные вопросы квалификации незаконных действий со специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации

Воронов Михаил Михайлович, студент
Владимирский юридический институт ФСИН России

В современном мире, где технологии играют важнейшую роль в повседневной жизни, возникает много возможностей для незаконного использования технических средств для получения негласной информации. Это может быть связано с нарушением частной жизни, кражей конфиденциальных данных. В связи с чем, остаются актуальными вопросы квалификации незаконных действий со специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации.

Ключевые слова: специальные технические средства, негласное получение информации, незаконные действия со специальными техническими средствами, проблемы квалификации, объект преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, субъект преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, проблемы квалификации незаконных действий со специальными техническими средствами.

Separate issues of qualification of illegal actions with special technical means intended for the secret receipt of information

In the modern world, where technology plays a crucial role in everyday life, there are many opportunities for the illegal use of technical means to obtain secret information. This may be due to violation of privacy, theft of confidential data. In this connection, the issues of qualification of illegal actions with special technical means intended for the secret receipt of information remain relevant.

Keywords: special technical means, secret receipt of information, illegal actions with special technical means, qualification problems, the object of the crime provided for in Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the subject of the crime provided for in Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, problems of qualification of illegal actions with special technical means.

Введение ст. 138.1 УК РФ как нормы, предусматривающей уголовную ответственность за совершение незаконных действий со специальными техническими средствами, повлекло за собой не только споры правоведов в части исследования ее состава, определения предмета посягательства, но и проблемы при квалификации в практической деятельности следственных органов.

Как показывает статистика, показатели числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по рассматриваемой норме, привлечения, с каждым годом только увеличиваются. Так, по данным судебной статистики, если в 2011 году по ст. 138.1 УК РФ были осуждены 49 человек, то в 2016 году — 236, а в 2022 году — 257 человек [4].

Несмотря на увеличение следственной и судебной практики, правоприменители продолжают сталкиваться с проблемами применения и толкования ст. 138.1 УК РФ. Однако данные вопросы до сих пор остаются неразрешенными.

Незаконность применения специальных технических средств рассматривалась Конституционным Судом РФ, который видел важность данной правовой нормы в рамках именно уголовной ответственности. Он обращал внимание на правила применения трактовки используемых в уголовном законе понятий, а также необходимости соблюдения четких предписаний норм, что позволит судам при ее толковании увидеть уголовно-правовые последствия лица, привлекаемого к ответственности [1].

Видовой объект посягательства ст. 138.1 УК РФ определяется названием главы, в которую помещена данная норма, и представляет собой конституционные права и свободу граждан, которые гарантированы им Конституцией РФ.

Непосредственный объект представлен в виде охраняемых общественных отношений, возникающий в ходе реализации человеком своих конституционных прав и свобод.

Однако данные термины представляются наиболее расплывчатыми, в связи с чем, при применении нормы ст. 138.1 УК РФ

требуют конкретики. Именно споры в отношении определения объекта преступления наиболее часто приводят к неверной трактовке деяний преступника, в данном случае необходима конкретика установления, на какие именно права и свободы посягает преступник, реализуя свой преступный умысел в рамках рассматриваемой нормы уголовного закона. Определение правильного объекта преступления, прежде всего, позволяет уяснить юридическую природу уголовного деяния.

Стоит отметить, что установление непосредственного объекта преступного посягательства позволяет правоприменителям уголовной нормы определить рамки преступного деяния, поскольку само преступление есть конкретное явление, а действия преступника направлены на узкий круг общественных отношений.

Так, например, Н. В. Подгорная видит в качестве непосредственного объекта статьи 138.1 УК РФ именно незаконный оборот специальных технических средств, что, в принципе, никак не соотносится с видом объектом посягательства данной нормы, который, как уже ранее отмечалось, относится к числу конституционных прав и свобод человека [2]. По мнению Н. В. Подгорной, незаконный оборот подразумевает под собой приобретение, сбыт и производство специальных технических средств без соответствующего разрешения или лицензии, в этом и заключается смысл незаконности действий преступника.

Таким образом, непосредственным объектом являются общественные отношения, установленные в рамках разрешительной деятельности по производству, приобретению и сбыту соответствующего оборудования, используемого различными правоохранительными органами в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Привязывая данную норму все же к видовому объекту посягательства, следует, что по факту незаконного оборота специальных технических средств, преступник не может быть привлечен уголовной ответственности, если его действия хоть и связаны с их незаконным производством, приобретением и сбытом, однако не направлены на посягательство именно конституционных прав и свобод. Как видим, при применении ст. 138.1 УК РФ законодатель ограничивается исключительно защитой конституционных положений.

В случае приобретения специальных технических средств, не связанного с их незаконным использованием против соответствующих общественных отношений, причинение вреда отсутствует.

Рассматривая позицию таких авторов как В. А. Родивилина и И. П. Родивилин, стоит отметить, что наличие уголовной ответственности они видят только в том случае, если лицо совершило перечисленные в диспозиции нормы статьи 138.1 УК РФ действия с намерениями незаконного получения информации, которая относится к семейным или личным тайнам [3].

Однако судебная практика говорит о различных применении норм ст.ст. 137, 138, 138.1 УК РФ.

Так, например, суд, рассматривая обвинение лица по ст. 138 УК РФ по факту приобретения виновным GPS-трекера в целях контроля перемещения супруги, а также прослушивания ее переговоров и размещения данного устройства в ее сумке, пришел к выводу, что действия обвиняемого необходимо квалифици-

ровать по ст. 138.1 УК РФ. Тем самым, суд указал на начальный умысел виновного и последующие связанные с ним преступные действия, поскольку именно незаконное приобретение такого специального технического средства как GPS-трекер в целях негласного получения информации повлекло последующее нарушение конституционных прав его супруги.

Однако, как правило, суд приходит к выводу о применении норм ст. 137 и ст. 138.1 УК РФ в совокупности. Так, рассматривая уголовное дело по факту приобретения обвиняемым GSM-микрофона и размещения его в одной из комнат квартиры потерпевшей в целях получения информации, суд пришел к выводу, что данные действия следует квалифицировать по двум указанным нормам [5].

Некоторые авторы указывают на несоответствие видового и родового объекта ст. 138.1 УК РФ, ссылаясь на примечание данной нормы, где говорится, что специальные технические средства должны обладать такими свойствами, как получение, накопление и обработка информации, составляющей личную и семейную тайну, без ведома лица, являющегося ее носителем. Полагаем, в данном случае происходит смешение информации, относящейся к тайной, которая охраняется различными нормами, входящими в разные разделы уголовного законодательства, например, личная тайна и государственная тайна.

Кроме того, определение специальных технических средств, данное в примечании 1, не содержит исключительности отношения к предмету преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, тех, которые предназначены именно для вторжения в частную жизнь другого лица, собирания его личной и семейной тайны.

Таким образом, важно включить в определение специальных технических средств, указанных в примечании 1, также те, которые предназначены специально для нарушения частной жизни другого лица, сбора его личной и семейной информации.

Вопрос субъективной стороны состава преступления ст. 138.1 УК РФ также неоднозначен. Так, субъективная сторона преступления составляет его психологическое содержание, поэтому она является внутренней (по отношению к объективной стороне) стороной преступления и характеризуется такими юридическими признаками (признаками состава), как вина, мотив и цель.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» подчеркнута, что умысел участника этого оборота должен быть направлен на совершение перечисленных в диспозиции статьи действий в отношении именно таких специальных технических средств. Положениями п. 7 указанного Постановления отмечено, что уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств наступает в случае нарушения закрепленных в соответствующих нормативных правовых актах требованиях к особенностям такого оборота. Однако представляется, что немаловажным аспектом, упущенным в разъяснении, является направленность умысла

именно на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В связи с этим предлагаем дополнить указанное Постановление разъяснением, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо доказать, что действия лица были направлены именно на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Это поможет более точно определить круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, и защитить права и свободы граждан.

Также хотелось бы отметить, что ст. 138.1 УК РФ относится к категории преступлений, связанных с незаконным использованием специальных технических средств для получения информации. Это может включать такие действия, как незаконное прослушивание, запись разговоров, съемку, фотографирование или иное незаконное получение информации о частной жизни человека. Однако, следственные органы могут столкнуться с проблемами в квалификации преступлений по этой статье.

Во-первых, это связано с трудностями в доказывании факта незаконного использования специальных технических средств. Эти средства могут быть скрытыми или трудно обнаруживаемыми, что усложняет их выявление и представление в качестве доказательств.

Во-вторых, возникают сложности в определении характера полученной информации и ее конфиденциальности. Некоторые действия могут быть оспорены как несущественные или не нарушающие права человека, что может затруднить квалификацию преступления.

Литература:

1. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 34, ст. 4368.
2. Подгорная Н. В. К вопросу непосредственного объекта незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / Н. В. Подгорная // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всерос. науч.-практ. конф. — Омск: Омская юридическая академия, 2018. — С. 83–84.
3. Родивилина В. А. Особенности квалификации преступлений в сфере незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / В. А. Родивилина, И. П. Родивилин // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. — 2013. — № 3(66). — С. 61–66.
4. Судебная статистика [Электронный ресурс] — URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 04.10.2023).
5. Судебная практика по ст. 138.1 УК РФ. [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zLHKwekNYbQT/> (дата обращения: 30.09.2023).

Заключение брака российских граждан с иностранцами

Грачева Анастасия Андреевна, студент;

Мачулайтите Анжелика Герминасовна, студент

Научный руководитель: Иванова Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы рассматривают брак как уникальный институт совместной жизнедеятельности людей, который находится под охраной государства и права. В тех случаях, когда супруги имеют различное гражданство, то возникают проблемы с при-

менением права в вопросах заключения брака, в связи с чем в статье рассмотрены основные особенности вступления в брак с лицами-представителями иностранных государств, проанализированы основные условия таких браков.

Ключевые слова: брак, иностранный гражданин, семейный кодекс, международный договор, заключение брака.

На протяжении довольно длительной истории своего существования брак рассматривается как уникальный институт организации совместной жизнедеятельности людей, классическими целями которого выступают совместное проживание и ведение хозяйства, а также продолжение рода. Создание брачных союзов отвечает сути человеческой природы и общества, а собственно брак и семья находятся под опекой государства и права [1].

В своем традиционном понимании и с точки зрения российского семейного права брак представляет собой юридически оформленный союз одного мужчины и одной женщины.

В современной России брак, заключенный между гражданином Российской Федерации и иностранным гражданином, в том числе и лицом без гражданства, имеет тенденцию развития. Это напрямую связано с развитием миграционной политики и демократизацией общества. Так, к примеру, согласно статистическим данным Министерства Юстиции Кировской области, количество заключенных браков в 2022 году составило 2835, из них 62 брака заключены с иностранцами, что составляет примерно 3% от общего числа. В то же время, статистические данные за 2021 год по тому же региону свидетельствуют о том, что всего было заключено 50 браков с иностранцами.

Положения, касающиеся правового регулирования заключения браков с участием иностранных граждан, представлены в ряде международных соглашений. Среди них следует отметить Конвенцию о заключении и признании действительности браков 1978 г., разработанную в рамках Гаагской конференции по международному частному праву.

Однако на территории РФ положения международных соглашений, касающихся правового регулирования заключения браков с участием иностранных граждан, не распространяется. Базовой группой источников норм бракосочетания в РФ являются: Конституция РФ, Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ). Также выделяют факультативную базу источников семейного права: Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и др.

Рассматривая более тщательно вопрос о «национальной» нормативной базе, которая регулирует брачно-семейные отношения, осложненные иностранным элементом, фиксируем одну из главенствующих позиций Семейного кодекса РФ, а конкретно раздела VII.

Данный нормативно-правовой акт (далее — НПА) за время своего существования не претерпел колоссальных изменений, несмотря на наличие некоторых недостатков, к которым относится, в частности, противоречие положений статей 161 и 31 данного кодекса. Статья 161 СК РФ закрепляет единство места жительства супругов, от которого зависит выбор пра-

вовой системы [2]. На примере второй статьи предусмотрено право выбора каждого из супругов их места жительства.

Анализируя положения статей 156, 157, 158 СК РФ, следует обозначить 3 вида браков, которые заключаются с участием иностранных лиц:

Во-первых, брак, заключаемый на территории Российской Федерации, форму, порядок и условия которого определяют коллизионные привязки и отсылочные нормы. Согласно гл. III Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [3] и статье 14 СК РФ для каждого лица, вступающего в брак условия его заключения на территории РФ определяется законодательством отечественного права, а также нормами государства, гражданином которого он является на момент заключения брака. Например, правовая система Великобритании закрепляет одно из условий, что гражданин не имеет право вступать в брак с родственниками до четвертой степени родства. Так, одним из оснований отказа в регистрации органами ЗАГС брака по законодательству РФ является то, что он был заключен за границей и до нынешнего времени не расторгнут.

Во-вторых, консульский и дипломатический брак, к условиям признания которого при вступлении в брак лиц относятся принцип взаимности и наличие иностранного гражданства, которое назначает посол или консул в РФ на момент заключения брака.

В-третьих, заключенный за пределами Российской Федерации брак имеет соразмерную юридическую силу с зарегистрированным на территории РФ. Данный брак приобретает легитимность при соблюдении условий той страны, на территории которой он заключен, а также статьи 14 СК РФ.

Анализируя положения статьи 14 СК РФ, прежде всего, стоит отметить, что данная статья включает в себя перечень условия, при наличии которых заключение брака невозможно на территории РФ.

Необходимо и подчеркнуть, что попытки избежать ограничений, установленных в указанной статье, с помощью заключения брака на территории иностранного государства могут привести к нежелательным последствиям. Например, вступление в полигамный брак с иностранным гражданином на территории государства, где подобный вид браков имеет официальное разрешение, приведет к тому, что на территории РФ данный брак не будет признан и иметь юридической силы.

При исследовании заключения брака с иностранным гражданином на территории РФ, прежде всего, следует сказать, что в соответствии с Семейным кодексом, брак как правовой институт обеспечивает права и обязанности для супругов, независимо от их гражданства. Это включает право на наследство и общую собственность, а также и возможность получить визу или разрешение вида на жительства, в том числе, гражданства в упрощенной процедуре для иностранного супруга.

Для вступления в брак на территории РФ необходим определенный перечень документов. При заключении брака между

российским гражданином и иностранным гражданином важно учесть следующие аспекты:

Во-первых, при заключении брака необходимо предоставить заявление о заключении брака, документы, удостоверяющие личность желающих вступить в брак, документы, подтверждающие семейное положение (например, свидетельство о разводе или о смерти супруга, если таковые имеются), а также документы, подтверждающие легальное пребывание иностранного супруга в России. Необходимы и документы, которые подтверждают отсутствие препятствий для заключения брака. Например, для гражданина Германии необходима справка о брачной правоспособности, выданная компетентным органом ЗАГС по месту его постоянного жительства, и подтверждающая отсутствие препятствий к заключению брака по немецкому праву.

Литература:

1. Трофимец И.А. Брак как основание приобретения гражданства (на примере Королевства Испания) // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. // СПС «Консультант Плюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
3. Об актах гражданского состояния: федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 24.11.1997. № 47. Ст. 5340.

Полномочия и ответственность представителя по гражданским делам

Гуляев Олег Леонидович, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье рассмотрены основные требования, предъявляемые к оформлению полномочий представителей по гражданским делам. Исследуются возможные изменения в действующем гражданском процессуальном законодательстве, касающиеся института представительства.

Ключевые слова: представитель, полномочия, ответственность, изменения.

Законодательство Российской Федерации наделяет представителя обширным перечнем прав и полномочий, но в свою очередь и обязывает действовать исключительно в интересах своего доверенного лица.

Согласно части 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно [1].

Институт представительства предоставляет каждому возможность на реализацию конституционных прав, как гражданам, так и юридическим лицам, на получение юридической помощи и судебную защиту своих прав и свобод, а также реализацию в гражданском производстве принципов состязательности и диспозитивности сторон.

К сожалению, в настоящее время данный институт имеет множество проблем, связанных с пробелами в действующем законодательстве, которые влияют на качество представительства, и вопросов реализации защиты своих прав и интересов, доступа к правосудию и гарантированной судебной защиты

Во-вторых, это перевод документов на русский язык. Так, документы, предоставленные иностранным супругом, должны быть переведены на государственный язык РФ с нотариальным заверением.

Таким образом, при исследовании данной темы было рассмотрено правовое регулирование заключения браков с участием иностранных граждан, в частности, были рассмотрены положения Семейного кодекса РФ, регулирующего брачно-семейные отношения на всей территории РФ. Так, при анализе положений СК РФ было выделено 3 вида браков, заключаемых с участием иностранных лиц. Были выделены также важные аспекты при заключении брака между российским и иностранным гражданами, а именно: необходимый перечень документов и перевод на государственный язык.

своих прав, поскольку пока что не определена персональная ответственность представителя за результат своих действий в пользу своих доверителей.

Субъектом гражданских правоотношений, согласно действующему законодательству Российской Федерации, могут быть как физические, так и юридические лица, которые наделены правами и полномочиями осуществлять юридически значимые действия от имени своего доверителя и в его интересах. Также обязательным требованием к представителю является наличие у него дееспособности и полномочий на ведение дел, оформленных должным порядком, за исключением тех лиц, которые указаны в статье 51 ГПК РФ [2].

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации не содержится конкретных норм права, определяющих, кто именно относится к числу субъектов гражданского права. На деле же, к субъектам права относят всех участников, вступивших в гражданско-процессуальные отношения и наделенных правами и обязанностями в соответствии с законом. Отсюда следует, что субъектами права могут быть: представи-

тели, доверители и иные лица, с которыми у доверителя возникает правовая взаимосвязь ввиду действий своего представителя.

Что касается полномочий представителя, то согласно положениям статьи 54 ГПК РФ [2] представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Однако, для того, чтобы у представителя появилось право на юридически значимые действия от имени своего доверителя или доверителей, таких как: подписание заявлений, исковых заявлений, претензий, жалоб, ходатайств, предъявление исполнительных документов для возбуждения исполнительного производства по взысканию имущества или денежных средств, полный или частичный отказ от иска, заключение мирового соглашения, для последующего предъявления ответчику, организации, государственному органу или в суд, все эти нюансы должны быть оговорены и отображены в доверенности, в которой доверитель наделяет такими правами своего поверенного представителя.

Но сама роль представителя в гражданском законодательстве не определена, как не определена и его персональная ответственность.

У представителя не возникает права на совершение процессуальных действий от имени представляемого, которые не оговорены в доверенности. Указанное правило распространяется

и на ордер адвоката, который без доверенности также не наделяет адвоката правом совершать такие действия.

В тех случаях, когда представителем является адвокат, есть такая норма права, как статья 19 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3], которая устанавливает обязанность адвоката осуществлять страхование риска своей профессиональной деятельности в форме имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридических услуг. В свою очередь, при ненадлежащем оказании услуг нематериального характера, как и консультационных, убытки доверителя, как правило, должны возмещаться в режиме договорной ответственности. Таким образом, у адвокатов существует такое понятие, как ответственность перед своими доверителями, но данное понятие отсутствует у представителей в целом по ГПК РФ.

Для разрешения разного рода споров и проблем, связанных с институтом представительства существует необходимость внесения изменений и дополнений в главу 5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, конкретизирующих цели и задачи института представительства, определяющих роль и место представителя в гражданском процессе, его процессуальный статус, модернизирующих классификацию видов судебного представительства и, возможно, определяющих ответственность представителей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023).
3. Федеральный закон от 31.05.2022 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023).

Международно-правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах

Дышкова Ани́та Те́мборовна, студент;

Кокова Лаура Альбердовна, студент

Научный руководитель: Иванова Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена международно-правовому аспекту регулирования эвтаназии и проблем, возникающих при ее интерпретации в контексте права на жизнь. В целях формирования единообразного подхода к пониманию защиты прав человека на жизнь при проведении эвтаназии авторами проанализирован зарубежный опыт правового регулирования, а также международная практика судебных органов по защите прав человека.

Ключевые слова: международное право, эвтаназия, право на жизнь, юридические аспекты эвтаназии, Всеобщая декларация прав человека.

В международном праве проблема эвтаназии есть и остается одной из самых актуальных, прежде всего, из-за повышенного внимания к нему в правовой доктрине и практике некоторых государств. Вместе с тем, право на жизнь признается приоритетным в системе международных правовых принципов ввиду того, что делается акцент исследователями на волевой

подход такого права, который отождествляется с возможностью человека распоряжаться своей жизнью.

Термин «эвтаназия» был введен английским философом Ф. Бэконом в XVII в. Данный термин он трактовал как «легкая и безболезненная смерть», то есть, иными словами — мирная безболезненная смерть. На сегодняшний день под эвтаназией

понимается практика прекращения жизни человека, который страдает тяжелым неизлечимым заболеванием. «Боль, потеря интереса к жизни и стремление умереть достойным образом — является главной целью пациентов, которые обращаются с просьбой об эвтаназии» [1, С. 973]. Эвтаназия стала применяться в медицинской практике исходя из нескольких факторов, во-первых, это связано с развитием медицины под влиянием реаниматологии, во-вторых, приоритеты и моральные ценности людей значительно изменились, большое внимание стало уделяться «правам человека».

Необходимо отметить и тот факт, что спорным является юридическое закрепление понятия «эвтаназия», так как не существует однозначного высказывания ученых и теоретиков различных стран мира. Так в «энциклопедическом словаре медицинских терминов» эвтаназия закрепляется как «намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимо больного, который находится в терминальном состоянии, с целью прекращения его страдания» [2, С. 960].

Проблемы, связанные с эвтаназией, подверглись большой огласке в международном праве, но лишь в некоторых странах, где процедура эвтаназии официально легализована, процедура проведения отличается. Так, в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. отражено, что каждый человек имеет право на жизнь [3]. Стоит принять во внимание и тот факт, что законы принимаются в тех странах, которые имеют высокий уровень жизни населения. К таким странам относятся: Бельгия, Голландия, Люксембург, а также Швейцария, несколько штатов США, Канада.

Так, в Бельгии эвтаназия для лиц, старше 18 лет, была легализована, стали продаваться специализированные лекарственные средства, помогающие лишить жизни человека. Легализации подверглась и детская эвтаназия, для проведения которой требовалось сначала согласие самого ребенка — пациента, заключение консилиума врачей о безнадежности заболевания, приносящее страдания человеку. Помимо всего этого, необходимо было получить и согласие родителей в письменном виде [4].

В то же время, во многих государствах, в том числе и в Российской Федерации, эвтаназия законодательно запрещается [5, С. 175]. В 2019 году министром здравоохранения Вероникой Скворцовой, был дан комментарий о возможности введения эвтаназии в России. Она заявила, что данная процедура может быть принята только при условии проведения референдума. А в 2020 году, Государственной Думой РФ был принят законопроект, предложенный действующим и на сегодняшний день министром здравоохранения Михаилом Мурашко «О предоставлении медицинских услуг по эвтаназии гражданам иностранных государств на территории Российской Федерации». Тем самым, иностранные граждане тех стран, в которых эвтаназия разрешена законодательно, имеют право на проведение данной процедуры на территории Российской Федерации [6].

Важно отметить позицию ЕСПЧ. Так, на основании решений данного органа судебной власти определяется судебная практика по спорным вопросам. Европейский суд по правам человека в решениях указывает о недопущении применения эвтаназии как способа прекращения страданий больного.

К примеру, прецедентным является дело «Претти против Великобритании» [7].

Диана Претти, заявитель по этому делу, на момент его рассмотрения была неизлечима больна дегенеративным заболеванием, просила суд не возбуждать уголовное преследование в отношении своего супруга, если он окажет ей помощь в самоубийстве. Так, в суде девушка указывала ст. 2 Европейской конвенции по правам человека защищает не только право на жизнь, но и право выбирать, продолжать жить или нет. То есть человек имеет как право на жизнь, так и право на смерть.

Рассмотрев дело Дианы Претти, Европейский суд по правам человека пришел к следующему выводу: «право на жизнь», гарантированное ст. 2 Европейской конвенции по правам человека, без искажения текста не может быть истолковано ни как предоставление диаметрально противоположного права, а именно права на смерть, ни как создание права на самоопределение в смысле признания за человеком права избрать смерть вместо жизни. Исходя из этого, ЕСПЧ отказал Диане Претти в удовлетворении ее заявления и постановил, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований в том числе ст. 2 Европейской конвенции по правам человека.

Таким образом, ЕСПЧ отрицательно относится к применению эвтаназии или ассистируемого самоубийства, как в связи с психологическими, так и с физиологическими болезнями заявителей. ЕСПЧ признает право каждого государства на собственную позицию по вопросу эвтаназии и приходит к выводу о невозможности признания за человеком права на смерть.

Анализирую судебную практику и законы стран, где легализована эвтаназия, следует обратить внимание, что даже при том, что есть такое право, это вовсе не означает, что оно доступно. Поскольку для применения эвтаназии должны быть соблюдены строгие условия, а также это может повлечь злоупотребление со стороны больных граждан, и со стороны медицинских работников. Так, Рассматривая опыт в вопросе эвтаназии США, американцы в суде оспаривали законы, которые не разрешали применение эвтаназии. Главным аргументом было, что ограничивается свобода и нарушается права человека, а также Конституция.

Как показывает международный опыт, отсутствие однозначного ответа вопросы и необходимость защиты права на жизнь, особенно перед лицом актуальных и потенциальных злоупотреблений, связанных с практикой эвтаназии, по-прежнему остается весомым аргументом в пользу запрета практики использования эвтаназии, ведь «в настоящее время в международном праве вопрос об эвтаназии не нашел практического разрешения, поскольку он тесно связан с закрепленным в приведенных источниках правом на жизнь» [8, С. 155].

Так, Верховный суд ЮАР отменил решение нижней судебной инстанции, тем самым отверг эвтаназии. В частности судья Фабрициус создал судебный прецедент, постановив: «Соискатель получает разрешение на помощь медицинского специалиста, осуществляемую путем личного введения смертельного препарата пациенту или путем предоставления необходимого смертельного препарата самому соискателю». Стрэншем-Форд, в пользу которого судья Фабрициус вынес такой приговор, умер от рака за два часа до получения ордера.

Данный вопрос должен был решать избранный парламент, а не судьи. Поскольку решение было принято в спешке, без должного рассмотрения законов ЮАР, международного контекста, социальных ценностей страны или влияния этого постановления на право на жизнь. Медицинская информация, представленная суду, содержала погрешности и противоречила реальным медицинским записям, которые держались в тайне, пока не было получено решение суда. Исходом дела манипулировала группа лоббистов эвтаназии, ее адвокаты и правопреемник, а медицинские

записи на самом деле показывали, что Стрэшем-Форд на самом деле просил разрешения не делать эвтаназию.

В заключение всего вышесказанного хотелось бы отметить, что международный опыт свидетельствует об отсутствии однозначного ответа на вопросы о запрете или разрешении эвтаназии и необходимости защиты прав человека на жизнь, особенно из-за злоупотреблений, которые связаны с практикой эвтаназии, что, по нашему мнению, остается по-прежнему весомым аргументом в пользу запрета данной практики.

Литература:

1. Симонян Р.З. Правовые нормы об эвтаназии в российском законодательстве: уголовно-правовая характеристика эвтаназии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2020. № 6–5. С. 971–975.
2. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Гл. ред. В. И. Покровский. — 2. изд. — Москва: Медицина, 2001. — 960 с.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 10 декабря 1998 г.
4. В Бельгии впервые умертвили несовершеннолетнего согласно закону об эвтаназии [Электронный ресурс]. — URL: <https://refnews.ru/v-belgii-vpervye-umertvili-nesoversh/> (дата обращения: 18.10.2023).
5. Симанович Л. Н. Самоубийство и эвтаназия — соотношение и правовые аспекты // World science: problems and innovations: сб. ст. XVIII междунар. науч.-практ. конф., 2019. С. 175.
6. Общие новостные ресурсы: сайт Vadamecum. [Электронный ресурс]. URL: <https://vadamecum.ru/news/2019/10/28/veronika-prokommentirovala-vozmozhnost-vvedeniya-evtanazii-v-rossii/> (дата обращения: 20.10.2023).
7. Дело «Претти против Соединенного Королевства» [Pretty v. The United Kingdom] (жалоба № 5129/03): постановление Европ. Суда по правам человека от 29 апр. 2002 г. URL: https://european-court.eu/uploads/ECHR_Pretty_v_the_United_Kingdom_29_04_2002.pdf (дата обращения: 20.10.2023).
8. Соцков Е. А. Правовые признаки эвтаназии и ее основные формы // Современные проблемы права и управления 5-я междунар. науч. конф.: сб. докл. / гл. ред.: И. Б. Богородицкий, отв. ред. Ю. В. Киселевич. Тула, 2021. С. 154–157.

История развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности

Епифанов Роман Андреевич, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

Половые преступления всегда воспринимались обществом, независимо от этапа его исторического развития, как одни из наиболее опасных.

Как указывал Р. М. Полковников, «в древности насилие было одним из способов «добыть» себе супругу: мужчина брал в плен избранную им женщину и приводил ее в свое племя, после чего ему предстояло охранять свою «собственность» и честь, не допуская захвата или изнасилования жены. В эпоху племенной организации людей регулирование сексуального поведения входило в институт семьи (рода, племени, клана), поэтому анализируемые деяния рассматривались как действия, наносящее обиду главе рода: изнасилование означало оскорбление и влекло за собой месть» [1, с. 1].

В результате исследования исторически значимых правовых актов российского государства можно сделать вывод, что в отечественном уголовном законодательстве до 1715 г. из преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности было известно только изнасилование.

Впервые данное преступление было упомянуто в Церковном уставе князя Ярослава [2, с. 1]. Так, согласно ст. 3 данного устава за изнасилование или похищение с целью изнасилования девушки предусматривалась ответственность. Сам текст указанной статьи гласит следующее: «Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; а меньших бояр — гривна золота, а митрополиту — гривна золота; нарочитых людей — два рубля, а митрополиту два рубля; простыи чади — 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитель».

Исходя из текста статьи, можно сделать вывод о том, что размер наказания зависел от сословного прохождения потерпевшей и варьировался от 1 гривны серебра до 5 гривен золота.

Соборное уложение, изданное в период правления царя Алексея Михайловича Романова в 1649 г., помимо охраны половой неприкосновенности представительниц женского пола, предусматривало ответственность в отношении очевидцев за неказание помощи жертве при совершении в отношении нее

изнасилования или ее похищения из дома в целях его совершения, а также за пособничество в совершении данного преступления. Так, в ст. 16 гл. XXII указано следующее: «А будет кто умысля воровски придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно учинити, или ея ис того дому похочет куды увести, а люди ее от такова вора не оборонят, и учнут помочь чинити тем людям, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которых люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнить смертию» [3, с. 1]. В санкции данной статьи прослеживается тенденция ужесточения ответственности за изнасилование, а также за пособничество в его совершении, а именно установление за совершение вышеуказанных действий высшей меры наказания — смертной казни.

Однако ни один из названных нормативных актов не предусматривал ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а возраст потерпевшего, в отношении которого было совершено изнасилование никак не влиял на назначение наказания.

В Артикуле воинском, изданном в период правления царя Петра I в 1715 г., впервые в истории отечественного уголовного законодательства была введена глава, посвященная половым преступлениям, которая именовалась «О содомском грехе, о насилии и блуде». Это первый нормативно-правовой акт в отечественной истории, который предусматривал ответственность за совершение ненасильственного преступления против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетнего. Так, в арт. 166, где была установлена уголовная ответственность за совершение действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, сказано: «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложствует, оные яко в прежнем артикуле помянуто, имеют быть наказаны» [4, с. 1].

В дальнейшем ненасильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних получили свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Данный нормативно-правовой акт, в отличие от вышеупомянутых отечественных историко-правовых памятников, обеспечивал защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних на более высоком уровне. Во-первых, исходя из содержания статей акта, в Уложение была включена такая категория лиц, как несовершеннолетние и малолетние, а также были установлены их четкие возрастные границы. Так, в ст. 148 Уложения сказано: «За преступления, учиненные по неосторожности, несовершеннолетние, имеющие от четырнадцати лет до двадцати одного года от роду, подвергаются лишь домашнему исправительному наказанию, по распоряжению родителей или опекунов» [5, с. 1]. Таким образом, исходя из текста данной статьи, можно сделать вывод о том, что по Уложению лицо обладало статусом несовершеннолетнего с четырнадцатилетнего возраста и до достижения последним двадцати одного года. В ст. 150 данного Уложения говорится следующее: «Малолетние, имеющие от десяти до четырнадцати лет от роду и несовершеннолетние, которые после суда и наказания за преступление, будут изблечены вторично в том самом, или в равном, или же более тяжком преступлении, подвергаются за сие новое преступление одинаковому с совершеннолетними определен-

ному законом наказанию, токмо с освобождением от наказаний телесных, или с уменьшением меры оных, по правилам, выше сего в статьях 144 и 145 постановленным». Отсюда можно сделать вывод о том, что малолетним, согласно Уложению, признавалось лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Что касается уголовно-правовой защиты половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних лиц от преступных посягательств, то данное Уложение предусматривало ответственность за совершение посягательств такого рода. Так, например, ст. 2080, содержащаяся в главе второй «О злоупотреблении родительской властью и о преступлениях детей против родителей», предусматривает ответственность за развращение детей их родителями. В данной статье говорится следующее: «За умышленное развращение нравственности детей, а равно за потворство, также с намерением, их разврату, родители подвергаются наказанию».

Следующим отечественным нормативно-правовым актом, давшим развитие институту ответственности за ненасильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, является Уголовное уложение 1903 г. В данном правовом акте была закреплена глава двадцать седьмая «О непотребстве». Так, в ст. 513 указанной главы закреплялось следующее: «Винновный в любовном действии: 1) с ребенком, не достигшим четырнадцати лет; 2) с несовершеннолетним от четырнадцати до шестнадцати лет, без его согласия или хотя с его согласия, но по употреблению во зло его ненависти, наказываются: заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьме» [6, с. 1].

Стоит отметить, что уголовное законодательство именно этого времени содержит наибольшее количество составов ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних за всю отечественную историю права. Данная тенденция объясняется колоссальным влиянием христианского вероучения, строго порицавшего разврат и прелюбодеяние, на идеологию и образ жизни российского общества той эпохи. Так, в ст. 514 Уложения сказано: «Винновный в любовном действии с достигшим шестнадцати лет лицом женского пола, без согласия сего лица, наказывается: заключением в тюрьму».

Статья 516 Уложения предусматривала более строгую ответственность за совершение акта мужеложства в отношении несовершеннолетнего. Данная статья гласит следующее: «Винновный в мужеложстве, наказывается: заключением в тюрьму на срок не ниже трех месяцев: Если мужеложство учинено: с несовершеннолетним, четырнадцати до шестнадцати лет, без его согласия или хотя с его согласия, но по употреблению во зло его невинности; ... <...> Если же мужеложство учинено: 1) с ребенком, не достигшим четырнадцати лет; ... то виновный наказывается: каторгой на срок не свыше восьми лет».

Статья 520 Уложения уже предусматривает уголовную ответственность за половое сношение с несовершеннолетним лицом. Данная статья гласит следующее: «Винновный в любоддеянии; 1) с несовершеннолетней от четырнадцати до шестнадцати лет, без ее согласия или хотя с ее согласия, но по употреблению во зло ее невинности ... наказывается: заключением в

В дальнейшем, уже в советский период, в ходе принятия в 1922 г. УК РСФСР в отечественном уголовном законодатель-

стве было преодолено присущее более ранним памятникам права разнообразие ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Вместо этого, новый кодекс придал ранее существующим составом данных преступлений более универсальную форму.

Вышеуказанная категория преступлений была включена в раздел 4 «Преступления в области половых отношений» гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» Особенной части УК РСФСР 1922 г. [7, с. 1] и представляла собой всего четыре малосодержательных состава преступления.

Так, в ст. 166 было сказано: «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией».

В ст. 167 УК РСФСР было закреплено следующее: «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах карается лишением свободы на срок не ниже пяти лет». Здесь следовало бы отметить, что, в отличие от уголовного законодательства Российской империи, советский законодатель отошел от закрепления в уголовном законе возрастного критерия жертвы полового преступления и ввел новый для данных лиц критерий, предоставляющий им статус потерпевших, а именно критерий половой зрелости.

Статья 168 кодекса предусматривала ответственность за соращение несовершеннолетних. Она гласила следующее: «Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их, карается лишением свободы на срок до пяти лет».

Помимо всего вышеперечисленного, раздел «Преступления в области половых отношений» УК РСФСР включал ст. 170, предусматривавшую ответственность за сводничество несовершеннолетних лиц, находящихся в попечении обвиняемого. Включение данного состава преступления с указанием зависимого положения жертвы от виновного можно по праву назвать «перехитком» уголовного законодательства Российской империи, так как в дальнейшем данный состав будет перемещен в главу «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» и не будет содержать в себе такой квалифицирующий признак, как зависимое положения несовершеннолетнего от лица, совершившего в отношении него преступление.

Принятый в 1926 г. новый УК РСФСР по сравнению с кодексом 1922 г. не внес существенных изменений в статьи, связанные с ненасильственными преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Из него была исключена глава предыдущего кодекса, посвященная исключительно половым преступлениям, а соответствующие нормы были перенесены в гл. 6 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» [9, с. 1].

Литература:

1. Полковников, Р.М. Эволюция законодательства об ответственности за изнасилование в дореволюционный период // Р.М. Полковников. — Текст: непосредственный // European research. — 2015. — № 2 (3). — С. 1–7.
2. Церковный устав става князя Ярослава // Музей истории российских реформ им. Столыпина П. А. — URL: музейреформ.рф/node/13620#ref-17 (дата обращения 10.10.2023).

Ранее предусмотренные в УК РСФСР 1922 г. ст. ст. 166 и 167, устанавливавшие ответственность за половое сношение и удовлетворение половой страсти в извращенных формах, были объединены в рамках одной статьи.

В Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. были включены составы ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в наиболее знакомом нам виде. Как и Уголовный кодекс РФ 1996 г., УК РСФСР 1960 г. включал в себя исчерпывающий перечень составов данной категории преступлений, предусмотренных ст. 119 («Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости») и ст. 120 («Развратные действия»).

Кроме того, что касается ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, единственная отличительная особенность УК РСФСР 1960 г. от нынешнего уголовного закона заключалась в том, что кодекс предусматривал ответственность за совершение акта мужеложства в отношении несовершеннолетнего. Так, ст. 121 гласила: «Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство), совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего, — наказывается лишением свободы на срок до семи лет» [9, с. 1].

Таким образом, проведенное исследование эволюции отечественного законодательства в области регламентации ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних позволяет прийти к следующим выводам:

1. Впервые в отечественной истории наказуемость ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего была закреплена в период правления царя Петра I, а именно Артикуле воинском 1715 г.

2. Развитие в российском уголовном законодательстве составов ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних на разных исторических этапах не всегда проходило равномерно. Если в период Российской империи прослеживается тенденция увеличения количества и разнообразия уголовно-правовых норм, охраняющих половую неприкосновенность несовершеннолетних от ненасильственного рода посягательств, то в советский период наблюдалась законодательная деятельность по минимизации количества составов данного рода преступлений, а также содержания предусматривающих их статей.

3. В отличие от ныне действующего отечественного законодательства, в ранее существовавших аналогичных актах предусматривались отдельные статьи об уголовной ответственности за совершение интересующих нас деяний родителями, а также лицами, на которых возложена ответственность по воспитанию несовершеннолетнего, что, к большому сожалению, отсутствует в содержании действующего Уголовного кодекса РФ.

3. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 г. / М. Н. Тихомиров. — Текст: электронный // Изд-во Моск. ун-та: [сайт]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Артикул воинский 1715 г. — Текст: электронный // Изд-во Моск. ун-та: [сайт]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 30.10.2023).
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. — Текст: электронный // Национальная электронная библиотека.: [сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 30.10.2023).
6. Новое уголовное уложение 1903 г. — Текст: электронный // Национальная электронная библиотека.: [сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 30.10.2023).
7. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. (ред. от 25.08.1924 г.) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р». (вместе с «Уголовным кодексом Р. с. Ф. С. Р.»). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 30.10.2023).
8. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. (ред. от 27.04.1959 г.) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р.»). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#09505404055020856> (дата обращения: 30.10.2023).
9. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (ред. от 30.07.1996 г.). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/6d8a39804bfe82e851812361be108dd1296a042c/ (дата обращения: 30.10.2023).

Проблемные вопросы квалификации развратных действий (статья 135 УК РФ)

Епифанов Роман Андреевич, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

Статья, предусматривающая развратные действия (ст. 135 УК РФ), является последней в гл. 18 Уголовного Кодекса. В настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует легальное определение «развратных действий». Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [1; с. 1184], слово «развратить» значит «сбить с правильного пути, приучить к чему-либо отрицательному, безнравственному (неправильному образу жизни, неверному образу мыслей и т.п.)». Наиболее полное определение понятия «развратные действия», исходя из отечественного законодательства, было дано В. П. Коняхиным: «Развратные действия — это действия сексуального характера, направленные на удовлетворение половой страсти виновного лица, а также возбуждение полового желания у потерпевшего лица, и не являющиеся половым сношением, мужеложством и лесбиянством» [2; с. 16].

Основной непосредственный объект данного преступления схож с объектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. Здесь им также является половая неприкосновенность лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Как пишет И. В. Шишко, в качестве дополнительного объекта данного преступления выступают «интересы нормального психического и физического развития несовершеннолетних» [3; с. 122].

Как говорилось ранее, навязывание несовершеннолетнему ранних для него сексуальных отношений может крайне негативно сказаться на процессе формирования его морально-нравственных установок по отношению к половым актам, что может привести к циничному отношению к интимным контактам. Потерпевшие от такого рода преступлений подвер-

жены наибольшему риску вовлечения в занятие проституцией, а также ведению развратной половой жизни.

По мнению А. И. Коробеева, «вовлечение в сексуальные отношения в подростковом возрасте детерминирует совершение в будущем сексуальных преступлений жертвами такого вовлечения» [4; с. 562].

Факультативный объект данного преступления аналогичен факультативному объекту преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Им также выступает здоровье лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Что касается потерпевшего, то для квалификации преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, не имеет значения, имел ли он предшествующий опыт половых контактов, а также степень его осведомленности о сексуальных отношениях [5; с. 114].

Объективная сторона данного преступления заключается в совершении развратных действий в отношении потерпевшего. Как ранее отмечалось, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «к развратным действиям в статье 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети «Интернет», иных информационно-телекоммуникационных сетей.

На практике встречаются случаи, когда лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетнего лица, с которым в реальной жизни оно никогда не встречалось, а контактировало лишь посредством сети «Интернет». Стоит также отметить, что в случае если злоумышленник, ведя переписку в социальных сетях с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, на циничные темы интимного характера и желая побудить у последнего половое возбуждения и нездоровый сексуальный интерес, в процессе ее осуществления отправит несовершеннолетнему файл порнографического характера, то такие действия помимо как по ч. 1 ст. 135 УК РФ будут также квалифицироваться по совокупности с п. «б» ч. 3 ст. 242 либо п. «а», «г» ч. 2 ст. 242¹ кодекса.

Так, приговором Наро-Фоминского городского суда от 18 мая 2016 г. по делу № 1–135/2016 виновное лицо было осуждено по ч. 1 ст. 135 и п. «а», «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ. Преступления совершены при следующих обстоятельствах: «К.Г. имея преступный умысел, направленный на совершение развратных действий, посредством социальной сети «Одноклассники» в отношении лица, заведомо для него не достигшего шестнадцатилетнего возраста, путем направленных им сообщений со страницы с именем К.Г. в социальной сети Одноклассники познакомился с С. К., которая была зарегистрирована в социальной сети под именем С.К., и оценивая фотографии пользователя С.К., размещенные в социальной сети Одноклассники, расположил потерпевшую к себе и вошел к ней в доверие.

Далее К.Г. используя свой персональный компьютер осуществлял электронную переписку посредством передачи электронно-текстовых сообщений с несовершеннолетней С.К., содержащих слова и выражения сексуального и интимного характера, способные возбудить нездоровый сексуальный интерес на совершение действий сексуального характера и к половой близости. В результате указанных развратных действий К.Г. был причинен вред половой неприкосновенности С.К., формированию ее нормального нравственного развития.

Кроме этого, К.Г., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в не установленное следствие время копировал с не установленных следствием носителей информации на жесткие магнитные диски своего персонального компьютера порнографические изображения несовершеннолетних [6; с. 3].

Таким образом, к развратным действиям относятся любые действия сексуального характера, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, то есть все действия, кроме указанных в диспозиции ст. 134 УК РФ. В отличие от объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 134 УК РФ, развратные действия могут быть совершены не только в физической, но и интеллектуальной форме. В связи с этим развратные действия можно классифицировать на 4 отдельные группы:

1. Совершение виновным в отношении потерпевшего развратных действий в форме непосредственного физического контакта.

Данная группа может включать любые действия сексуального характера, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, при совершении которых имелся непосредственный телесный контакт между виновным и лицом, не достигшим воз-

раста шестнадцати лет, направленный на удовлетворение сексуальных потребностей.

Чтобы отграничить данные действия от мужеложства и лесбиянства, необходимо дать определение данным понятиям. Согласно определению, данному в науке сексопатологии, под мужеложством подразумевается ««введение полового члена в рот сексуального партнера (оральный коитус), имитацию анального коитуса с помощью рук или различных приспособлений, взаимную мастурбацию и др.». «Лесбиянство — это разновидность гомосексуального контакта между лицами женского пола, который, проявляется в самых разнообразных формах удовлетворения половых интересов» [7; с. 44].

Акт лесбиянства может совершаться в форме анилингуса (раздражение языком области заднего прохода), петтинга (преднамеренное получение оргазма искусственным возбуждением эрогенных зон в условиях двустороннего контакта, исключающего непосредственное соприкосновение гениталий), фроттажа (*tribadia externa* — трение половыми органами о разные части тела, в том числе о половые органы партнерши), *tribadiainterna* (попытка введения клитора во влагалище), взаимной мастурбации и др.

Однако с указанной позицией понимания мужеложства в корне не согласен Г.Б. Дерягин, который придерживается позиции, что акт мужеложства выражается только во введении полового члена в задний проход лица мужского пола, а все остальные действия сексуального характера, по его мнению, должны быть включены в развратные. Автор считает, что иные формы удовлетворения сексуальных потребностей двух мужчин, кроме им указанных, мужеложством не являются [8; с. 10].

Такой же позиции придерживаются и другие авторы. Так, Я.И. Гишинский определяет мужеложство как сексуальный контакт через задний проход между мужчинами любого возраста [9; с. 382]. Однако, исходя из отечественной судебной практики, под мужеложством и лесбиянством подразумеваются любые формы удовлетворения сексуальных потребностей, сопряженных с телесным контактом между лицами одного пола.

Таким образом, к первой группе развратных действий будут относиться анальный и оральный секс, стимулирование половых органов, петтинг, межбедерный коитус и другие подобного рода действия, совершаемые между лицами разного пола, для реализации которых обязательен телесный контакт виновного лица и потерпевшего.

2. Склонение или понуждение лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, к совершению с виновным развратных действий. Здесь для квалификации не имеет значения, были ли совершены в итоге склоняющим или понуждающим лицом в отношении несовершеннолетнего развратные действия или нет. Данные действия носят интеллектуальный характер и имеют цель породить желание у потерпевшего участвовать в действиях сексуального характера. Они могут выражаться в циничных беседах, в том числе с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей, между виновным и лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста на интимные темы, заключающиеся в подстрекатель-

стве к вступлению последнего в сексуальные контакты; в демонстрации последнему своих половых органов и иных интимных зон, а также порнографических материалов.

3. Совершение действий сексуального характера в присутствии потерпевшего. Данные действия заключаются в реализации своего преступного умысла в форме совершения любых физических действий сексуального характера на глазах у лица, не достигшего возраста шестнадцати лет. Не имеет значения для квалификации, совершает ли виновное лицо действие сексуального характера самостоятельно путем стимулирования своих половых органов и эрогенных зон, либо с участием партнера. Для квалификации преступления не важно, какие конкретно сексуальные действия совершают виновные в присутствии несовершеннолетнего. Ими также могут быть даже любые действия, предусмотренные ст. 134 УК РФ. Однако главным условием для квалификации преступления в данном случае является то, что виновное лицо должно осознавать, что потерпевший наблюдает за совершением им действий сексуального характера, и желать этого.

4. Склонение или понуждение потерпевших к совершению действий сексуального характера между собой. Здесь перечень преступных действий аналогичен перечню второй группы, однако отличие заключается в цели, которые преследуют данные действия, а именно склонить или понудить лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, к действиям сексуального характера. Сам виновный не имеет намерений принимать в них какого-либо физического участия.

Несмотря на то, что развратные действия относятся к насильственным половым преступлениям, на практике встречаются прецеденты, когда виновные лица были осуждены за совершение данных действий и в случаях отсутствия у потерпевшего волеизъявления на участие в них.

Оценивая такого рода ситуации, В.П. Коняхин говорит о том, что такое деяние характеризует «явно выраженное согласие потерпевшего лица либо, по крайней мере, неоказание сопротивления с его стороны действиям развратника» [10; с. 8].

Исходя из вышесказанного, видится, что для квалификации деяния по ст. 135 УК РФ необязательно наличие согласия потерпевшего на участие в развратных действиях, однако в таком случае должны отсутствовать с его стороны действия, направленные на сопротивление преступным посягательствам.

Таким образом, проанализировав объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 135 УК РФ, можно обозначить следующие признаки развратных действий.

1. Имеют четко выраженный сексуальный характер.
2. Могут реализовываться как в физической, так и в интеллектуальной форме.
3. В их круг не входят половое сношение, мужеложство и лесбиянство.
4. Жертвами данных действий могут быть только лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста.
5. Данные действия способны как побудить у несовершеннолетнего лица желание совершать действия сексуального характера или усилить его, так и удовлетворить сексуальные потребности виновного.

Состав данного преступления является формальным и не требует наступления каких-либо негативных последствий в отношении потерпевшего. Так, согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда от 04.12.2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» преступления, предусмотренные статьями 134 и 135 УК РФ, следует считать оконченными соответственно с момента начала полового сношения, мужеложства, лесбиянства или развратных действий.

Субъект данного преступления аналогичен субъекту преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Им является физическое вменяемое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Совершение деяния, предусмотренного ст. 135 УК РФ, родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетними, и здесь при вынесении приговора суда будет являться отягчающим обстоятельством, предусмотренным п. «п» ст. 63 УК РФ, но не будет учитываться при квалификации преступления.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Как и в случае со ст. 134 УК РФ, из текста ст. 135 было исключено указание на заведомое знание виновного лица о возрасте потерпевшего. Однако и в этом случае, как и со ст. 134 УК РФ, судебная практика продолжает стоять на том, что органы предварительного следствия не освобождаются от установления осведомленности лица о возрасте потерпевшего. О наличии данного факта могут свидетельствовать как наличие родственных связей виновного лица с потерпевшим или его длительного близкого общения с ним, а также внешний облик последнего.

Умысел на совершение данного преступления предполагает то, что виновное лицо осознает, что его противоправные действия способны побудить у лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, желание совершить действие сексуального характера или усилить его, а также удовлетворить свои сексуальные потребности. Не будут квалифицироваться по ст. 135 УК РФ действия, хотя и схожие с развратными, но не имеющие цель удовлетворения сексуальных потребностей либо возбуждения у лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, желания совершать действия сексуального характера, а также его усиления.

Таким образом, проанализировав содержание ст. 135 УК РФ, можно сделать следующие выводы:

1. Не будет влиять на квалификацию преступления тот факт, если жертва развратных действий до момента совершения данного противоправного деяния уже жила половой жизнью, а также ранее совершала аналогичные действия.
2. Развратные действия, в отличие от действий сексуального характера, предусмотренных ст. 134 УК РФ, могут выражаться не только в физической, но и в интеллектуальной форме.
3. Развратные действия могут совершаться в формах непосредственного физического контакта между виновным и потерпевшим, склонения или понуждения к совершению такого рода

действий, совершения любых действий сексуального характера в присутствии потерпевшего без какого-либо в них участия, а также в форме совершения таких действий между потерпевшими в результате склонения или понуждения виновного лица.

4. Исходя из современной судебной практики, любые развратные действия, сопряженные с физическим контактом между виновным и потерпевшим одного пола, будут квалифицироваться по ч. 2 ст. 134 УК РФ как мужеложство или лесбиянство.

5. Действия совершеннолетнего лица, хоть и подпадающие под перечень развратных действий, но при отсутствии при этом умысла пробудить или усилить желание потерпевшего на совершение действий сексуального характера, а также удовлетворить его сексуальные потребности, к примеру оголение перед лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, половых органов в бане или на нудистском пляже, не будут квалифицироваться по ст. 135 УК РФ и влечь за собой уголовную ответственность.

Литература:

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д. Н. Ушаков. — Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. — 1552 с.
2. Коняхин В. П. Развратные действия // Законность. 2008. № 12. С. 16–17.
3. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. В. Шишко. С. 122.
4. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. II. Преступления против личности. С. 562.
5. Российское уголовное право: учебник: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 114.
6. Приговор Наро-Фоминского городского суда от 18.05.2016 г. по делу № 1–135/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ce-ITCHGXeTHv/> (дата обращения 02.11.2023).
7. Сексопатология: справочник / под ред. Г. С. Васильченко. М., 1990. С. 44.
8. Дерягин Г. Б. Половые преступления. Архангельск, 1996. С. 10.
9. Гилянский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 382.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. С. 114. См. также: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1 С. 8.

Субъективная сторона причинения смерти по неосторожности

Жилинских Алина Вячеславовна, студент

Научный руководитель: Нобель Артем Робертович, кандидат юридических наук, доцент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор уделяет внимание основным признакам субъективной стороны причинения смерти по неосторожности.

Ключевые слова: причинение смерти, неосторожное преступление, лицо, неосторожность, преступная неосторожность.

Субъективная сторона преступления по ст. 109 УК РФ характеризуется неосторожной формой вины.

Причинение смерти по неосторожности может быть совершено как в результате легкомыслия, так и небрежности, при этом уголовное законодательство не разграничивает смерть в зависимости от вида неосторожности.

Для более ясной картины приведем примеры:

— легкомыслие: офицер нажал курок пистолета, думая, что он не заряжен, и застрелил товарища; мать взяла к себе в кроватку грудного ребенка и во сне его придушила

— небрежность: спиленное лесорубом дерево, падая ветвями кроны, задевает сухостоящее дерево, в результате чего верхушка дерева ломается и падает на стоящего рядом помощника лесоруба; медицинская сестра по невнимательности дает больному вместо лекарства сильный яд.

Наиболее опасным является легкомыслие в виду того, что при нем лицо сознательно нарушает правила предосторож-

ности, при этом предвидит возможность наступления смерти потерпевшего при самонадеянном расчете на ее предотвращение. В свою очередь при небрежности лицо не предвидит наступление смерти потерпевшего при наличии обязанности и возможности ее предвидения. Ответственность в данном случае наступает, потому что лицо при реальной возможности предвидеть общественно опасные последствия своего поведения, не прилагает психических усилий для правильной оценки своих действий (бездействий) и их результатов. Здесь есть основания говорить об отсутствии необходимой внимательности и предусмотрительности. В большинстве случаев причинение смерти по неосторожности наступает в результате именно преступной небрежности. [1]

Обратимся к судебному решению, в котором суд апелляционной инстанции изменил приговор, так как он содержал противоречивые выводы относительно элементов субъективной стороны состава преступления.

ФИО1 признан виновным в причинении смерти Ш. Г. Н. по неосторожности.

Суд первой инстанции в описательно-мотивировочной части приговора указал, что при совершении преступных действий в отношении потерпевшей Ш. Г. Н., ФИО1, проявляя преступную неосторожность в форме легкомыслия, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий в виде причинения опасного для жизни вреда ее здоровью, однако без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение указанных последствий.

По итогам судебного разбирательства было установлено, что смерть потерпевшей наступила в результате неосторожных действий ФИО1. Причем, из описанных в приговоре противоправных действий осужденного не следует, что он самонадеянно рассчитывал на предотвращение общественно опасных последствий, т.е. суд фактически признал, что преступление совершено по преступной небрежности, однако сделал вывод, что в его действиях имеет место быть неосторожная форма вины в виде преступного легкомыслия по отношению к смерти потерпевшей.

В резолютивной части суд апелляционной инстанции указал, что при совершении преступных действий в отношении потерпевшей ФИО1 проявил преступную неосторожность в форме небрежности: он не предвидел возможность причинения ее смерти в результате своих деяний, но по обстоятельствам дела должен был и мог это предвидеть, если бы действовал с большей осмотрительностью. [2]

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъект общий, за исключением ч. 2 ст. 109 УК РФ где субъект специальный — лицо, в силу профессии обязанное соблюдать определенные правила и стандарты.

Ответственность по ч. 2 ст. 109 УК РФ исключается, если: смерть наступает по иным причинам, а не вследствие нарушения профессиональных правил; имеет место крайней необходимости или обоснованного риска; если при нарушении профессиональных правил лицо не предвидело и не должно было предвидеть возможности наступления последствий в виде смерти. Если обязанность по соблюдению специальных правил профессиональной деятельности возложена на лицо ошибочно, по подложным основаниям или самовольно, то несоблюдение этих правил, повлекшее по неосторожности смерть, не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 109 УК РФ. При этом ответственность по ч. 1 ст. 109 УК РФ не исключается, если деяние лица заключается в нарушении норм и правил предосторожности общего характера, которые объективно и субъективно могли быть им соблюдены. [3]

В зависимости от того, является ли причинение смерти по неосторожности основным либо квалифицирующим при-

знаком, меняется и возраст привлечения лица к ответственности. Например, по ч. 4 ст. 111 УК РФ субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 14 лет. Аналогичным образом построена норма ч. 2 ст. 167 УК РФ. В связи с этим, считаем необходимым снизить возраст уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности (по ч. 1 и 3) до 14 лет.

В рамках рассматриваемой темы стоит так же остановиться на вопросе причинения смерти по неосторожности несколькими лицами. Будет ли в данном случае соучастие?

Исходя из содержания ст. 32 УК РФ соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. То есть исходя из буквального прочтения можно сделать вывод о том, что соучастия при совершении преступления по ст. 109 УК РФ быть не может.

В теории уголовного права деятельность двух или более лиц, которые по неосторожности причинили смерть другому лицу, имеются неосторожным сопричинением. В этом случае совершенное общими усилиями сопричинителей деяние признается для каждого из них самостоятельным, в отличие от соучастия.

Некоторые формы соучастия при неосторожном преступлении невозможны. Например, не может быть создана преступная организация для совершения неосторожного преступления. Вместе с тем, простое соучастие имеет место быть при совершении неосторожного преступления: смерть наступает в результате умышленных действий, которые по неосторожности привели к данному исходу событий. [4]

Однако большинство ученых отрицают возможность соучастия в неосторожных преступлениях. Связана данная точка зрения с большей опасностью преступления, совершенного в соучастии. [5]

Исходя из вышесказанного, делаем вывод, что однозначного ответа на вопрос о возможности соучастия при совершении неосторожного преступления нет. Полагаем, что точку в этом вопросе может поставить законодатель.

Проанализировав субъективную сторону преступления по ст. 109 УК РФ, делаем следующие выводы:

- Субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины;
- Субъект преступления-общий (за исключением ч. 2 ст. 109 УК РФ);
- В настоящий момент имеется необходимость снизить возраст привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 и 3 ст. 109 УК РФ;
- Большинство ученых склоняется к невозможности совершения неосторожного преступления в соучастии;
- При квалификации деяния, а именно, при определении субъективной стороны необходимо устанавливать вид неосторожности.

Литература:

1. Кожухарик, Д. Н. Юридический анализ состава преступления причинение смерти по неосторожности / Д. Н. Кожухарик, П. Т. Савин. — Текст: непосредственный // Право и практика. — 2017. — № 3. — С. 33–35.
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 28.02.2023 N22–261/2023 // Доступ СПС КонсультантПлюс.

3. Агабабян, Д. С. Характеристика квалифицирующих признаков причинения смерти по неосторожности — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2015. — № 22 (102). — С. 536–539.
4. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы учения о соучастии // Правоведение. — 1960. — № 1. — С. 84–97.
5. Соловьев А. Понятие соучастия по советскому уголовному праву и практика Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. — 1954. — № 11. — С. 27–34.

Сравнительный анализ применения общих и специальных норм уголовного наказания к должностным лицам в РФ

Забелин Денис Николаевич, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

Одним из важных аспектов правовой системы каждого государства является уголовная ответственность, которая распространяется не только на общественных членов, но и на государственных должностных лиц. В Российской Федерации эта проблематика получила особое внимание, ввиду необходимости эффективной борьбы с коррупцией и злоупотреблениями должностными полномочиями. В данной статье анализируется применение норм назначения уголовной ответственности в отношении общего субъекта и специального субъекта уголовного права через призму привлечения к уголовной ответственности должностных лиц в РФ.

Ключевые слова: сравнительный анализ, применение уголовного наказания, общие уголовные нормы, специальные уголовные нормы, уголовное наказание, должностные лица в РФ, уголовный процесс, общий и специальный субъекты уголовного права.

Общие нормы уголовного наказания применяются не только к гражданам, но и к должностным лицам. Это такие уголовные преступления, как взяточничество, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями, незаконные действия сотрудников правоохранительных органов и т.д. [2].

Общая норма — норма, которая содержит в обобщенном виде типичные признаки преступления определенного вида. Специальные уголовно-правовые нормы — это такие нормы Особенной части УК, в которых называется или описывается преступное деяние, а также указывается вид и пределы наказания, подлежащего применению за его совершение [4].

Я предлагаю разделить уголовно-правовых норм на общие и специальные, с учётом субъекта преступления, как известно общий субъект уголовного права — это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности; специальными субъектами в уголовном праве считаются физические лица с признаками, прямо предусмотренными в уголовном законе, среди них и должностные лица.

Для решения проблем, связанных с применением общих норм уголовного наказания, в российской правовой системе существуют специальные нормы, которые применяются исключительно к должностным лицам. Например, это могут быть нормы, устанавливающие ответственность за преступления в сфере государственной или муниципальной службы, коррупции и незаконного обогащения [6].

Одним из главных преимуществ специальных норм уголовного наказания является более ясное определение деяний, подпадающих под уголовную ответственность. Кроме того, при применении специальных норм требуется доказывать вину и наличие умысла совершения преступления, с учётом наличия у субъекта совершенного преступления специальных при-

знаков. Это позволяет более эффективно противостоять коррупции и злоупотреблениям в государственной сфере.

Сравнивая применение общих и специальных норм уголовного наказания к должностным лицам в РФ, можно отметить, что оба подхода имеют свои преимущества и недостатки. Общие нормы, хотя и устанавливают высокие стандарты наказания, требуют дополнительного доказательства вины и наличия прямого умысла совершения преступления. Это, во многом, создает формальные препятствия к привлечению должностных лиц к уголовной ответственности, несмотря на объективную достаточность доказательств совершенного преступления [11].

С другой стороны, специальные нормы уголовного наказания позволяют более эффективно бороться с коррупцией и злоупотреблениями должностными полномочиями, поскольку являются значительно конкретизированнее и казуальнее, что в целом упрощает их применение и снижает риск судебной ошибки. Однако, существует определенная опасность признания некоторых действий должностных лиц или риска политической манипуляции при применении специальных норм.

Зачастую в России при привлечении должностного лица к уголовной ответственности применяются общие нормы уголовного наказания, а не специальные. Возникает закономерный вопрос, почему суды смягчают наказание для должностных лиц, несмотря на возможность использования специальных норм [1].

Так довольно остро обстоит вопрос относительно назначения наказания за совершение преступлений, связанных с ненадлежащим осуществлением должностных полномочий, особенно, когда такие преступные деяния влекут причинение вреда здоровью или смерть для потерпевшего. К примеру, объ-

ективная сторона преступлений, ответственность за которые установлена ст. 124, 125 УК РФ, предполагает, прежде всего, неисполнение прямых должностных обязанностей (к примеру, для медицинских работников). Однако лишь ч. 2 ст. 124 УК РФ указывает в рамках альтернативной санкции возможность назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Санкции ч. 1 ст. 124, ст. 125 УК РФ не предусматривают возможность назначения отмеченного вида наказания. Однако как следует из ч. 3 ст. 47 УК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться и в качестве дополнительного наказания, и в тех случаях, когда данный вид наказания не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Как отмечено в п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N1 за 2016 г.: «...суд должен мотивировать назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в том случае, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление». Однако каковы должны быть мотивы суда для назначения рассматриваемого вида наказания в тех случаях, когда данный вид не предусмотрен статьей Особенной части УК РФ, применительно к ч. 1 ст. 124, ст. 125 УК РФ.

Из ч. 3 ст. 47 УК РФ следует, что суд назначает рассматриваемый вид наказания в тех случаях, когда он не предусмотрен статьей Особенной части УК РФ, когда с учетом степени и характера общественной опасности совершенного деяния, личности преступника суд придет к выводу о невозможности сохранения за ним права заниматься определённой деятельностью или занимать определенные должности.

Первостепенно отметим один из вариантов толкования положений ч. 1–2 ст. 124 УК РФ. Можно помыслить, что законодатель, не указав в санкции ч. 1 ст. 124 УК РФ возможность назначения рассматриваемого вида наказания, но указав на таковой в ч. 2 ст. 124 УК РФ, заведомо и заранее predetermined, что совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 124 УК РФ, не обладает той степенью и характером общественной опасности, которые необходимы для назначения рассматриваемого наказания в порядке ч. 3 ст. 47 УК РФ. Думается, что такое толкование противоречит целям рассматриваемого вида наказания.

Как отмечают В. С. Комиссарова, Н. Е. Крылова, И. М. Тяжкова существо наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью заключается в отграничении лица от осуществления им профессиональной или иной деятельности, в рамках которой им было совершено преступление, в целях исправления виновного лица и исключения повторного причинения вреда [9].

Относительно этого, суд при рассмотрении вопроса о назначении исследуемого вида наказания в порядке ч. 3 ст. 47 УК РФ, должен прежде всего учитывать вероятность, с которой признанное виновным лицом может повторно причинить вред в рамках осуществляемой им деятельности, применительно к ст. 124 и ст. 125 УК РФ. Какой степени вред непосредственно был причинен деянием (средней тяжести или тяжкий), дума-

ется, не должно быть предопределяющим обстоятельством в рассматриваемом нами вопросе.

В связи со сказанным, обозначим первый фактор, применительно к которому судом осуществляется выбор между специальным и общим наказанием — вероятность повторного совершения преступления в сфере, обуславливающей специальные признаки преступлений.

Другой фактор, который влияет на решение судов о применении общих норм уголовного наказания, связан с отношением к должностным лицам и спецификой их работы. Должностные лица, особенно те, которые работают в сфере государственной службы, могут иметь особое социальное значение и считаться ключевыми фигурами в обществе. Это может создавать давление на суды и смягчать наказание для таких лиц в целях сохранения их профессиональной репутации и избегания негативного общественного отношения к судебному процессу.

Третья причина, которую можно выделить, заключается в том, что суды могут считать мягкое наказание лучшей альтернативой для достижения реабилитации и предотвращения повторных преступлений должностных лиц. Каждый случай должен рассматриваться индивидуально, и судебное решение может быть обосновано с учетом факторов, таких как общественная опасность деяния, обстоятельства совершения преступления и перспективы последующего поведения должностного лица [3].

Однако, необходимо отметить, что данная практика также вызывает критику. Игнорирование специальных норм может создать впечатление о неравенстве перед законом и выборочности правосудия, особенно в случаях, когда должностные лица совершают серьезные и систематические преступления, включая коррупцию и злоупотребление властью.

В заключение можно сказать, что решения судов о применении общих норм уголовного наказания вместо специальных для должностных лиц обусловлены особенностями социальной и профессиональной репутации должностных лиц. Однако данная практика вызывает дебаты о равенстве перед законом и необходимости более строгого применения специальных норм для более эффективной борьбы с коррупцией и злоупотреблением должностными полномочиями.

С учетом обсуждаемой проблематики и анализа применения общих и специальных норм уголовного наказания к должностным лицам в России, напрашивается вывод о необходимости внесения правок в действующее законодательство, хотя и принимая во внимание, что институт уголовно-правовой ответственности должностных лиц находится в развитии [8]. Так предлагается включить нормы, обязывающие суды принимать решения с учетом специфики субъекта преступления и давать приоритет более строгим наказаниям, предусмотренным специальными нормами, а не более мягким наказаниям, прописанным в общих нормах уголовного права [5]. Однако внесение таких изменений, по своей сути, будет представлять повторение нормы ч. 1 ст. 297 УПК РФ, указывающей о том, что судебный приговор должен быть обоснованным, что суть обязанность суда учесть и дать оценку всем обстоятельствам по делу (в том числе обстоятельствам, обуславливающим специальный характер субъекта преступления).

Тем не менее, стоит признать, что включение даже и таких норм в уголовно-процессуальный закон России позволит более эффективно бороться с коррупцией и злоупотреблениями должностными полномочиями, обеспечивая справедливое и сбалансированное привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Такие изменения позволят судам учитывать конкретные обстоятельства, включая тяжесть преступления, его общественную опасность, масштабы ущерба, и субъекта, совершившего преступление [7].

Однако, важно отметить, что внесение таких правок должно предусматривать достаточную ясность и определенность в определении специальных норм и критериев их применения. Для этого целесообразно разработать постановление пленума Верховного суда РФ, с подробными разъяснениями о применении норм уголовно-процессуального характера.

Такие изменения в уголовно-процессуальном законе России позволят создать более справедливую и эффективную систему уголовной юстиции, укрепить принципы равенства перед законом и предотвратить возможное проявление неравенства при привлечении должностных лиц к наказанию [10].

В конечном итоге, предложение внести правки в уголовно-процессуальный закон России с целью учета специфики субъекта преступления и приоритета более тяжелых наказаний по специальным нормам, является важным шагом в усовершенствовании системы уголовного преследования и борьбы с коррупцией. Такие изменения должны осуществляться с учетом широкого обсуждения в рамках научного сообщества, юридической общественности и активного участия законодателей для достижения наилучших результатов в интересах правовой государственности и справедливости.

Литература:

1. Актуальные проблемы Общей части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И. А., Фаргиев И. А.— М.: Проспект. 2020.— 544 с.;
2. Актуальные проблемы уголовного права. / под ред. Иногамовой-Хегай Л. В.— М.: Проспект. 2019.— 232 с.;
3. Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая часть. Учебник. / под ред. Боровиков В. Б.— М.: Юрайт. 2020.— 250 с.;
4. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Уголовное право Российской Федерации в схемах. Учебное пособие.— М.: Проспект. 2020.— 624 с.;
5. Голубовский В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник.— М.: Проспект. 2020.— 736 с.;
6. Звечаровский И. Э., Бимбинов А. А., Боженко С. А., Грачева Ю. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник. / под ред. Звечаровский И. Э.— М.: Проспект. 2020.— 688 с.;
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций.-6-е изд.— М.: Проспект. 2020.— 784 с.;
8. Резюк В. И. Должностное лицо, как субъект преступления в уголовном законодательстве Российской Федерации: генезис и интенция // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 2 — С. 346–354.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Белокобыльский Н. Н., Богущ Г. И., Борзенков Г. Н. и др.; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012 — С. 639.
10. Рарог А. И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров.— М.: Проспект. 2020.— 624 с.;
11. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для бакалавров. / под ред. Непомнящая Т. В., Гринберг М. С.— М.: Проспект. 2020.— 448 с.

Актуальные вопросы процессуально-правового статуса прокурора в арбитражном процессе

Зубенко Вера Викторовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует процессуальный статус прокурора при реализации полномочий по обеспечению участия в арбитражном процессе, рассматривает актуальную проблематику в названной сфере с точки зрения действующего арбитражного процессуального законодательства.

Ключевые слова: прокурор, арбитражный процесс, процессуальный статус.

В современных реалиях актуальность анализа и изучения института участия прокурора в рассмотрении дел в порядке арбитражного судопроизводства базируется на повышении значимости роли органов прокуратуры в рамках осу-

ществления задач по обеспечению законности и реализации защиты публичных интересов в экономической сфере в условиях активно развивающейся и трансформирующейся политико-правовой и социально-экономической реальности, рефор-

мирования арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации.

Согласно требованиям Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (далее — Закон № 2201-ФЗ), «прокуратура Российской Федерации — это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и реализующих иные функции, в том числе путем обеспечения участия в рассмотрении дел в порядке арбитражного судопроизводства» [1].

Положения, регламентирующие организационные и практические аспекты осуществления возложенных на прокурора в названной сфере полномочий, основополагающие начала реализации указанной функции установлены Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве» (далее — Приказ № 473). [2].

Так, в соответствии с п. 1 Приказа № 473, к задачам прокурора, участвующего в арбитражном процессе, следует относить:

— защиту нарушенных прав и законных интересов публично-правовых образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также прав и законных интересов хозяйствующих субъектов;

— обеспечение законности судебного разбирательства на всех этапах арбитражного процесса по делам, в которых в силу требований закона принимают участие органы прокуратуры;

— реальное восстановление нарушенных прав и законных интересов субъектов экономических отношений.

Процессуальное положение прокурора при рассмотрении дел арбитражными судами Российской Федерации закреплено статьей 40 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), установившей статус прокурора как участника процесса в одном ряду с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями, гражданами [3].

Закон не наделяет прокурора, обеспечивающего участие в арбитражном процессе, функцией по осуществлению надзора за деятельностью судов при отправлении правосудия. Указанный факт обусловлен действием основополагающего конституционного принципа независимости судей и подчинения их Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству (ст. 120 Конституции Российской Федерации) [4].

При этом, нельзя не согласиться точкой зрения Т. Р. Пожарской, которая отмечает, что «обращение прокурора за судебной защитой имеет целью обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на территории Российской Федерации, охрану прав и свобод неопределенного круга лиц и интересов публичных образований, являющихся по совокупности несомненным приоритетом в рамках правового государства, которая может быть достигнута только в случае вынесения законного и обоснованного решения суда» [5].

Согласно позиции, выраженной в правовой доктрине, отнесение субъектов к лицам, участвующим в деле, основывается на критерии наличия у них юридической заинтересованности в результатах рассмотрения дела. Так, исследователями выделяется материально-правовая и процессуальная юридическая заинтересованность.

При этом, в научной среде прокурора принято надеяться лишь процессуальной заинтересованностью в исходе дела. Указанной точки зрения придерживается в частности Н. А. Васильчикова, которая указывает, что «прокурор является лицом, участвующим в деле при рассмотрении экономических и иных споров в арбитражном процессе, и имеет только процессуально-правовую заинтересованность в исходе дела, всегда выступает от своего имени, но в защиту интересов других лиц» [6].

Нельзя не согласиться с позицией, что процессуально-правовая заинтересованность прокурора в исходе дела базируется на выполняемой органами прокуратуры функции обеспечения защиты интересов государства и общества. Иначе говоря, прокурор обеспечивает защиту публичных интересов при реализации предоставленных полномочий действующим арбитражно-процессуальным законодательством.

Прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ). При этом отказ прокурора от предъявленного им иска не лишает истца права требовать рассмотрения дела по существу, если истец участвует в деле.

Следует отметить, что наделение прокурора процессуальными правами и возложение на него процессуальных обязанностей истца не делает прокуратуру стороной материально-правового правоотношения и не налагает на прокурора ограничения, связанные с необходимостью принятия мер по досудебному урегулированию спора, а также не предоставляет прокурору право на заключение мирового соглашения.

Также следует отметить, что в силу специфики правового статуса прокурора на последнего не возлагается обязанность по уплате государственной пошлины. Вместе с тем, указанные положения об отсутствии у прокурора обязанности по уплате судебных расходов, права на заключение мирового соглашения не нашли свое закрепление в ст. 52 АПК РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в зависимости от вида предъявляемых требований роль прокурора в арбитражном процессе сводится к следующему: защита прав и законных интересов публично-правовых образований; защита публичных интересов; защита законных интересов неопределенного круга лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; реализация возложенных на прокурора законом публичных функций, в том числе по обеспечению законности [7].

Таким образом, в арбитражном процессе прокурор обеспечивает защиту интересов государства и неопределенного круга лиц, интересы конкретного лица в арбитражном процессе прокурор защищать не вправе.

При этом, действующая редакция ст. 52 АПК РФ не соответствует актуальным требованиям законодательства и не отражает специфику правового статуса прокурора в арбитражном процессе, в связи с чем требует корректировки

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1995. — № 47. — ст. 4472
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.07.2017 № 473 (ред. от 19.10.2022) «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве» // Законность. — 2017. — № 10
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — ст. 3012
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // СЗ РФ. — 2014. № 31. — ст. 4398
5. Пожарская Т. Р. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования участия прокурора в реализации конституционного права на судебную защиту в гражданском процессе / Т. Р. Пожарская // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 11. — С. 30–33.
6. Васильчикова Н. А. Участие в деле прокурора в арбитражном суде первой инстанции: конспект лекции для бакалавров / Н. А. Васильчикова — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии, 2015–20 с.
7. Кравцов А. Ю. Участие прокурора в арбитражном процессе в порядке ст. 52 АПК РФ: учебное пособие / А. Ю. Кравцов. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019. — 84 с.

Ответственность маркетплейса за нарушение исключительных прав на средства индивидуализации

Камаева Диана Адиповна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует вопросы, связанные с привлечением маркетплейса к ответственности при рассмотрении споров о нарушении интеллектуальных прав на средства индивидуализации. В связи с переходом рыночных отношений в сеть Интернет увеличилось количество недобросовестных лиц, нарушающих исключительные права на средства индивидуализации на электронной торговой площадке. Проанализировав судебную практику, автор выделил особенности привлечения к ответственности маркетплейса как в качестве информационного посредника, так и в качестве лица, нарушающего исключительное право.

Ключевые слова: ответственность, маркетплейс, информационный посредник, интеллектуальные права.

В настоящее время все большую популярность приобретает торговля в сети Интернет. Это доказывает и статистика. Согласно отчёту Ассоциации компаний Интернет-торговли в 2022 году продажа посредством электронной коммерции стала на 43% больше, чем в 2021 г. [6]. Учитывая это, неудивительно, что возросла популярность и маркетплейсов, которые, если говорить простыми словами, представляют собой электронную торговую площадку, через которую реализуются товары и/или услуги. В судебной практике под маркетплейсом понимается следующее: платформа электронной коммерции, онлайн-магазин, через который предоставляется информация о продаваемых товарах или предоставляемых услугах третьих лиц. Возросшая популярность маркетплейсов привела к переходу не только рыночных отношений в электронный мир, но и к переходу в виртуальный мир отношений, связанных с нарушением исключительных прав на средства индивидуализации. Это отметил в своём исследовании профессор К. М. Saunders, профессор Университета из штата Калифорния [7].

Основным дискуссионным вопросом, когда возникают нарушения интеллектуальных прав на электронных торговых

площадках, является возможность привлечения самого маркетплейса к ответственности в качестве ответчика.

Зачастую ответственность маркетплейса ограничена его ролью информационного посредника. Такой подход сложился не только в России, но и в зарубежных странах. В США, например, чтобы привлечь к ответственности электронную торговую площадку, необходимо наличие двух условий:

1) торговая площадка знала или должна была знать о нарушении;

2) торговая площадка не предприняла разумных мер для предотвращения и/или пресечения указанного нарушения.

В Российской Федерации это прямо вытекает из статьи 1253.1 Гражданского кодекса РФ и подтверждается судебной практикой [1]. Так, в Постановлении от 16.06.2023 N C01-921/2023 по делу N А41-25531/2022 Суд по интеллектуальным правам РФ (далее — СИП РФ) отказал в удовлетворении кассационной жалобы иностранного лица Ludovico Martelli S.P.A. к ООО «Вайлдберриз», обозначив, что данная торговая площадка выполняет роль информационного посредника. Торговая площадка не несёт ответственность, если:

— она не знала и не должна была знать о неправомерном использовании средств индивидуализации;

— после получения заявления от правообладателя о пресечении действий на торговой площадке третьим лицом предприняла разумные меры для предотвращения дальнейшего нарушения интеллектуальных прав.

В своем Постановлении СИП РФ отмечает, что ответственность маркетплейса носит ограниченный характер по смыслу статьи 1253.1 ГК РФ [3].

В деле N А40–26921/2021 истец ссылался, что маркетплейс «Ozon» использует принадлежащие ему товарные знаки в наполнении сайта, однако СИП РФ в своем Постановлении от 21.02.2022 N С01–41/2022 еще раз обозначил: торговая площадка предоставляет возможность размещения информации на сайте для ведения предпринимательской деятельности, следовательно, не может нести ответственности за нарушение интеллектуальных прав [4].

Рассмотрим иное дело N А41–85375/2020, где ответчиком снова выступало ООО «Вайлдберриз». В данном деле СИП РФ не принял довод Общества о его роли в качестве информационного посредника, указав, что Обществу было известно о размещаемой информации, оно могло вносить изменения и также было указано в чеке. Правила пользования, размещенные на сайте, не позволяют сделать вывод о том, что ответчик не знал о размещаемой информации, даже если размещение происходило иным лицом, чем ответчик [5]. Более того, Общество участвовало в процессе реализации и доставки товара и являлось получателем денежных средств.

Два спора по данной категории дел, где Ответчиком выступало ООО «Вайлдберриз», но два разных решения. Дело в том, что при рассмотрении вопроса об отсутствии или наличии ответственности маркетплейса за нарушение интеллектуальных прав, суд обращает внимание на то, какую роль играет маркетплейс в реализации товара. По общему правилу, установленному п. 3 ст. 1250 ГК РФ «...меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя...» [1]. Как верно подметила А. С. Ворожевич, условия применения ответственности к информационному посреднику — исключение из данного правила [9]. Данное исключение предполагает введение дополнительных условий для привлечения к ответственности: осведомленности торговой площадки о нарушаемом праве и принятие ею необходимых мер.

Отметим, что в настоящее время многие площадки используют некоторые превентивные меры для предотвращения нарушений исключительных прав на средства индивидуализации. В связи с использованием таких превентивных мер возникает закономерный вопрос: если площадками в качестве превентивной меры используется программное обеспечение, отслеживающее с помощью алгоритмов подозрительные фразы, слова и удаляющее их (например, как у eBay), можно ли говорить о том, что площадка знала о нарушаемом праве и не предприняла соответствующих мер. Считаем, что в данном случае нельзя говорить о том, что маркетплейс мог знать о нарушении исключительных прав, поскольку программное обеспечение не

может учитывать все нюансы и может приводить к ошибкам. Ведь программа представляет собой лишь определенный программный код, учитывает лишь заложенные в неё условия, при соблюдении которых программа осуществляет определённое действие, например, удаление информации. Учитывая, что каждый день появляется множество товарных знаков, ни одна программа не может эффективно выявить наличие или отсутствие у определенного лица права на средство индивидуализации, как и сделать вывод о нарушении данного права. Что касается разумных мер по предотвращению нарушения исключительных прав, исходя из судебной практики такими мерами выступают своевременное удаление с сайта информации, блокировка аккаунта нарушителя.

В каких же случаях маркетплейс несёт перед правообладателем солидарную ответственность с нарушителем исключительных прав? Для этого необходимо доказать, что маркетплейс не является информационным посредником. Согласно п. 78 Постановления Верховного суда РФ № 10 вопрос об отнесении владельца сайта к информационному посреднику зависит от того, какую роль он выполнял при размещении материала (активную или пассивную) и получал ли он доходы непосредственно от неправомерного размещения материала [2]. Подобный подход к ответственности маркетплейса сложился и в Европейском союзе: для привлечения электронной торговой площадки за нарушение исключительного права на средство индивидуализации необходимо доказать, что данный маркетплейс имеет коммерческий интерес в размещении товарного знака, то есть торговая площадка вовлечена в деятельность по непосредственной реализации товара, принимает активное участие в данном процессе. В действительности сложившийся подход достаточно логичен и разумен, если площадка не занимается напрямую продажей товаров, а лишь предоставляет техническую возможность такого размещения, то площадка просто не сможет контролировать весь объем размещения информации, у площадки нет ресурса и нет возможности узнать о том, что нарушается право конкретного лица. Все же основным лицом, которое знает достаточно о нарушаемом праве, является сам правообладатель средства индивидуализации. Примечательным в этом ракурсе является дело люксового бренда Christian Louboutin к Amazon, которое приводят в качестве примера в своем исследовании датские адвокаты Саймон Лотце и Троэльс Стокгольм. В своём иске дизайнерский бренд указал, что площадка играет активную роль в размещении товарных знаков и несёт ответственность за такое размещение. Европейский суд учел данный довод, в своём решении активность торговой площадки суд рассматривал через призму следующих обстоятельств:

- способ и условия представления информации о предложениях;
- использование средств индивидуализации в своих рекламных целях;
- наличия услуг в виде хранения и доставки товаров, которые содержат товарный знак [8].

Учитывая это, можно сделать вывод, что для привлечения маркетплейса к ответственности за нарушение прав на средство индивидуализации следует определиться с тем, какую

роль он выполняет. Если электронная торговая площадка не осуществляет активных действий по реализации продукции, то в данном случае маркетплейс выполняет роль информационного посредника, и для привлечения маркетплейса к ответственности нужно доказать следующие факты: осведомленность торговой площадки о нарушении исключительных прав на средства индивидуализации и бездействие маркетплейса. Если электронная торговая площадка оказывает дополнительные услуги по доставке, хранению, реализации про-

дукции, то в данном случае маркетплейс несёт солидарную ответственность с нарушителем исключительных прав на средства индивидуализации. Для привлечения маркетплейса следует доказать те факты, которые свидетельствуют об активном участии маркетплейса в обороте товаров, размещении товарных знаков на своём сайте в рекламных целях, коммерческий интерес электронной торговой площадки в размещении материала, нарушающего исключительное право на средство индивидуализации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая) от 18 декабря 2006 № 149-ФЗ по сост. На 5 декабря 2022 г. // Собрание законодательства РФ. — 2006. — 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. N96.
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2023 N C01-921/2023 по делу N A41-25531/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.02.2022 N C01-41/2022 по делу N A40-26921/2021 // СПС «КонсультантПлюс». 55
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2022 г. N C01-741/2022 по делу N A41-85375/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Главное в онлайн-торговле: рост e-коммерс в отчете АКИТ, ухудшение прогноза по развитию e-grocery, итоги первой ноябрьской распродажи. [Электронный ресурс]. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/glavnoe_v_onlayn_torgovle_rost_e_kommers_v_otchete_akit_ukhudshenie_proгноza_po_razvitiyu_e_grocery5119705/
7. Saunders, Kurt M. And Berger-Walliser, Gerlinde. The Liability of Online Markets for Counterfeit Goods: A Comparative Analysis of Secondary Trademark Infringement in the United States and Europe (March 22, 2011). Northwestern Journal of International Law & Business. No. 37 (2011). P. 1-43
8. Simon Lotze, Troels Stokholm. European Union: Can Online Marketplaces Be Liable For Trademark Infringements? (March, 2023). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mondaq.com/trademark/1295788/can-online-marketplaces-be-liable-for-trademark-infringements#>
9. Ворожевич А. С. Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах / А. С. Ворожевич // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2021 г. — № 2 (32). — С. 133-141 <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/disputes-over-infringement-of-exclusive-rights-to-trademarks-in-marketplaces>.

Некоторые проблемы защиты прав потребителей в сфере дистанционной торговли

Касумова Марем Валидовна, студент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемы защиты прав потребителей, участвующих в дистанционной торговле. На основе анализа законодательства как международного, так и российского, судебной практики сделаны выводы теоретического и практического характера, направленные на совершенствование действующего законодательства. Дано авторское определение «дистанционной торговли».

Ключевые слова: дистанционная торговля, электронная торговля, права потребителей, продавец, исполнитель.

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, даже в сфере торговли. Сейчас редко можно встретить человека, который не участвует в дистанционных транзакциях, будь то покупка продуктов, одежды, косметики или различных услуг, таких как развлечения, путешествия и транспорт. Благодаря неоспоримым преимуществам цифровых инструментов появился новый вид торговли — дистанционная. Поскольку научный и промыш-

ленный прогресс продолжает развиваться, ожидается, что масштабы электронной торговли будут только расширяться.

Рост электронной торговли, или дистанционных покупок, наглядно демонстрируют аналитические данные. Хотя в настоящее время в России нет центрального органа по этому вопросу, мы можем опираться на статистику из надежных источников. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ) сообщает, что оборот электронной торговли в России

в 2022 году вырос почти на 30%, достигнув в общей сложности 4,98 трлн рублей. Ожидается, что эта тенденция роста сохранится и в 2023 году. Кроме того, доля электронной торговле в общем объеме розничных продаж за год увеличилась на 2,4 процентных пункта, достигнув 11,6% [1].

Создание благоприятной правовой среды имеет первостепенное значение для решения возникающих общественных отношений в сфере дистанционной торговли и защиты прав всех вовлеченных сторон. В настоящее время регулирование электронной торговле в России обеспечивается Гражданским кодексом Российской Федерации [2]. Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о ЗПП) [3], Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 г., которым утверждены Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи (далее — Правила № 2463) [4].

Эти законы играют решающую роль в защите финансовых интересов российских граждан. Они придают юридическую силу электронным сделкам и контрактам, определяя порядок их формирования и признавая использование информационных технологий при их исполнении. Более того, эти законы одержат всеобъемлющие руководящие принципы, касающиеся прав потребителей, включая подробные объяснения их прав и концепции дефектов продукции. Они также создают правовые механизмы для устранения подобных недостатков и восстановления нарушенных прав потребителей.

В 2019 году в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения относительно признания сделок в электронной форме наряду со сделками на бумажных носителях. Эти изменения, в частности поправки к статьям 160 и 434, теперь классифицируют электронные сделки как форму простой письменной сделки и распространяют правила, касающиеся заключения, изменения и прекращения таких сделок, на электронные сделки.

Однако конкретное определение «электронной торговли» не предусмотрено ни в Гражданском кодексе, ни в Законе о ЗПП. Несмотря на отсутствие четкого определения, закон позволяет сторонам, заключающим договор купли-продажи, совершать это дистанционно, без физического осмотра товара. Согласно статье 26.1 закона о ЗПП информация о товаре может передаваться с помощью различных средств, таких как каталоги, брошюры, фотографии, образцы, телевидение, почтовые услуги и любые другие средства связи.

Для понимания понятия «электронная торговля», закрепленного в российском законодательстве, можно обратиться к международно признанным нормам права, в частности к Типовому закону об электронной торговле. Этот закон, одобренный Организацией Объединенных Наций 16 декабря 1996 года [5], не дает конкретного определения «электронной торговли». Однако, анализируя тексты Типового закона и Рекомендации по его принятию, мы можем получить представление о замысле законодателя, стоящего за этим термином.

Типовой закон, принятый Комиссией ООН, охватывает регулирование всех торговых отношений, независимо от того, являются ли они договорными или внедоговорными. Сюда входит обмен товарами, дистрибьюторские соглашения, коммерческое представительство, лизинг, консультационные услуги и многие

другие аспекты делового сотрудничества. Закон также распространяется на любые коммерческие сделки, совершаемые с использованием электронного обмена данными и других форм передачи данных. Важно отметить, что Комиссия дала широкое определение электронного обмена данными, охватывая не только передачу текста с помощью электронных средств, но и стандартизированную передачу данных между компьютерами с использованием различных стандартов.

Действующие правила электронной торговле различаются между международными нормами и российским законодательством. В то время как международные нормы охватывают все виды коммерческих сделок, осуществляемых в электронной форме, российское законодательство уделяет особое внимание дистанционным продажам товаров, которые также могут осуществляться с помощью электронных средств связи. Важно отметить, что термин «дистанционная продажа товаров» в российском законодательстве не может использоваться взаимозаменяемо с термином «электронная торговля». При этом российское законодательство в первую очередь регулирует отношения, связанные с защитой прав потребителей, тогда как международные нормы распространяются как на физических, так и на юридических лиц, осуществляющих торговую деятельность в цифровом пространстве.

К недостатку можно отнести отсутствие в российском законодательстве конкретного юридического понятия «электронная торговля». Однако некоторые могут утверждать, что в законе достаточно положений, которые можно интерпретировать как охватывающие деятельность электронной торговли. Например, согласно статье 2 Федерального закона № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28 декабря 2009 года [6] торговая деятельность определяется как вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров. В этом определении единственным отличительным фактором электронной торговли является то, что она осуществляется через электронные средства связи, такие как Интернет и другие электронные платформы. Поэтому можно утверждать, что под электронной торговлей можно понимать вид предпринимательской деятельности, заключающийся в купле-продаже товаров посредством использования электронных средств связи.

Текущее состояние правового регулирования электронной торговли в России недостаточно определено, что создает проблемы для ее развития. Отсутствует ясность относительно того, кто может участвовать в электронных транзакциях, роли различных участвующих сторон, права и обязанности участников и способы подтверждения этих прав. Кроме того, возникают вопросы о видах сделок, которые могут быть заключены, их исполнении и методах привлечения сторон к ответственности за их несоблюдение.

Чтобы устранить эти пробелы и идти в ногу с международными стандартами, России было бы полезно рассмотреть возможность принятия специального закона, ориентированного на электронную торговлю, аналогично тому, что сделали другие страны, такие как Казахста [8]. Это обеспечит ясность и руководство для онлайн-транзакций, обеспечивая более плавную и безопасную работу для всех участвующих сторон.

Когда дело доходит до электронной торговли, одним из прав потребителя, которое становится решающим, является право на получение достаточной и достоверной информации о свойствах товара и производителе. Это связано с тем, что при онлайн-торговле потребители не могут физически осмотреть товар или увидеть образцы, поэтому они в значительной степени полагаются на описание продавца для принятия обоснованных решений.

Клиенты и физические лица, участвующие в дистанционных сделках, имеют право на получение четкой и понятной информации о производителе, продавце и продаваемом товаре. Эту информацию необходимо предоставить в наглядно доступном формате и на русском языке.

1 мая 2022 года Федеральным законом N135 ФЗ внесена поправка в статью 16 ФЗ о ЗПП. Новый закон расширяет круг нарушений, за которые могут быть привлечены к ответственности владельцы агрегаторов. С 1 сентября 2022 года владельцы агрегаторов, продавцы и подрядчики теперь могут нести ответственность за любые убытки, понесенные потребителями из-за включения в их договоры неприемлемых условий, нарушающих права потребителей. Любые условия договора, нарушающие права потребителя, будут считаться недействительными. В этом законе также изложен список этих неприемлемых условий. В качестве примеров можно привести односторонний отказ от исполнения обязательств или одностороннее изменение условий обязательства продавца, ограничение права потребителя на выбор территориальной подведомственности, ограничение доступных потребителю средств и методов защиты своих нарушенных прав, а также ущемление прав потребителя. выбирать способ и форму оплаты товаров, услуг или работ.

Обновленная статья 16 закона теперь включает ряд ограничений для продавцов, исполнителей и владельцев агрегаторов. Им не разрешается отклонять или изменять договор, если потребитель требует удаления несправедливых условий, нарушающих его права. Кроме того, любые претензии потребителей

должны быть рассмотрены в течение 10 дней, и они должны быть проинформированы о принятом решении и его обосновании.

Изменения, внесенные в статью 16 Федеральным законом № 135-ФЗ в мае 2022 года, демонстрируют приверженность правительства укреплению прав потребителей, особенно в сфере онлайн-торговли. Эти поправки предоставляют потребителям дополнительные механизмы правовой защиты.

Многие ученые выразили поддержку недавним изменениям в законодательстве и предложили разные подходы к решению проблемы прав потребителей. Продолжаются споры о степени ответственности, которая должна быть возложена не только на продавцов, но и на владельцев агрегаторов. Некоторые ученые утверждают, что владельцы должны нести частичную ответственность по субсидиарной ответственности, в то время как другие предлагают деликтную ответственность, солидарную ответственность или договорную ответственность [7]. Эта дискуссия остается нерешенной.

В настоящее время гражданская ответственность владельцев агрегаторов достаточно ограничена, как указано в ФЗ по ЗПП. Они могут быть привлечены к ответственности только в двух ситуациях: за непредоставление достоверной и полной информации о товаре, о себе и продавце (исполнителе) либо за включение в договор неприемлемых условий, ущемляющих права потребителя.

Таким образом, вопрос ответственности владельцев агрегаторов и прав потребителей до сих пор активно обсуждается среди ученых, мнения о том, как подходить и решать этот вопрос, расходятся.

Подводя итог, можно сделать вывод, что правила, регулирующие рынок электронной торговли, нуждаются в более обширной правовой базе. Благодаря накоплению практического опыта и правоприменению, а также различным инновационным научным исследованиям, станет возможным создание законодательства, эффективно устраняющего многочисленные нарушения в этой сфере.

Литература:

1. <https://c-pepper.ru/news/itogi-2022-goda-ot-akit.html>
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) (в редакции от 01.07.2021 г. с изменениями от 08.07.2021. с изменением дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2022) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418167/;
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в редакции от 05. 01. 2022)
4. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которое не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»
5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию с дополнительной статьей 1996 года 5 бис, принятой в 1998 г.
6. Федеральный закон от 28.12.2009 N381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439195/
7. Краулин К.К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // <https://base.garant.ru/76904448/>
8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 декабря 2016 года № 852 «О регулировании торговой деятельности»

Обращение кандидата в суд с заявлением об отмене решения о регистрации иного кандидата как способ борьбы с конкурентом

Киянова Вероника Игоревна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье автор исследует обращение кандидата в суд с административным иском о признании недействительным решения избирательной комиссии о регистрации кандидата с целью устранения противников как одно из проявлений злоупотребления правом. Предлагаются пути решения указанной проблемы.

Ключевые слова: кандидат, административное исковое заявление об отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидата, злоупотребление правом.

В соответствии с частью 6 статьи 76 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ) решение избирательной комиссии о регистрации кандидата (списка кандидатов) может быть отменено судом, если будет установлено, что решение было принято избирательной комиссией с нарушением требований, предусмотренных законом [1].

С соответствующим заявлением может обратиться в том числе кандидат, зарегистрированный по тому же избирательному округу.

Безусловно, указанное положение направлено на соблюдение принципа равенства кандидатов, согласно которому они несут равные права и обязанности, обеспечивает законность проведения выборов. Вместе с этим, на практике встречаются случаи обращения зарегистрированных кандидатов с административным иском о признании недействительным решения избирательной комиссии о регистрации кандидата без наличия достаточных данных о нарушении требований Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ и иных законов. Кандидат таким образом борется с противником, полагаясь лишь на удачу, что при рассмотрении дела в суде нарушения требований закона будут обнаружены.

При таких ситуациях возникает вопрос — является ли обращение в суд в целях избавления от другого кандидата злоупотреблением правом.

Под злоупотреблением правом понимается совершение обладателем права формально правомерного, но заведомо недобросовестного действия (бездействия).

Частью 2 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) установлено право кандидатов и их доверенных лиц оспаривать в суде решения избирательной комиссии [2]. При этом для реализации указанного права необходимо, чтобы решение избирательной комиссии нарушало их права, свободы и законные интересы.

Таким образом, для отмены решения избирательной комиссии о регистрации кандидата необходимо не только наличие нарушения закона, допущенного избирательной комиссией при принятии решения, но и нарушения этим решением избирательных прав кандидата, обратившегося с административным иском о признании недействительным решения избирательной комиссии о регистрации кандидата.

Согласимся с позицией И. В. Советникова, который полагает, что в избирательном процессе основными формами проявления злоупотреблений правом выступают соответствующие избирательные технологии, которые основываются на формальном соблюдении положений законодательства о выборах, но направлены на создание необоснованных преимуществ одному из кандидатов, избирательных объединений (технологии, основанные на злоупотреблении правом) [4, с. 9–10].

По нашему мнению, в определенных случаях зарегистрированный кандидат, реализуя свое право на оспаривание решения избирательной комиссии на основании части 6 статьи 76 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ и формально соблюдая требования КАС РФ, осуществляет технологию, основанную на злоупотреблении правом. При этом такая технология выражается, в большей части, не в создании необоснованных преимуществ кандидату, а в злоупотреблении процессуальным правом, которое реализуется с целью возможного выведения из строя соперника и облегчения победы на выборах.

Приведем пример из практики. При проведении в 2022 году муниципальных выборов депутатов представительного органа одного из муниципальных образований Иркутского района зарегистрированный кандидат обратился в районный суд с пятью административными исковыми заявлениями об отмене решения Иркутской районной территориальной избирательной комиссии о регистрации кандидатом в депутаты Думы муниципального образования. Все административные исковые заявления были идентичными.

Административный истец полагал, что кандидаты в заявлении о согласии баллотироваться указали недостоверные сведения, при этом он не уточнял какие именно сведения не соответствуют действительности, а перечислял все установленные частью 2 статьи 33 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ указываемые в заявлении сведения.

Также одним из доводов административных исковых заявлений было не предоставление кандидатами в избирательную комиссию документов, подтверждающих сведения в заявлении о согласии баллотироваться, с перечислением всех возможных документов.

Кроме того, административный истец в своем заявлении указал, что уполномоченные представители политической партии, выдвинувшие кандидата, не представили в избира-

тельную комиссию документы, необходимые для заверения списка кандидатов. Как и в случае с документами, подтверждающими сведения в заявлении о согласии баллотироваться, он перечислял все требуемые документы.

Обосновывая нарушение своих избирательных прав, кандидат указывал, что избирательная комиссия предоставила кандидатам привилегированные условия для регистрации по сравнению с другими кандидатами, зарегистрировав их при наличии оснований для отказа в регистрации. Никакие документы к административному исковому заявлению административный истец не прилагал.

Подаявая указанные заявления, кандидат не обладал достоверными сведениями о наличии нарушений требований законов, с документами, предоставляемыми в избирательную комиссию кандидатами и уполномоченными представителями политической партии, выдвинувшими кандидатов, был ознакомлен непосредственно перед судебными заседаниями, что в дальнейшем привело к отказу административного истца от административных исковых требований по трем исковым заявлениям и принятии по одному исковому заявлению решения об отказе в удовлетворении исковых требований.

Как пояснил административный истец после судебных заседаний, такие административные исковые заявления он подал с целью «снести» хоть одного кандидата, а поскольку возможность ознакомиться в избирательной комиссии с пакетом документов, предоставляемым другим кандидатом, отсутствует, ему потребовалось обратиться в суд для такого ознакомления.

Приведенный пример, на наш взгляд, ярко демонстрирует злоупотребление кандидатом своим правом. Подача административных исковых заявлений без конкретных доводов и доказательств нарушения требований законов с формальным обоснованием нарушений избирательных прав только с целью устранения противников влечет отвлечение от работы и создание дополнительной нагрузки в условиях сокращенных

сроков рассмотрения дела как на суд, так и на участвующего в деле прокурора и административных ответчиков. Кроме того, распространение сведений о подаче подобных административных исковых заявлений может дискредитировать кандидатов, выступающих административными ответчиками, сформировать негативное отношение избирателя к ним, что, на наш взгляд, является проявлением «серой» избирательной технологии.

Одним из возможных путей устранения подобного злоупотребления правом могло бы послужить предоставление кандидатам возможности знакомиться с предоставляемыми в избирательную комиссию другими кандидатами документами для регистрации в качестве кандидата. При этом может возникнуть вопрос о нарушении указанных требований Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Согласно статье 7 вышеназванного закона, на лиц, получивших доступ к персональным данным, наложена обязанность не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом [3].

Таким образом, закрепление в федеральном законе права кандидатов знакомиться с предоставляемыми в избирательную комиссию документами другими кандидатами может быть исключением, предусмотренным в статье 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Другим способом преодоления поставленной проблемы может служить закрепление на законодательном уровне обязанности при обращении зарегистрированного кандидата с подобным административным исковым заявлением предоставлять соответствующие доказательства. Это бы могло способствовать снижению нагрузки на суд и иных участников процесса, искоренению практики необоснованного обращения в суд в личных целях.

Литература:

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ: [в ред. от 31 июля 2023 г.].— Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: принят 30 декабря 2001 года.: [в ред. от 24 июля 2023 г. № 364-ФЗ].— Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».— Текст: электронный.
3. Федеральный закон О персональных данных [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [в ред. от 6 фев. 2023 г.].— Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Советников, И. В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: дис... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И. В. Советников.— М., 2006.— 195 с.

Особенности гражданско-правового регулирования публичного договора

Клепцов Николай Николаевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В данной статье рассматриваются механизмы и потенциал регулирования гражданско-правовых договоров с целью уменьшения нагрузки на государственные органы, ответственные за надзор и контроль в определенных сферах деятельности.

Ключевые слова: договор, экономическая деятельность, гражданское законодательство, судебная система, общий принцип свободы договора, предоставление услуг, аутсорсинг.

Публичные договоры в России, выделяясь из общего принципа свободы договоров, становятся значимым инструментом регулирования гражданско-правовых отношений. Они охватывают широкий спектр сфер, включая продажу товаров, услуги, и инфраструктурные области, такие как водоснабжение и общественное питание. Повседневная жизнь граждан тесно связана с исполнением публичных договоров, в которых качество предоставляемых услуг и товаров, а также права и обязанности сторон имеют огромное значение.

Интересы индивидов, общественных групп и общества в целом переплетаются в контексте публичных договоров, устанавливая баланс между ними. Регулирование публичных договоров отличается от общего принципа свободы договоров и имеет целью защиту прав граждан и потребителей, а также обеспечение стандартов качества и безопасности товаров и услуг. Важная роль публичных договоров заключается также в поддержании стабильности и надежности экономических отношений.

Публичный договор, также известный как оферта, представляет собой ключевой элемент гражданского оборота и общественных отношений в современном обществе. Эти отношения четко регулируются гражданским законодательством Российской Федерации.

Публичные договоры являются инструментом правового регулирования, который отражает принципы публично-правовых отношений в сфере гражданского законодательства.

Договоры, включая публичные, широко регулируются в законодательстве РФ, такие как главы 27–29 Гражданского кодекса РФ [1] и статьи 25, 48, 49, 72, 73, 74, 75, 76, 77 Федерального закона № 44-ФЗ от 5 апреля 2023 года [3]. В контексте гражданско-правового регулирования публичных договоров, существует потенциал для снижения нагрузки на государственные органы, ответственные за надзор и контроль в определенных областях деятельности. Этот потенциал может быть реализован путем делегирования ответственности и передачи на аутсорсинг [3] некоторых видов деятельности сторонним организациям, которые не непосредственно связаны с основными предприятиями. В такой модели контроль за соблюдением норм перекладывается на основные предприятия и получателей услуг, что, в свою очередь, снижает уровень контроля, осуществляемого государством. Однако регуляторные функции продолжают выполняться посредством публичных оферт, ключевые аспекты которых закреплены в законодательстве.

В некоторых сферах услуг использование оферты становится обязательным. Это позволяет юридическим и физическим лицам более активно сосредотачиваться на своей основной деятельности, перенося определенные риски и ответственность на сторонние организации в рамках аутсорсинга и предоставления услуг.

За предоставление услуг и выполнение работ через аутсорсинг, организация уплачивает вознаграждение, которое может

быть фиксированным или рассчитанным в процентах от дохода. Обычно эта сумма составляет от 1% до 15%.

Снижение надзорных функций государства может потребовать дополнительного совершенствования судебной системы для разрешения возможных споров между участниками контрактов.

Анализ структуры законодательства, касающегося надзора и контроля, выявил наличие потенциальных коррупционных рисков при осуществлении данных функций. Субъекты экономической деятельности могут находить интерес в снижении своих расходов на соблюдение санитарных норм, что может привести к нарушениям, таким как недостаточная частота санитарных обработок, использование некачественных дезинфицирующих средств и другие подобные нарушения.

Для смягчения коррупционных рисков необходимо внести изменения в законодательство, включив новую главу «Регулирование и надзор в определенных сферах деятельности» в ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [2]. Эта глава может включать следующие статьи:

- область применения главы;
- установление списка услуг и обязательных пунктов в публичных договорах;
- ограничение компетенций, связанных с санитарно-эпидемиологическими функциями у субъектов экономической деятельности;
- регулирование функционирования юридических и физических лиц, предоставляющих услуги по поддержанию санитарно-эпидемиологических норм.

Внедряя эту схему, заменяя жесткий контроль государства на регулирование через публичные договоры, можно снизить коррупционные риски [4].

Уменьшение контрольных функций государства в некоторых сферах деятельности, связанных с соблюдением санитарно-эпидемиологических норм, требует усиления судебной системы и увеличения числа экспертных организаций.

Государство по-прежнему сохраняет свои надзорные функции в определенных областях, но активизирует их только в случае кризисных ситуаций, таких как массовые отравления или значительное превышение норм санитарной безопасности.

Субъекты экономической деятельности получают больше свободы в выборе поставщиков услуг, могут проверять и требовать соблюдение санитарных норм, а также имеют право отказаться от поставщика услуг при наличии обоснованных причин.

Окончательный результат внедрения данной схемы заключается в том, что обычные потребители тоже получают возможность проверять, направлять на независимую экспертизу, а также получать услуги и товары, которые соответствуют санитарно-эпидемиологическим требованиям и стандартам.

Эти выводы и рекомендации позволяют увидеть значительные перспективы в усовершенствовании системы регулирования соблюдения санитарных норм и рисков коррупции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации от 1999 г., № 14, ст. 1650; «Российская газета» от 06.04.1999 г.).
3. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.
4. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Аусорсинг: история, методология, практика. НИЦ ИНФРА-М, 2017, ISBN: 978-5-16-005159-8
5. Бондаренко И. А., Коррупция: экономический анализ на региональном уровне. Санкт-Петербург, «Петрополис», 2001 г, с. 23-45.

Вопросы квалификации бандитизма (статья 209 УК РФ) как наиболее опасной формы организованной преступности

Клюева Екатерина Анатольевна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В нашей стране проблема организованной преступности обострилась после того, как государство пережило распад СССР в девяностых годах прошлого столетия. Теневого бизнес, наркопреступность, контрабанда выступают главными проявлениями организованной преступности в России. При этом одной из самых опасных форм организованной преступности выступает бандитизм. В результате совершения указанного уголовно наказуемого деяния преступник посягает на такие охраняемые уголовным законом блага, как состояние безопасности, здоровье и жизнь граждан, состояние безопасности общества и государства в целом. Данное преступное посягательство создает препятствия гражданам, стремящимся удовлетворить насущные потребности, не дает личности развиваться и прогрессировать. Для понимания бандитизма, в первую очередь, нужно обратиться к дефиниции банды.

Среди преступных групп, относящихся к категории организованных, отдельно выделяется банда. Банда представляет собой имеющую организованный и устойчивый характер группу из двух и более вооруженных субъектов, которые одновременно объединили свои усилия для совершения преступных посягательств в отношении физических или юридических лиц [7, с. 168].

Из данного определения можно выявить две отличительные черты, идентифицирующие именно банду. Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда России от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (далее — Постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1) устойчивый характер банды выражается в том, что это относительно стабильное преступное формирование, существующее на протяжении длительного промежутка времени, в котором распределены роли участников, имеется подчиненность, активно

выполняются участниками возложенные на них функции. Из содержания п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1 следует, что банда характеризуется вооруженным характером. Преступное формирование считается вооруженным, если хотя бы у одного его члена есть оружие (огнестрельное или холодное) [1].

Анализ учебной и научной литературы, статистики, судебной практики по вопросам квалификации уголовно-правовой нормы о бандитизме (ст. 209 УК РФ) позволяет сделать вывод о том, что исследование указанных вопросов имеет большую теоретическую и практическую значимость наряду с вопросами выработки мер по борьбе и противодействию указанной форме организованной преступности.

В уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике активно обсуждаются вопросы отграничения бандитизма от смежных составов преступлений. В частности, много сложностей возникает в процессе отграничения ст. 209 УК РФ от разбоя (ст. 162 УК РФ), совершенного имеющей организованный характер группой с использованием оружия.

По мнению Г.Н. Борзенкова, если разбой совершен группой, имеющей вооруженный и устойчивый характер, то он является одним из проявлений бандитизма. Исследователь считает, что отграничивать ст. 209 УК РФ от ст. 162 УК РФ необходимо по объекту, в отношении которого осуществляется преступное посягательство, применению оружия при разбое и корыстному мотиву. Что касается бандитизма, то преступник руководствуется целью совершить нападение на физических или юридических лиц. Также Г.Н. Борзенков утверждал, что по своей организационно-правовой форме банда является отдельным видом преступного сообщества [6, с. 87].

На сегодняшний день в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике все сходится во мнении, что практически нереально отграничить бандитизм от раз-

бойного нападения, осуществленного несколько раз имеющей организованный характер группой с использованием оружия. Предложение о квалификации указанного преступного посягательства как совокупность двух составов преступлений (разбой и бандитизм) вызывает много вопросов, в первую очередь, речь идет о нарушении принципа справедливости.

По мнению Г. А. Кригера, в результате разбойного нападения объектом преступного посягательства выступает личность и принадлежащая ей собственность. Объектом бандитизма выступают основы управления в государстве и безопасность в обществе. При этом много вопросов вызывает такой объект преступного посягательства, как безопасность в обществе, поскольку при широком понимании указанной категории она выступает объектом всех преступлений. Следственная практика свидетельствует о том, что для того чтобы квалифицировать действия организованной группы как бандитизм, в качестве доказательств органы предварительного расследования представляют факты совершенных членами такой группы разбоев [5, с. 48].

Для отграничения бандитизма от разбойного нападения нужно учитывать возраст субъекта преступного посягательства и при квалифицированных составах — признаки, относящие субъекта преступления к категории специального. Возраст привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 209 УК РФ — 16 лет, а по ст. 162 УК РФ — 14 лет. Поэтому если субъект совершил действия, образующие по объективным признакам состав бандитизма, но ему на момент совершения преступного посягательства не исполнилось 16 лет, то он подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 162 УК РФ при наличии в его действиях данного состава преступления и при условии достижения им четырнадцатилетнего возраста.

Бандитизм отграничивают от разбойного нападения, совершенного группой лиц с применением оружия, по таким отличительным чертам, как вооруженный и устойчивый характер банды. Так, можно рассмотреть пример из практики Липецкого областного суда. В отношении двух осужденных граждан был вынесен оправдательный приговор в части признания их виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, поскольку результаты проведенной в рамках судебного разбирательства криминалистической экспертизы показали, что нож, выступивший предметом совершения преступления, не является холодным оружием [3].

По другому делу, находившемуся в производстве Верховного Суда Республики Дагестан, не удалось обнаружить и приобщить в качестве вещественных доказательств ножи, используемые обвиняемыми при совершении разбойных нападений на водителей такси и последующем их убийстве. В распоряжение эксперта-криминалиста поступили аналоги ножей, используемые подсудимыми. По результатам проведенной в рамках судебного разбирательства криминалистической экспертизы эксперт пришел к выводу, что представленные ножи не являются холодным оружием. По результатам рассмотрения дела суд исключил возможность привлечения субъектов к уголовной ответственности по ст. 209 УК РФ [4].

В практике возникает довольно много вопросов в процессе установления такой отличительной черты банды, как ее устойчивый характер. Трудностей не бывает, если членами банды выступили лица, знакомые друг другу, состоящие в дружеских отношениях, в такой ситуации главное — это определить, что банда характеризовалась устойчивостью. Совершенно другая ситуация возникает, если выяснится, что члены банды состоят друг с другом в родственных отношениях. Так, интерес представляет случай из практики Нижегородского областного суда. Указанный суд вынес оправдательные приговоры в отношении двух граждан, которым вменялось в вину совершение бандитизма. Суд отметил, что тесные взаимоотношения между двумя гражданами детерминированы не их общей целью противозаконного характера, а родственными связями. По другому уголовному делу, также находившемуся в производстве Нижегородского областного суда, суд признал двух граждан виновными в совершении преступного посягательства, предусмотренного ст. 209 УК РФ. В обоснование своей позиции суд отметил, что банда имела устойчивый характер именно благодаря тому, что ее члены являлись родственниками. Братья вместе покупали оружие, искали жертву и осуществляли разбой [2].

Из анализа двух судебных актов следует, что один и тот же суд (Нижегородский областной суд) принял акты, выводы в которых противоречат друг другу. Такое положение вещей в судебной практике не является правильным, поэтому на уровне Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1 необходимо установить, является ли наличие родственных связей отличительной чертой устойчивого характера банды.

Еще одним смежным составом преступления со ст. 209 УК РФ является террористический акт (ст. 205 УК РФ), особенно его квалифицированный состав — теракт, который совершен имеющей организованный характер группой. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, выражается в том, что преступление осуществляется посредством взрыва, поджога, совершения иных действий, которые представляют опасность для жизни и здоровья людей, могут нанести ущерб имуществу в значительном размере, привести к иным тяжким последствиям. Что касается бандитизма, то его объективную сторону образуют нападения, совершаемые в любой форме, квалифицирующего значения не имеет способ совершения нападения. Состав бандитизма усеченный, поэтому обязательным признаком объективной стороны указанного преступного посягательства не является наступление тяжких последствий.

Составы бандитизма и теракта нужно отграничивать друг от друга по такому элементу субъективной стороны, как цель преступного посягательства. Целью совершения теракта выступает посягательство на безопасность общества, стремление держать население в страхе, заставить государство совершить определенные действия. Целью совершения бандитизма является нападение на физических или юридических лиц.

Итак, решение отдельных вопросов, возникающих в процессе уголовно-правовой квалификации нормы о бандитизме, продиктовано необходимостью добиться единообразия в судебной практике, снизить уровень организованной преступности в России в лице ее одной из самых опасных форм.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, 1997.
2. Обобщение судебной практики по уголовным делам, связанным с обвинением лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст. 209, 210 УК РФ, рассмотренных в Нижегородском областном суде. URL: <http://www.oblsudnn.ru/> (дата обращения: 28.10.2023).
3. Приговор Липецкого областного суда по уголовному делу № 2–13/2011 — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 28.10.2023)
4. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан по уголовному делу № 2–13/2013 — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 28.10.2023).
5. Лисенкова, Н. А. Отграничение бандитизма от разбоя: проблемы квалификации / Н. А. Лисенкова // Научный журнал. — 2019. — № 3(37). — С. 48–49.
6. Уголовное право России в вопросах и ответах / Г. Н. Борзенков и др. — М.: Проспект, 2015. — 424 с.
7. Шупрунов, С. И. Проблемы квалификации бандитизма / С. И. Шупрунов // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции в рамках Байкальского студенческого юридического форума-2021, Иркутск, 25 марта 2021 года / Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Том 2. — г. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. — С. 168–172.

Вопросы квалификации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ как одного из проявлений организованной преступности

Клюева Екатерина Анатольевна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Действующий уголовный закон относит осуществляемую на незаконной основе перевозку наркотиков, веществ, обладающих психотропными свойствами, веществ, являющихся их аналогами, к уголовно наказуемым деяниям (ст. 228 УК РФ) [1]. Более детально объективная сторона указанного преступного посягательства раскрывается в Постановлении Пленума высшей судебной инстанции от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (п. 8) [3]. Высшим государственным органом исполнительной власти Российской Федерации регламентированы правила перевозки наркотиков и веществ, обладающих психотропными свойствами, в пределах территориальных границ нашего государства, а также правила подготовки документации для такой транспортировки [2]. Правоприменитель часто сталкивается с трудностями в процессе квалификации деяний, предусмотренных ст. 228 УК РФ. Так, некоторое время наблюдалась тенденция, при которой суды нижестоящих инстанций квалифицировали по ст. 228 УК РФ любые виды перевозки наркотиков и веществ, обладающих психотропными свойствами, независимо от разновидности транспортного средства, используемого для такой перевозки. Но высшая судебная инстанция в лице Верховного Суда России признавала такие приговоры незаконными и отменяла их.

В качестве примера можно привести случай из практики Свердловского областного суда. Судебная коллегия по уголовным делам указанного суда изменила обвинительный приговор, вынесенный судом первой инстанции, в отношении гра-

жданина Н., исключив вывод суда о признании его виновным в осуществляемой на незаконной основе перевозке наркотика, предусмотренной ст. 228 УК РФ. Согласно материалам дела, осужденный приобрел 0,17 г опия в одной местности и вместе с ним переместился в другую местность, с тем чтобы удовлетворить свою потребность в наркотическом средстве. Суд первой инстанции ошибочно квалифицировал его действия как совокупность двух уголовно наказуемых деяний — как осуществляемые на незаконной основе хранение (для личных нужд) и перевозка наркотика [4].

На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что в преступной среде наибольшей популярностью пользуется такой способ сбыта наркотиков и веществ, обладающих психотропными свойствами, как создание так называемых «закладок». Так, высшая судебная инстанция осуществляла пересмотр приговора, вынесенного Ленинградским областным судом 28 ноября 2018 года. В результате пересмотра указанный судебный акт был оставлен без изменения. К уголовной ответственности по подпунктам «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ были привлечены субъекты, являющиеся членами организованной преступной группы за то, что они осуществляли сбыт наркотиков как лично, так и с использованием «закладок». По телефону они получали заказ, после оплаты отправляли покупателю локацию «закладки», откуда потребители сами получали наркотик в свое распоряжение [7].

Действия субъекта, заключающиеся в том, что он сообщает потенциальному потребителю наркотика локацию «закладки», охватываются составом преступления, предусмотренного

ст. 228.1 УК РФ (осуществляемый на незаконной основе сбыт наркотиков). Субъективная сторона данного состава преступления предусмотрена формой вины в виде умысла, т.е. субъект с целью сбыта, не в целях удовлетворения личных нужд, приобретает либо получает наркотик иным образом (сам изготавливает, перерабатывает и т.д.), с тем чтобы впоследствии его реализовать потенциальным покупателям, в том числе, с использованием «закладок».

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что для вменения субъекту, у которого нашли наркотик, именно сбыта наркотиков по ст. 228.1 УК РФ необходимо установить, что хранение наркотика осуществляется с целью последующей его реализации другим лицам. Поэтому если у субъекта обнаружат наркотик, и правоприменителю не удастся доказать цель последующего сбыта наркотика (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ), субъект будет подлежать уголовной ответственности только за незаконное хранение наркотика (ч. 1 ст. 228 УК РФ) [9, с. 26].

В судебной практике имел место следующий случай. У группы лиц дома обнаружили наркотики, на предварительном расследовании и на судебном разбирательстве они давали показания, что наркотики у них хранились для удовлетворения их личных потребностей, не с целью их последующей реализации. Не считая их показания достоверными, суд отметил, что в рамках проведенных уполномоченными сотрудниками органов внутренних дел мероприятий оперативно-розыскного характера удалось получить неопровержимые доказательства того, что наркотики хранились у указанной группы лиц с целью их сбыта другим субъектам. В частности, в доме группы лиц был проведен обыск, обнаруженные наркотики были специальным образом расфасованы, были изъяты устройства, предназначенные для фасовки наркотиков. Также был допрошен свидетель, который подтвердил, что на регулярной основе приобретал у обвиняемых наркотики для личных нужд, в изъятых телефонах обвиняемых были найдены сообщения, из содержания которых следовало, что обвиняемые и еще одно неустановленное лицо вели преступную деятельность по сбыту наркотиков [5].

Если правоприменитель не докажет наличие у обвиняемого умысла на сбыт наркотиков, то его действия будут квалифицированы по ст. 228 УК РФ. Например, по одному из дел Московский городской суд изменил при апелляционном рассмотрении обвинительный приговор суда, вынесенный судом первой инстанции. Действия обвиняемых суд апелляционной инстанции

переквалифицировал с ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 228 УК РФ, отметив, что подсудимый употребляет наркотики для удовлетворения личных потребностей. В результате проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий не было обнаружено ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что субъект планировал осуществлять сбыт наркотиков. Поэтому не имеется никаких законных оснований вменить субъекту ст. 228.1 УК РФ [6].

Правоприменитель часто сталкивается с проблемой, по какой статье УК РФ квалифицировать действия субъекта, который поместил в «тайник-закладку» наркотическое средство, но не реализовал до конца свой преступный замысел на реализацию наркотика в силу обстоятельств, от него не зависящих (к примеру, его спугнули, произвели задержание сотрудники полиции на месте преступления и др.). Как правило, судьи квалифицируют данные деяния как покушение на совершение сбыта наркотиков. Так, по одному из дел высшая судебная инстанция отправила уголовное дело на новое рассмотрение в кассационном порядке. При этом в своем Определении высшая судебная инстанция отметила, что из содержания ч. 3 ст. 30 УК РФ следует, что покушение на преступное деяние представляет собой совершаемые умышленно действия субъекта, напрямую нацеленные на реализацию преступного замысла, но который не был реализован до конца в силу обстоятельств, не зависящих от субъекта. Поэтому если субъект был застигнут во время помещения им наркотика в «закладку» и впоследствии сотрудниками полиции изъят найденный наркотик, такие действия подлежат квалификации как покушение на сбыт наркотика [8].

Итак, из приведенного анализа можно сделать однозначный вывод о существенной разнице между сложившейся судебной практикой и об отсутствии в ней единообразия. Постановление Пленума высшей судебной инстанции — это судебный акт наивысшего уровня, которыми руководствуются суды при рассмотрении той или иной категории уголовных дел. При квалификации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ судьи обращаются к положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», которое требует актуализации, так как уже не отражает сложившуюся правоприменительную практику, в связи с чем суды и допускают ошибки в квалификации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 25.— Ст. 2954.
2. Постановление Правительства РФ от 12.06.2008 № 449 «О порядке перевозки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на территории Российской Федерации, а также оформления необходимых для этого документов» // Собрание законодательства РФ.— 2008.— № 25.— Ст. 2982.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ.— № 8.— 2006.
4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 07.05.2012 № 12–2645/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 12.09.2017 по делу № 10-13837/2017 // СПС «Консультант Плюс».
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 30.07.2018 по делу № 10-11561/2018 // СПС «Консультант Плюс».
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2019 N33-АПУ19-7 // СПС «Консультант Плюс».
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2021 № 19-УДП21-17-К5 // СПС «Консультант Плюс».
9. Кожевников, О. А. Актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / О. А. Кожевников // Юридический факт.— 2021.— № 149.— С. 26–30.

Обжалование постановлений об административных правонарушениях: внесудебный и судебный порядок

Кожадей Татьяна Николаевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Юзефович Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматривается вопрос об обжаловании постановлений об административных правонарушениях в судебном и внесудебном порядке с целью повышения эффективности процесса обжалования постановления об административном правонарушении.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административное право, обжалование постановлений об административных правонарушениях, судебный и внесудебный порядок.

Одним из важнейших способов обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел как субъектов административной юрисдикции является обжалование постановления по делу об административном нарушении. Это право обеспечивается в первую очередь ст. 46 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой любой гражданин РФ имеет возможность обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов в установленном законом порядке [1]. Обжалование постановления по делу об административном правонарушении является факультативной стадией производства по делам об административных правонарушениях, поскольку в общей массе не слишком большое количество рассмотренных дел об административных правонарушениях проходит эту стадию административного производства, но все же дает определенную нагрузку на суды общей юрисдикции. Суть этой стадии состоит в том, что орган административной юрисдикции, он же должностное лицо, проверяет обоснованность и законность постановления по делу об административном правонарушении и в случае выявления фактов нарушения законности принимает меры по устранению этих нарушений.

Согласно Конституции РФ и главе № 22 Кодекса административного судопроизводства РФ, гражданин наделен правом обращения с иском жалобой (исковым заявлением) на действия, бездействие, решения, нарушающие его права и свободы, непосредственно в суд, либо к вышестоящему в порядке подчиненности государственному органу, органу местного самоуправления, учреждению, которые обязаны рассмотреть жалобу в месячный срок и принять по ней компетентное решение [2].

Право обжалования постановления по делу об административном правонарушении закреплено и в ст. 30.1 КоАП РФ. Оно служит для восстановления нарушенных прав граждан, является средством выявления и устранения недостатков в деятельности органов административной юрисдикции [3].

Салищева Н.Г. пишет: «Надлежащее рассмотрение и разрешение споров (конфликтов), возникающих из административных и иных публично-правовых отношений, как в судебном, так и в административном порядке является назревшей проблемой. И административная, и судебная реформы взаимосвязаны друг с другом и преследуют цель создания наиболее приемлемой схемы осуществления правосудия и государственного управления, цель которых общая: решить проблемы социально-экономического развития общества, становления демократического социально-правового государства, создать условия для обеспечения реальной безопасности личности, общества и государства» [4].

Поэтому возможным способом решения актуальной проблемы является принятие закона, который установил бы единые правила внесудебного порядка обжалования, которые рассматривались бы детально в определенных ведомственных нормативных актах. Введение общего «кодекса» правил для всех органов исполнительной власти могло бы послужить формированию единого порядка рассмотрения административно-правовых споров во всех органах власти.

И.В. Панова также говорила о необходимости введения ряда единых процессуальных правил, касающихся производства по административно-правовым жалобам: «Необходимо

установить общие вопросы (задачи производства по жалобам, законодательное определение круга решений, создание единого организационного центра по руководству работой по рассмотрению жалоб, обязанности должностных лиц и т.д.), порядок подачи жалобы (закрепить право на подачу групповой жалобы, ограничить возможность неоднократного обращения в вышестоящие органы), рассмотрение жалобы (проверка проводится беспристрастными лицами, получение письменных объяснений, ознакомление с материалами дела, права заявителя, обязанности должностных лиц и т.д.), решение по жалобе (обязанность сообщать о решениях, принятых по жалобе, структура решения по жалобе, введение обязательных реквизитов) и гарантии прав граждан при подаче жалобы (законодательно закрепить безопасность личности заявителя, никто не может быть привлечен к ответственности за подачу жалобы, право на неразглашение имени заявителя). [5]

В отличие от внесудебного обжалования постановлений об административных правонарушениях, при подаче заявления в суд в рамках административного судопроизводства дело выходит за пределы области деятельности органов исполнительной власти и попадает в зону судебного контроля за действиями и решениями органов администрации. Исходя из этого можно сделать вывод, что степень независимости и объективности, а следовательно, результативности разрешения спора будет с большей долей вероятности высокой при осуществлении административного судопроизводства [7].

Рассмотрим статистику Верховного суда Российской Федерации за первое полугодие 2022 года: Апелляционная коллегия Верховного суда разобрала 235 административных дел. По двум административным делам изменили определения о возвращении заявления, а еще по одному делу — определение о взыскании судебных расходов. Остальные решения, постановления и определения остались без изменения.

Коллегия по административным делам изучила 449 исков в первой инстанции (судебные заседания прошли по 136), 4824 жалобы и представления в кассационной инстанции (судебные заседания прошли по 154), а еще 4103 жалобы и протеста и 384 дела по делам об административных правонарушениях. Коллегия удовлетворила 129 кассационных жалоб, в том числе от-

менила 57 решений суда первой инстанции, 26 апелляционных определений, удовлетворила 14 кассационных жалоб. [6]

Сравним с отчетом, например, рассмотрения коллегией по гражданским делам. В кассационной инстанции коллегия по гражданским делам рассмотрела 31 733 жалобы и представления, а в судебном заседании — 328 гражданских дел. По 317 гражданским делам кассационные жалобы и представления удовлетворены. Отменено 124 решения: 123 с отменой решения и направлением дела на второй круг и одно с вынесением нового решения. [6] Исходя из этого, можно сделать вывод о количественной нагрузке для судов по рассмотрению административных дел: в сравнительном отношении, например, с гражданскими делами, нагрузка не так велика, но все же она востребована и требует определенного человеческого и временного ресурса.

Еще в 2020 году Президент РФ В. В. Путин подписал закон, который был направлен на упрощение процедуры внесудебного обжалования постановлений об административных правонарушениях через портал «Госуслуги». Закон вступил в силу с 01.09.2021 г. Это позволило установить на территории всей страны одинаковый порядок обжалования постановлений, которые часто бывают ошибочными. Такая процедура позволила гражданам не тратить время на посещение ведомства и избавила от бумажной волокиты. Однако, это затронуло только вопрос обжалования автомобильный штрафов.

Внесудебный порядок обжалования, организованный надлежащим образом во всех сферах взаимодействия граждан с должностными лицами, естественно будет способствовать повышению продуктивности административного судопроизводства. Это касается, главным образом, распределения нагрузки между судами и органами власти, оптимизации человеческого и временного ресурса, сокращению объемов документооборота, а также возможностью для гражданина выбора способа обжалования. Должным образом организованный и налаженный порядок внесудебного обжалования важно и нужно рассматривать как одну из процессуальных гарантий результативности административного судопроизводства, поскольку он позволяет распределить административные дела между судами, а также предоставляет гражданам возможность выбирать способ обжалования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (новая редакция с изменениями от 04 октября 2022 года);
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ (ред. от 24.07.2023)
3. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 19.10.2023)
4. Салищева Н. Г. Проблемы развития института административной юстиции в России, Воронеж, 2013
5. Панова В. И. «Административно-процессуальное право России», Москва, 2012
6. Статистика Верховного суда: главные цифры первого полугодия 2022 года, https://vsrf.ru/press_center/mass_media
7. Пешкова Т. В. «Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции», на правах рукописи, Воронеж, 2014

История становления и развития института оспаривания сделок должника

Колезнев Антон Владимирович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье автор исследует историю становления и развития института оспаривания сделок должника в России и за рубежом.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, оспаривание сделок должника, институт банкротства, кредитор, конкурсная масса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что невозможно представить цивилизованное общество без института банкротства. Стабильность гражданского оборота, в экономически развитых странах, базируется на важнейшем рыночном механизме правового регулирования рыночных отношений — институте несостоятельности (банкротства). Вследствие чего является актуальным исследовать историю возникновения и дальнейшего развития данного института, который является комплексным институтом права, сочетающий в себе нормы различных отраслей права. В статье проводится анализ этапов исторического развития института банкротства с древнего периода до наших дней. Автором выявляются недостатки на определенном периоде развития института банкротства, подчеркиваются достигнутые и имеющиеся достоинства, рассматриваются законодательные акты, регулирующие в разные периоды времени процедуру банкротства. Исследуется история становления и развития института оспаривания сделок должника. Результаты исследования показали, что все государства прошли длительный исторический путь развития института банкротства от насильственных и варварских методов воздействия на должника, до современных и цивилизованных методов, ориентированных на справедливую защиту прав и интересов, как должников, так и кредиторов.

В наше время банкротство — это эффективный механизм охраны экономики страны от влияния несостоятельных хозяйствующих субъектов, которые могут привести к социальным и экономическим потерям, нарушению стабильности гражданского оборота государства.

Интерес к процессу становления и развития института оспаривания сделок должника нарастает не только в зарубежных государствах, но и в России. Вследствие чего, является актуальным исследовать историю возникновения и дальнейшего развития данного института, который является комплексным институтом права, сочетающий в себе нормы различных отраслей права. Для решения поставленной задачи, необходимо рассмотреть зарубежную и отечественную историю и практику зарождения, развития и функционирования института банкротства.

Новизна исследования заключается в структурировании этапов развития, как института банкротства, так и совершенствования института оспаривания сделок должника, двух неотъемлемых элементов экономико-правового института развития рыночного хозяйства.

Вопросам несостоятельности (банкротства) посвящено множество научных работ. Достойный вклад в изучение института конкурсного права внесли, как дореволюционные ученые

(Г.Ф. Шершеневич, А.И. Улинский, А.Н. Трайнин, А.Х. Гольмстен, Н.А. Тур), так и современные ученые-исследователи (В.В. Витрянский, С.А. Карелина, Е.Г. Дорохина, А.Я. Курбатов, Б.С. Бруско, В.Ф. Попондопуло, Ю.П. Свит, В.Н. Ткачев).

Цель исследования — анализ исторических аспектов становления и развития института оспаривания сделок должника в России и за рубежом.

Методика проведения исследования. При написании научной статьи использовались следующие методы познания: общенаучные методы исследования, а также частно-научные методы: формально-юридический, методы структурного и сравнительного анализа, анализ, синтез, системный метод.

Результаты исследования

«Всякого рода беспринципная деятельность приводит к банкротству», — государственный деятель Иоганн Вольфганг Гёте

Исследование института оспаривания сделок должника в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) направлено на историю его возникновения, развития и становления. Анализ и понимание причинно-следственных связей зарождения института облегчает понимание его сущности и содержания, помогает проследить тесную взаимосвязь в общественных, политических и экономических правоотношениях, происходящих в государстве и действующих нормах права в историческом периоде эволюции.

Например, институт банкротства прошел историческое развитие в несколько веков, от эпохи Древнего Рима до современного института банкротства. Институт банкротства становился и развивался, как в государстве Российском, так и в иностранных государствах. Исторические этапы развития, в совокупности с влиянием индивидуальных для страны факторов, как политических, экономических и социальных, во многом обуславливают современное устоявшееся содержание института несостоятельности (банкротства) и процессов его регулирования. Стоит отметить, что на протяжении всего исторического процесса развития института банкротства, основной и главенствующей целью, законодательно преследовалось — справедливое удовлетворение требований всех кредиторов должника.

Как подтверждение, многоступенчатости развития и постепенной эволюции, кратко рассмотрим развитие института банкротства в Древнем Риме. Становление было многоступенчатым, прошло три этапа: Античный Рим (царский период), Римская республика, Римская империя. Древний Рим являлся аграрным государством, большая часть населения была занята

в работах на земле, в этой связи, отношение к собственности на землю было строгим и законодательно проработанным. В 450 г. до н.э. в первом законодательном акте Рима «Законы двенадцати таблиц» в пункте 6 таблицы III, даны пояснения по вопросам несостоятельности. В царский период законом разрешались истребования должника, банкротство воспринималось неоднозначно, как противоправное деяние и применялись, порой, ряд бесчеловечных и жестоких санкций: обращение в рабство, убить или разрубить на части [1], но с обязательным правом на возмещение убытков от неисполненных обязательств.

В период Римской республики (510/509–30/27 год до н.э.) в Римском праве происходят значительные позитивные изменения, которые были тесно связаны с изменением института банкротства. Именно, изменился статус должника, он воспринимался именно, как должник, а не мошенник. Важные изменения осуществлены в области ответственности лица, уже в статусе должника, перед кредиторами — личностные «телесные» обязательства перешли в имущественные обязательства, то есть произошло преобразование от формы обеспечения задолженности самой личностью должника, уже к обеспечению задолженности имуществом должника. Данные цивилизованные изменения произошли вследствие принятия Закона Петелия в 326 г. до н.э., роль которого имеет огромное значение для развития конкурсного права. В частности, Закон консула Гая Петелия запретил:

- 1) обеспечение долга личностью;
- 2) физическое воздействие на должника (истязания) [2].

Стоит отметить, что в Римском праве, при развитии института банкротства, были образованы публичные торги, на которых происходила продажа имущества должника. При недостаточности имущества, для расчетов со всеми кредиторами, назначался *magister bonorum* (распорядитель конкурсной массы должника). К компетенции *magister bonorum* относился анализ сделок должника, с целью выявления в них противоправных действий во вред имущественным правам кредиторам. «Кредиторов не обманывают не тогда, когда что-либо должником не приобретает, но когда уменьшается что-либо из имущества должника» (Дигесты Юстиниана). Как мы видим, права кредитора в Римском праве, охранялись непоколебимо. Действия должника по противоправным сделкам, направленным на уменьшение конкурсной массы, во вред кредиторам (*in fraudem creditorum*) признавались ничтожными [3].

Цивилизованным процессом урегулирования правоотношений, в Римском праве, считаю возникновение возможности заключения мирового соглашения между должником и кредитором. Факт заключения мирового соглашения был допущен на всех стадиях конкурсного процесса. Как вариативное решение реструктуризации долга, применялись отсрочки исполнения обязательств, которые оформлялись в форме договора, являющегося частью мирового соглашения [3].

Краткий анализ становления института банкротства в Римском праве, показывает, что был создан базис современного подхода к природе института несостоятельности (банкротства). Ряд процедур банкротства, которые применяются к несостоятельному должнику в настоящее время, были созданы правоведами в Римской республике и далее, усовершенствованы

в Римской империи. Как мы видим, право анализа и оспаривания сделок должника возникло одновременно с институтом банкротства в эпоху Древнего Рима.

Конкурсное право в России прошло три этапа:

- 1) дореволюционный период;
- 2) светский период;
- 3) современный.

Первым российским законодательным актом, определяющим институт несостоятельности (банкротства) стала «Русская Правда» XIII века Киевской Руси. В ней определялась очередность удовлетворения требований кредиторов при недостаточности имущества:

- 1) князь;
- 2) иностранные и иногородние купцы;
- 3) местные кредиторы. Про сделки, совершенные во вред кредиторам, направленные на сокрытие и уменьшение имущества должника «Русская Правда» не упоминает [4].

Сходного содержания были нормы, посвященные банкротству в Соборном Уложении 1649 г. Очередность удовлетворения требований кредиторов сохранялась: требования государя, затем иностранных купцов и только после них — местных лиц.

После Соборного уложения, следующим законодательным актом регулирующим процедуру несостоятельности (банкротства) и частично оспаривание сделок в конкурсном производстве, представляется Судебник Ивана III 1497 г. Например, в ст. 55 Судебника Ивана III законодатель разделил лиц, которые приобрели статус банкрота по ряду уточненных обстоятельств: не зависящих от их воли (стихийное бедствие, грабеж и т.д.) и лиц, обанкротившихся по собственной воле и вине (в силу праздного образа жизни, пьянства, мотовства и т.д.).

Первым законодательным актом, созданным специально для регулирования несостоятельности (банкротства), является Банкротский устав от 15 декабря 1740 г., он был разработан по Указу императрицы Анны Иоанновны. В свою очередь, широкого применения не имел, но он содержал в себе ряд перспективных положений. Например, разделение причин образования банкротства: злостное (преднамеренное) и несчастное банкротство. К злостному (преднамеренному) банкротству относились умышленные действия должника по сделкам в ущерб имущественных прав кредиторов, например, сделки направленные на уменьшение имущества должника до процедуры банкротства (ст. 14, 22, 24 и 25). Под термином «несчастное банкротство» законодатель подразумевал невозможность удовлетворения требований кредиторов (ст. 22).

Первый правовой акт, посвященный вопросам несостоятельности (банкротства), носил название «Устав о банкротах» 1800 г., и был утвержден 19 декабря 1800 г. В данном «Уставе о банкротах», впервые в российской правовой практике, было введено отдельное правовое регулирование двух видов банкротств: не связанное с предпринимательской деятельностью и связанное с предпринимательской деятельностью (историческое название «торговая несостоятельность»).

«Устав о банкротах» содержал ряд передовых положений, посвященных институту банкротства и конкурсному оспариванию. Например, ст. 103 «Устава о банкротах» содержала запрет на осуществление действий, которые в настоящее время получили на-

именование сделок с предпочтением: «... когда кто по своим обстоятельствам усмотрит неминуемое для себя банкротство: таковой не должен никому из своих кредиторов ради свойства или дружбы платеж своих долгов производить» [5]. На сделки, направленные на уменьшение имущества должника, распространялись положения об их недействительности, а их последствием являлось возвращение имущества в конкурсную массу.

Стоит отметить иное прогрессивное законодательство в положениях Устава, а именно: предусмотрена возможность реструктуризации задолженности, заключения внесудебного мирового соглашения с кредиторами, а также предоставления судом должнику срока для восстановления платежеспособности.

Следующим витком развития и законодательства стали «Устав о торговой несостоятельности» от 23 июня 1832 г. и «Устав судопроизводства» от 1832 г., в которых была сохранена преемственность норм из «Устава о банкротах» и избегалась кардинальное и существенное изменение норм права. В «новых уставах» 1832 года, содержались положения, которые относились непосредственно к конкурсному оспариванию сделок должника. Определялись два вида подозрительных сделок должника, которые могли быть оспорены кредиторами: «безвозмездные (дарственные) сделки, возмездные сделки, подложное переукрепление имущества» [6]. Для каждого типа сделки был установлен особый правовой режим и порядок их опровержения. Данное уточнение типа сделок должника, повествует о наличии практически сложившейся фактической потребности их разделения, что выразилось в достаточно подробном уточнении рассматриваемых категории сделок.

Например, срок давности оспаривания сделки дарения, совершенного в отношении детей или родственников лица, признанного банкротом, было возможно в течение десяти лет с момента объявления его несостоятельным. Если сделка была совершена в пользу несовершеннолетних, закон требовал соблюдение обязательных условий: она должна быть признана нарушающей права кредиторов и быть совершена в период, когда долги лица, признанного банкротом, в два раза превышали стоимость его имущества.

Фактически, закон устанавливал две противоречивых презумпции при рассмотрении возмездных сделок, подлежащих оспариванию в деле о банкротстве. При возмездной сделке, в пользу супруга, он устанавливал презумпцию фиктивности сделки, а при возмездной сделке в отношении детей и родственников — презумпцию правомерности возмездных сделок. При оспаривании сделок должника при банкротстве, отмене подлежало действие по передаче имущества должником контрагенту, а не сама сделка должника и его контрагента. В теории возникло обоснование недействительных сделок, особенность которых, сохранение в силе самой сделки при отмене ее последствий, но только в отношении кредиторов несостоятельного должника. Такие сделки стали называть относительно недействительными, недействительными в отношении конкурсных кредиторов должника. Для остальных лиц эти сделки предлагалось считать действительными [6]. Например, такой позиции придерживался известный русский цивилист Г. Ф. Шершеневич.

Устав о торговой несостоятельности 1832 г. являлся источником правового регулирования института банкротства до

социалистической революции в 1917 г., что однозначно подтверждает его практическую востребованность и насущную проработанность, даже в период НЭПа при советской власти. За период реализации и существования Устав о торговой несостоятельности был подвергнут незначительным изменениям, но его центральная и основная идея не изменялась.

Социалистическая революция в 1917 году упразднила институт частной собственности, и законодательная актуальность регулирования института несостоятельности (банкротства) отпала. Но при возрождении рыночных и товарно-денежных отношений в период НЭПа, появилась потребность регулировать предпринимательские отношения несостоятельности, и был возрожден институт банкротства. Судам, для восполнения правовых законодательных пробелов, при рассмотрении дел о несостоятельности, приходилось использовать Устав о торговой несостоятельности 1832 года. С учетом восполнения потребности норм права и избегания коллизий, в несколько статей Гражданского кодекса 1922 года было введено понятие несостоятельности. Однако, недостатком законодательства явилось отсутствие единого и рабочего механизма применения норм, регулирующих банкротство, вследствие чего, позитивных процессуальных результатов и судебной практики не существовало. После свертывания НЭПа в 1928 году началась реализация социалистических идей построения социализма, кризис сельского хозяйства и начало коллективизации, что не предусматривает конкуренцию между товаропроизводителями, соответственно произошло отмирание практической востребованности института банкротства. Отсутствие востребованности института банкротства, обосновывалось тем, что нормы ГК РСФСР отражали, что неплатежеспособность в СССР не приводила в конкурсном производстве к ликвидации должника (полному прекращению его деятельности).

Как уже упоминалось, отличительной особенностью советского периода для института банкротства явилось полное отсутствие механизма применения норм и системного подхода к правовому регулированию несостоятельности (банкротства), тем более к вопросу оспаривания сделок должника. Стоит отметить попытки законодательного прояснения несостоятельности должника. Так, Гражданский кодекс РСФСР, введенный в действие Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. [7], предусматривал возможность признания должника несостоятельным (банкротом), «однако самого понятия и механизма признания не существовало» [8]. Примечательно, что в статье 30 ГК РСФСР были установлены критерии для оспаривания сделок, рассмотрим их.

Именно ст. 30 ГК РСФСР от 1922 г. предусматривала возможность оспорить сделки, признанные:

- 1) противоречащими закону;
- 2) совершенными в обход закона;
- 3) направленными на причинение ущерба для государства.

Судебная практика этого периода пошла по пути правовой аналогии в толковании, применив ст. 30 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и к сделкам, совершенным во вред кредиторам. Из судебной практики, в Определении Верховного Суда РСФСР по делу № 4178 от 30.08.1926 г. гражданская кассационная коллегия подтвердила правильность решения суда первой инстанции

о признании недействительным договора купли-продажи доли в товариществе, усмотрев намерение продавца уменьшить объем своего имущества [9]. Но период справедливого восстановления прав и интересов кредиторов был не долгим, уже 28 ноября 1927 года в ГПК РСФСР была включена глава 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических», а 20 октября 1929 года дополнен главой 38 «О несостоятельности государственных предприятий» и главой 39 «О несостоятельности кооперативных организаций». В данном случае, в отличие от законодательства дореволюционного (Устав о торговой несостоятельности 1832 год) кредиторы были отстранены от участия в конкурсе и от назначения управляющего. Введенные главы 37 и 38 предусматривали, что эту функцию должны исполнять государственные учреждения. Соответственно, данные «нововведения» не позволяли применить действующую ст. 30 ГК РСФСР для оспаривания сделок, совершенных должником в целях причинения имущественного вреда кредиторам. Так как, при их признании сделки недействительной, имущество переходило не в конкурсную массу, а в государственный доход [10].

Влияние излишней политизированности и дифференцированного подхода в гражданском законодательстве в целом и формальное существование института банкротства, способствовало отмиранию института банкротства и конкурсному оспариванию сделок, практическое применение было утрачено [11]. Поэтому над текстом гл. 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических» и гл. 38 «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществ» в ГПК РСФСР 1923 г., начиная с 1935 г., была пометка «опущена как утратившая практическое значение» [12]. В общем, принятый Гражданский кодекс РСФСР в 1954 году не содержал положений о несостоятельности, законодательные реформы 60-х годов полностью исключали нормы о несостоятельности (банкротстве).

Современный этап развития института банкротства в России начался с момента принятия Указа Президента РФ от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» [13]. Единственно, он не предусматривал и не регулировал правоотношений между должником и кредитором по вопросу оспаривания сделок.

В результате перехода экономики к рыночным методам хозяйствования в стране возникла потребность к возрождению института несостоятельности (банкротства). Как итог, был принят закон о банкротстве в России от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [14] предусматривал порядок и основания признания недействительными действий должника, совершенные до признания его банкротом, а именно:

- 1) действия должника в пользу одних кредиторов, совершенные с намерением причинить ущерб другим;
- 2) досрочное удовлетворение требований кредиторов по обязательствам, которые возникли в течение шести месяцев до дня возбуждения производства по делу о банкротстве;
- 3) действия, направленные на удовлетворение тех требований кредиторов, срок по которым наступил в то время, когда фактически предприятие уже было несостоятельным.

Сфера применения закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 1992 года, ограничивалась только банкротством юридических лиц. Данный закон состоял из 51 статьи и охарактеризовал все процедуры банкротства в относительно общих чертах, что не соответствовало потребностям динамично развивающейся экономики страны. Стоит отметить и недостаток закона 1992 года, добросовестность третьих лиц (контрагентов) и возмездность приобретения имущества, т.е. факт равноценного встречного исполнения в пользу должника в сделках — не учитывалась и не принималась во внимание, а последствием признания действий должника недействительными, было обязательство к возврату в конкурсную массу всего полученного третьими лицами по сделке, а если это было невозможно — возместить в денежном измерении.

При разработке современной концепции российского законодательства о банкротстве была взята французская модель, которая предполагала предоставление возможности восстановления платежеспособности должнику и ряд последовательных процедур, вход в процедуру наблюдения, по итогам которой выбирается, либо реабилитация (финансовое оздоровление и внешнее управление), либо ликвидация должника. Данная французская модель впервые была введена в рамках Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15].

Недостаточно детально и последовательно, в статье 78, оговаривались общегражданские основания оспаривания сделок, основания оспаривания сделок с предпочтением (с предпочтительным удовлетворением требований кредиторов), сделках с заинтересованным лицом, в результате исполнения которых нанесены убытки.

Касаемо оспаривания сделок, статья 103 Закона о банкротстве содержала положения о признании сделки недействительной. Из недостатков, данная статья не содержала никаких указаний на вытекающие последствия сделки признанной недействительной, что породило в судебной практике применение требований о реституции, т.е. правовой инструмент, который начали использовать еще в Древнем Риме и применяют в современности. Реституция заключается в том, что сторона, которая получила что-либо по сделке, должна возвратить контрагенту полученное в натуре, а если это невозможно (в том числе, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) — возместить его стоимость (п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации). Отсутствие единообразия трактования закона и субъективно сложившаяся судебная практика привели к неоднозначным и противоречивым выводам суда при рассмотрении дел об оспаривании сделок должника.

Закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 1998 года был относительно не плохо проработан, но в целом не способствовал правовой и экономической определенности. Данный закон не обеспечивал справедливую защиту социально-экономических процессов, т.е. защиту сторон по делам о банкротстве и имел значительное множество недочетов, что повлекло, необходимые стране и народу, очередные изменения в законодательстве о банкротстве.

Первая редакция Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» сохра-

нила условия правового регулирования конкурсного оспаривания сделок, ранее закрепленный Федеральным законом от 08.01.1998 № 6-ФЗ. Нужно отметить, что в период с 03.12.2002 г. по 03.06.2009 г., статья 103 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» носила декларативный характер, т.е. не содержала детального механизма оспаривания сделок, а ограничиваясь только перечислением видов сделок, которые могут быть оспорены. Закон о банкротстве 2002 года, в целом, можно охарактеризовать, как позитивный сдвиг в развитии правового регулирования банкротства, поскольку он имеет целый ряд необходимых и нужных доработок, преимуществ перед законами «предшественниками» 1992 и 1998 года.

Высшим Арбитражным Судом РФ осуществлены действенные шаги для единого трактования специальных норм права и ликвидации пробелов законодательства с помощью общения судебной практики и официальной публикации накопленного опыта оспаривания сделок. В своем Постановлении от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [16] ВАС РФ подробно объяснил процедуру оспаривания сделок при банкротстве: арбитражный управляющий и кредиторы вправе оспаривать сделки, повлекшие предпочтительное удовлетворение требований кредиторов, а также предбанкротные сделки связанные с выплатой доли в имуществе учредителю, обязал должника выступать ответчиком по данному спору, разъяснены моменты оспаривания сделок граждан, одобрения крупных сделок, признания лиц заинтересованными по отношению к должнику, определил правила распределения судебных расходов, определил положения доказывания осведомленности кредитора о неплатежеспособности должника при заключении предбанкротной сделки и т.д.

Постановление Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 создало позитивный нормотворческий пример для законодателя, который, увидев ряд недоработок и пробелов, учел и принял Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [17]. Доработки выразились в подробной регламентации механизма правового регулирования и конкурсного оспаривания сделок, фактически использовав немецкую модель оспаривания сделок. Примечательно, что базовая концепция норм о закона банкротстве, основана на французской модели, далее дополнилась немецким опытом конкурсного оспаривания. Возможно, что данное обстоятельство является причиной частых вносимых дополнений и изменений в российское законодательство о банкротстве, а именно в регулировании конкурсного оспаривания сделок.

До принятия Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ не было отдельного основания для признания сделки недействительной, как нарушение имущественных прав и интересов кредиторов. Существующий пробел был устранен разъяснением Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32, где в п. 10 предусматривалась возможность оспаривания по ст. 10 ГК РФ «сделки должника, направленной на нарушение прав и законных интересов кредиторов, в частности, направленной на уменьшение кон-

курсной массы по отчуждению по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам». Иными словами, ст. 10 ГК РФ, по мнению ВАС РФ, служила основанием для признания недействительными сделок по формированию фиктивной кредиторской задолженности и созданию «искусственных» требований к должнику для создания контролируемого банкротства. На тот момент, то есть до принятия Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ это было единственным возможным решением, которое позволяло устранить законодательный пробел.

Однако, такой двойной подход к решению вопросов, привел к возникновению проблемы в виде появления сделок, которые попадали под разное правовое регулирование. Сделки, перечисленные в ст. 103 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», влекли оспоримость на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ. По ст. 10 ГК РФ данные сделки признавались ничтожными. Фактически образовалась правовая коллизия в виде существования одного вида сделок, но влекущих разные правовые последствия: оспоримость и ничтожность.

Попытку решения возникшей правовой коллизии принял Пленум ВАС РФ в Постановлении от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [18]. В п. 4 Постановления правовые последствия недействительности сделок были дифференцированы в зависимости от оснований: «перечисленные в ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве основания недействительности сделок влекут оспоримость, а не ничтожность соответствующих сделок». Однако последующий текст Постановления сформировал неоднозначность в толковании и установлению ясности в вопросах недействительности сделок, фактически предоставив суду возможность квалифицировать названные сделки, как ничтожные на основании ст. 10 и ст. 168 ГК РФ.

Применение ст. 10 ГК РФ в Постановлении по процедуре конкурсного оспаривания объясняется тем, что данный вид оспаривания сделок не касается процедуры наблюдения, которая отсутствует в заимствованной немецкой модели. Поэтому и появились два взаимосвязанных вывода.

Во-первых, смешение положений немецкой и французской моделей, имеющих разный подход к несостоятельности, в практике банкротства явилось причиной различных пробелов и потребностью законодательного дополнительного регулирования процедуры конкурсного оспаривания.

Во-вторых, универсальным решением и выходом из возникших пробелов в рамках конкурсного оспаривания является ст. 10 ГК РФ, которая служит гарантом защиты при банкротстве прав и законных интересов кредиторов, которые не восстановили нарушенные права при использовании специальных норм Закона о банкротстве.

Выводы

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что институт оспаривания сделок в деле о банкротстве имеет глубокие исторические корни и в своем развитии и правовой эволюции прошел трудоемкий и длительный

путь. Существовали исторические периоды, когда законодателем предпринимались попытки развития и урегулирования деятельности института несостоятельности, но и существовали и периоды категорического отрицания наличия этого института и его всевозможного неприятия. Постепенно законодательство всех государств на должном уровне оценило роль рыночного механизма правового регулирования рыночных отношений — института несостоятельности (банкротства). Одновременно эволюционировали и нормы материального и процессуального права, неотъемлемые элементы комплексного института банкротства. Созданы механизмы имущественного обеспечения долга, ответственности, методы и способы возврата долга, без диктаторского ограничения прав и свобод человека, как это происходило у истоков возникновения института. Исследования показали, что исторический путь развития института оспаривания сделок в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) можно разделить на три основных периода: дореволюционный период, советский период и современный период.

Литература:

1. Медведев С. Н. Римское частное право. — Ставрополь, 2004. — 129 с.
2. Сперанская Ю. С. Институт несостоятельности (банкротства) в России XI — начале XXI века (историко-правовое исследование): учебное пособие. — Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. — 124 с.
3. Новицкий И. Б. Римское право: учебник / И. Б. Новицкий. — 2-е изд., стер. — М.: КНОРУС, 2012—304 с.
4. Рыков, Д. А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: автореферат диссертация ... кандидата юридических наук. — М., 2022. с. 21.
5. Устав о банкротах. СПб., 1816. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.05.2023 г.)
6. Циндяйкина, А. Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): диссертация... кандидата юридических наук. — М., 2012. с. 109.
7. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
8. Сперанская, Ю. С. Институт несостоятельности (банкротства) в России XI — начала XXI века (историко-правовое исследование): учеб. пособие. — Н. Новгород: Нижегородская правовая акад., 2009. с. 37.
9. Вавин, Н. Г. Ничтожные сделки (ст. 30 Гражд. код. РСФСР и УССР, и последствия ее нарушения). — М.: Правовая защита, 1926. с. 15.
10. Гражданский кодекс РСФСР: науч. комментарий (с учетом гражданских кодексов союзных республик). Вып. 5: Сделки, договоры / И. С. Перетерский; под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. — М.: НКЮ РСФСР. 1929. с. 14.
11. Семёнова, Е. А. Право конкурсного оспаривания в Российской Федерации: автореферат диссертация... кандидата юридических наук. — М., 2018. с. 11.
12. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 7 июля 1923 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1923. № 18. Ст. 1419.
13. Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» (утратил силу) // ВСНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.
14. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.
15. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.
16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.04.2009 № 32 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.05.2023)
17. Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. 1). Ст. 2153.
18. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

В дореволюционный период мы видим потребность общества и государства в создании основ института оспаривания сделок должника в рамках производства по делу о несостоятельности (банкротстве). В дореволюционном периоде осуществлены поиски решений и закреплены первые достижения для урегулирования вопроса в отношении сделок должника, ущемляющих права кредитора.

Советский период выражен «застоем» в развитии норм права в несостоятельности (банкротстве), отрицанием надобности и забвением опыта дореволюционных достижений института банкротства.

Банкротное законодательство 1990-х годов и ныне действующий ФЗ от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» находятся на должном уровне правового развития, позволяющем не двусмысленно и в полной мере реализовать защиту прав и законных интересов кредитора, учесть баланс интересов сторон в банкротстве, осуществить разумный и добросовестный подход при оспаривании сделок должника.

Исследование доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию

Кондрашова Ольга Владимировна, студент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассмотрены проблемы исследования доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию. Основной упор автором делается на исследовании такого правового требования доказательств, как допустимость доказательств в контексте вопроса касающегося правовых последствий нарушения процессуальной формы. Автором рассмотрено два подхода, один из которых получил название концепции (теории) «плодов отравленного дерева», отстаивающей безусловную недопустимость доказательств при любом нарушении установленного порядка собирания и закрепления доказательств независимо от их характера и степени. Второй подход имеет более взвешенную позицию и разделяет процессуальные нарушения на существенные и несущественные, восполнимые и невосполнимые. Как считает автор, когда встает вопрос о том, все ли нарушения уголовно-процессуальных норм, должны вести к признанию доказательств недопустимыми, необходимо реализовывать идею справедливости, основывающуюся на конфликте между нормами позитивного права (закона) и иррациональными нормами, суть которых, забота о людях. Автор убежден, что справедливость важнее права и правовые коллизии должны решаться с позиции справедливости. Именно критерий справедливости должен считаться ведущим при толковании права вообще.

Ключевые слова: уголовный процесс, подготовка к судебному заседанию, предварительное слушание, допустимость доказательств, нарушение уголовно-процессуального закона, справедливость, *criminal process, preparation for the trial, preliminary hearing, admissibility of evidence, violation of the criminal procedure law, justice.*

Обеспечение защиты конституционных прав человека делает актуальной проблемы доказательств в уголовном процессе. [6] Только при наличии совершенно — организованного механизма, не вызывающего сомнения в беспристрастности судопроизводства можно говорить об утверждении справедливости и права на справедливый суд в уголовном процессе. При этом акцент должен делаться на достоверности установленных судом фактов, они становятся основанием для принятия ответственных решений, касающихся судьбы человека.

Изучая научную литературу, можно заметить, что нет единого мнения на понятие исследования доказательств в суде. В одних из своих научных трудов М. С. Строгович писал о проверке доказательств на их правильность или неправильность. Способом проверки он называл «исследование самого доказательства, сбор новых доказательств, подкрепляющих или опровергающих это доказательство, сопоставление доказательства с другими имеющимися в деле доказательствами. Итогом проверки служит оценка доказательства».

Обращаясь к Уголовному кодексу РФ, а в частности к ст. 88 можно выделить, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а все собранные в ходе расследования преступления доказательства оцениваются с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. Относимость и допустимость — обязательные признаки доказательства». То есть отсюда следует, что если сведения не обладают признаком относимости или же допустимости, они доказательством быть не могут. Примером может служить ст. 77 УПК РФ, в которой говорится, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступлений может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств» [8]. В данном случае доказательством будут являться сведения,

свидетельствующие о причастности лица к совершенному преступлению, подтвержденные в ходе проверки, а не факт признания вины.

В некоторых научных трудах встречается концепция, например, озвученная профессором Л. Д. Калинкиной. В своей работе она утверждает: «что к недопустимым доказательствам должны относиться нарушения требований уголовно-процессуального законодательства..., процессуальные нарушения в отношении субъектов, на правах участников уголовного процесса, а также порядок производства следственных действий и оформление их результатов, в ходе которых происходит получение недостоверной доказательственной информации, либо ставится под сомнение достоверность данной информации» [2].

С данным высказыванием можно согласиться лишь в части того, что к недопустимости доказательств должны приводить нарушения требований уголовно-процессуальных норм. А спорить можно с тем, что достоверность информации зависит лишь от формального соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства. Так, например доказательства, добытые под пыткой, по мнению Калинкиной должны быть недостоверными. Они будут недопустимыми с точки зрения нарушения принципа уголовного процесса (ст. 9 УПК РФ «Уважение чести и достоинства личности»), морали и этики, но недостоверными — не факт. В трудах Т. Шаповаловой и Е. Бонар, можно встретить и такие высказывания, как «допустимость и достоверность являются взаимосвязанными понятиями, а их различие состоит лишь в том, что допустимость — это формальные требования уголовно-процессуального законодательства, а достоверность, является содержательным признаком». На наш взгляд эти мнения существуют лишь по тому, что в действующем законодательстве правила, определяющие допустимость доказательств имеют невнятную интерпретацию. Процессуальность, главный критерий допустимости доказательств, для того

чтобы он заработал нужно, чтобы все критерии допустимости доказательств нашли отражение в процессуальной форме доказательственной деятельности.

Итак, на разрешение этико-правовой проблемы обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве существенно влияет не только неоднозначное толкование понятия доказательств, но и то, что в традиционной теории доказательств лишь в незначительной её части отведено место доказательствам и их видам, а всё остальное, что в ней рассматривается,— это оперирование доказательствами. Важным при этом, как отметил Ю.М. Грошевой, является единство содержания и формы (фактических данных и их источников), что даёт правильное представление о сущности доказательств. С этим связана реализация установленных законом гарантий прав участников уголовного процесса на основе демократических принципов осуществления правосудия.

Таким образом, существенное значение для установления доказательств имеет процессуальная форма, в рамках которой происходит познание в уголовном процессе. Она важна и для сбора доказательств и для их проверки и оценки судом с точки зрения относимости и допустимости. Досудебное расследование является важным этапом сбора доказательств, на котором создаются предпосылки для их проверки, оценки и принятия судом законного и справедливого решения по существу. От этого зависит как полнота реализации конституционных прав человека и гражданина, так и пренебрежение ими, а при ее несовершенстве становится невозможным законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовного дела.

Примером может служить правосудие в США, где на законодательном уровне закрепили процедуру обращения в суд для обеспечения достоверности доказательств. То есть, суд оценивает законность способа получения доказательств и то, насколько они могут быть полезными для разрешения дела. Для этого были приняты Правила о доказательствах для судов и магистратов. Они созданы для обеспечения справедливости при выполнении судом его функций, устранения излишних расходов и издержек, гарантии соблюдения законности в доказывании. Все это вместе взятое гарантирует справедливость правосудия [3].

На сегодняшний день остро стоит вопрос о нарушениях процессуальной формы и к каким последствиям это влечет. Во время дискуссии определились два подхода, один из которых получил название теории «плодов отравленного дерева». Свое название эта теория позаимствовала у американской правовой науки, которая жестко выступает против любых нарушениях установленного порядка собирания и закрепления доказательств независимо от их характера и степени. Этот подход характеризуется доктриной глобального устранения из доказывания процессуальных нарушений, исходящая из того, что только суровыми санкциями недействительности процессуальных актов можно преодолеть процессуальный нигилизм, удерживая органы предварительного расследования и суд от нарушений, которые порождают сомнения в качестве доказательств. Эта теория пользуется спросом у адвокатов, которые, ссылаясь на законодательные акты, в частности ч. 2 ст. 50

Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ, требуют признания всех без исключения доказательств недопустимыми, полученные в результате любого нарушения уголовно-процессуального законодательства, соответственно обжалуют все без исключения нарушения законодательства. Второй подход характеризуется разделением процессуальных нарушений на существенные и несущественные, восполнимые — это те, которые могут быть устранены, нейтрализованы и невозможные. В его основе лежит идея, где борьба с преступностью может пострадать из-за чрезмерного значения к «формальным» и реально устранимым процессуальным нарушениям. Несущественные нарушения — нарушения, не влияющие на правдивость, полноту и достоверность сформированного доказательства. В ст. 381 УПК РФ раскрывается понятие существенного нарушения уголовно-процессуального закона: «существенные нарушения уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения, требований статей настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне рассмотреть дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора».

Черта, когда устранимые процессуальные нарушения станут неустранимыми, лежит в нарушении или ограничении конституционных прав человека и гражданина; а также в возможности или невозможности восполнить при отступлении от процессуальной формы образовавшийся пробел в доказывании. Логично предположить, что доказательства, полученные при нарушениях конституционных гарантий прав и свобод граждан, не имеют юридической силы. Вместе с тем следует указать, что здесь возможно повторное проведение сбора доказательств.

Заключение и вывод

Рассматривая вопрос о допустимости доказательств, мы считаем, что нельзя прямо ставить вопрос о том, что все ли нарушения уголовно-процессуальных норм должны вести к признанию полученных доказательств недопустимыми. Здесь на первом плане должна выступать идея справедливости, о которой говорил П. Рикер. Он утверждал, что принятие справедливого решения является трудным, так как оно принимается в обстоятельствах конфликта норм законодательства и проявлением заботы о людях и имеют одинаковую силу и вес. Именно тогда выбираешь не между «белым» и «черным», а между «серым» и «серым». Мы также полагаем, что расплывчатая интерпретация законов может поощрять лишь произвол в решениях, тогда как они во всех случаях должны быть результатом произнесения слов справедливости. В общечеловеческом смысле справедливость важнее права, ибо человек не может быть ниже того, что породил сам. Именно критерий справедливости должен считаться ведущим при толковании права вообще, а в уголовном процессе в частности. Где справедливость это не просто законность при исполнении приговора, основанном на позитивном праве.

Литература:

1. Антипов А. Ю. Развитие теоретических основ института доказывания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-teoreticheskikh-osnov-instituta-dokazyvaniya> (дата обращения: 29.10.2023).
2. Балакшин, В. С. Алгоритм оценки допустимости доказательств, В. С. Балакшин // Уголовный процесс.— 2020.— № 1.— С. 78–85.
3. Рогова И. Г., Д. В. Яловая Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopustimost-kak-svoystvo-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 29.10.2023).
4. Седых Т. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopustimost-dokazatelstv-v-ugolovnom-protseste> (дата обращения: 29.10.2023).
5. Середнев В. А. Исследование доказательств на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/icledovanie-dokazatelstv-na-stadii-podgotovki-ugolovnogo-dela-k>
6. Уголовный процесс: учебник для бакалавров, Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп.— М., 2018.— С. 141.
7. Хосият Маматкулова Некоторые вопросы допустимости электронных доказательств // ОИИ. 2021. № 1/S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-dopustimosti-elektronnyh-dokazatelstv> (дата обращения: 29.10.2023).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) — Доступ из КонсультантПлюс — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

Новеллизация наследственного права Российской Федерации по западному типу на примере наследственного договора

Копятевич Глеб Павлович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье поднимаются проблемы неосмотрительного, поспешного заимствования наследственных субинститутов зарубежных правовых систем, отмечается острая необходимость не только формально-юридического, но и социально-практического анализа нововведений.

Ключевые слова: договор, законодатель, конструкция, наследник, наследодатель, наследственный договор, правовой порядок, сделка, субинститут, распоряжение имуществом, традиционные ценности.

Последние годы мы наблюдаем реформирование наследственного права Российской Федерации (далее — РФ) по образу и подобию ряда западноевропейских стран, однако законодатель в ходе правотворчества в первую очередь следует учитывать особенности российского менталитета и условия развития тех или иных институтов в историческом контексте, не забывая про наличие социально-культурных различий.

Особенно это касается такой стабильной и давно известной сферы отношений, как наследование. Более того, специалисты отмечают исключительный характер обозначенных отношений, продиктованный нравственно-духовными началами и традиционными ценностями, неразрывно с ними связанными [10, с. 3]. Историческая преемственность же и приверженность выработанным тысячелетней историей идеалам ныне закреплена Конституцией РФ, в частности в пункте 2 статьи 67.1.

19 июля 2018 года принят Федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 217-ФЗ), с 1 июня 2019 года вступил в силу. Законом

№ 217-ФЗ среди прочего введено новое для отечественного правового порядка основание наследования — наследственный договор.

До указанных изменений законодательство РФ исходило из примата единоличного распоряжения имуществом на случай смерти путём лишь составления простого (ординарного) завещания. Ни объединение воли в одном завещании, ни их согласование в договоре отечественной правовой системе до этого известно не было [11, с. 22].

Такой решительный шаг, такое революционное изменение, пожалуй, требует веских оснований и долгосрочной апробации предполагаемых нововведений. Однако ни в указанном законе [3], ни в пояснительной записке к соответствующему законопроекту [5] и заключении Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству [6] озвученные положения по существу освещены не были. Единственной причиной необходимости внесения изменений указана цель расширения возможностей наследодателя со ссылкой на установленные случаи обращения граждан к нотариусам

с просьбой удостоверить их договоренности с членами семьи касательно порядка распределения наследства. Аprobации же посвящено одно предложение, согласно которому предусмотренные законопроектом конструкции присутствуют «в настоящее время в праве многих государств, в том числе относящихся к континентальной правовой семье» [3].

При этом Правительство РФ в своём отзыве отмечало необходимость обратить особое внимание на новизну, уникальную правовую природу и сложность соотношения со смежными институтами данных конструкций [7]. Было ли учтено парламентариями отсутствие формально-догматического и эмпирически-практического бытия субинститутов совместного завещания и наследственного договора в РФ — неизвестно. Интересно, что в замечаниях к законопроекту Правительство РФ сообщило о целесообразности отложения вступления в силу обсуждаемого акта не ранее чем до 1 января 2020 года в связи с отсутствием на тот момент технической возможности реализации нововведений [8]. Пожалуй, такой срок позволил бы при удачной просветительской и методической работе также познать население и нотариат с новыми правовыми конструкциями, обнаружить подводные камни, угрожающие действию норм. Однако, к сожалению, скорое внесение изменений в текст Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) оказалось важнее выяснения готовности к этому механизма правового регулирования в широком смысле слова.

Стоит признать, что введение субинститута наследственного договора подразумевалось (и, конечно, обсуждалось) ещё в процессе утверждения законопроекта от 26.05.2015 № 801269–6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Однако тогда до статуса закона дошли лишь положения, касающиеся по большей части наследственных фондов. В экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства отмечалось несоответствие обсуждаемой конструкции существующим сложившимся отношениям и действующему правопорядку, указывалось на необходимость проведения научных исследований, анализа судебной практики и подробного изучения зарубежного опыта [9]. К сожалению, учебных пособий и иных книг П. В. Крашенинникова, по нашему мнению, для доктринального объяснения дискуссионных вопросов, сравнительно-правового анализа недостаточно. Не говоря уже о нехватке (на момент принятия закона) действительно глубоких фундаментальных и прикладных исследований, подробно раскрывающих спорную тематику.

Возвращаясь к обоснованию последнего внесённого законопроекта, во-первых, непонятно, почему ссылка на желание некоторых граждан определить совместно с членами их семей механизм распределения наследственной массы обуславливает потребность именно в наследственном договоре, заключение которого допускается с любым лицом, призываемым к наследованию. Этот довод применим первично к совместному завещанию, но не к договору. Кроме того, почему тогда нельзя предусмотреть возможность составления совместного завещания всеми членами семьи (в широком смысле), включая детей, бабушек, дедушек и т.д.? Не ограничивает ли это их законное

право на распоряжение имуществом, зачем нужна ещё одна сущность без необходимости?

Во-вторых, в указанных документах нет и намёка на то, что парламентариями учитывалось мировосприятие сограждан (включая людей почтенного возраста, переживших смену «личной» собственности на «частную»), отечественное правосознание и культура. Допустим, свежим примером явлений, не прижившихся по тем или иным причинам, в конечном счёте является Болонский процесс [12, с. 11]. Около 20 лет РФ травила финансовые, материально-технические и человеческие ресурсы для обеспечения соответствующего единого стандарта высшего образования, от которого по итогу отказалась. Да, полученные наработки не исчезнут бесследно, но был ли смысл во вступлении именно в Болонский процесс, во многом определяемый тогда потребностями сиюминутной политической конъюнктуры? Насколько здраво были реализованы его стандарты в отечественных вузах и стоила ли игра свеч? Это, конечно, не кукурузная кампания Н. С. Хрущёва, но всё же.

Поднимая издалека эти вопросы, некоторые учёные утверждают о «достаточно солидной истории правоприменения наследственного договора в романо-германской правовой системе» [11, с. 22], ссылаясь на особые договоры на случай смерти, предусмотренные римским правом. Пожалуй, речь шла именно о разновидности договора дарения, а не о самостоятельной конструкции. Вместе с тем такое дарение было свойственно лишь римскому праву.

Осветим же современную и востребованную практику использования конструкции наследственного договора, которую упоминали парламентарии.

Родиной конструкции наследственного договора традиционно считается Германия. Специалисты отмечают ее существование у немцев ещё со средних веков, современное же выражение закреплено § 2274–2300a Германского гражданского уложения (далее — ГГУ). Под наследственным договором понимается распоряжение на случай смерти договорного характера, в рамках которого наследодатель назначает сторону договора либо третье лицо своим наследником. Вступает в силу данный договор с подписания, порождает для стороны только право унаследовать, а не обязанность, и подлежит отмене или изменению только в особых случаях и в особом порядке. Согласно ГГУ наследственный договор может содержать лишь три допустимых распоряжения — назначение наследников, отказ и возложение. Всё остальное регулируется аналогично завещанию — может быть отозвано в любой момент. Одностороннего же отказа от подобной сделки немецкое право по общему правилу не признаёт, за исключением совершения недостойного поступка в отношении наследодателя или его семьи [13, с. 83].

Хотя наследственный договор является привычным субинститутом правовой системы Германии, однако немецкие цивилисты, отмечая сложную комплексную природу такой сделки, до сих пор не могут определиться с его эффективностью, приводят примеры долгих и пагубных для имущественного положения наследников споров, вытекающих из несовершенства обсуждаемой конструкции и существующего регулирования [14, с. 89]. Отечественному законодателю следовало бы досконально

проработать выявленные западными коллегами проблемы, прежде чем вводить новое явление в оборот.

Если для немецкого права данная конструкция естественна, то даже другие западноевропейские страны с «неохотой» перенимают опыт соседа. Например, ранее договор по поводу наследства признавался французским правом аморальной сделкой, не влекущей подразумеваемых ею последствий. Во исполнение Директивы Европейского союза № 650/2012 в законодательство Франции было включено новое основание наследования — наследственный договор, заключение которого стало допускаться лишь в установленных законом случаях. Какие же это случаи, в Гражданском кодексе Франции до сих пор не уточняется. Как верно заметил А. А. Гаджиев, «данная оговорка обеспечила сохранность традиционных способов распоряжения имуществом на случай смерти наследодателя, но при этом допустила признание наследственных договоров, заключенных в странах Европейского союза» [14, с. 87], то есть французский законодатель наименее безболезненно инкорпировал чуждую их правопорядку норму.

Стоит отметить, что во множестве стран до сих пор придерживаются совершенно иных позиций. В Польше допускается лишь договор касательно отказа от наследства законного правопреемника. Запрет на договорное регулирование наследственных отношений содержит законодательство Испании, Португалии (по общему правилу), Италии (по общему правилу) и ряда других стран [15, с. 108].

Кроме того, последнее время появляется много качественных исследований, посвященных использованию обсуждаемой конструкции в праве зарубежных государств. Так, в одной из статей специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ освещаются в том числе нормы Гражданского кодекса Чехии по поводу наследственного договора и смежных отношений. Делается вывод о достаточно успешной унификации чешского регулирования в данной области, разнящегося с положениями ГК РФ [16, с. 76]. Хотя чешскому правопорядку до второй половины XX века данный субинститут и был известен, однако непонятно, почему реформирование наследственного права, осуществлявшееся с 2012 года (достаточно недавно) в государстве исторически близкого к России славянского народа, похоже, не особо учитывалось отечественным законодателем.

Вернемся к практике использования обсуждаемого субинститута на его родине. «В немецкой юридической литературе отмечается, что в основе наследственного договора лежит идея о его возмездности, поскольку ни одно лицо не станет без особого повода делать распоряжения на случай смерти, отказываясь при этом от права их отозвать» [13, с. 87]. Следовательно, на практике в Германии чаще встречается как раз возмездная разновидность такого договора, подразумевающая назначение наследником взамен встречного имущественного представления. Получается, наследники «покупают» будущее наследство, хотя и учитывают его долги. Допустима ли такая сделка в социально-культурных условиях РФ? Вопрос дискуссионный и неоднозначный. Допустима ли такая сделка с позиции передаваемых из поколения в поколение духовно-нравственных ценностей и утвержденного Конституцией РФ принципа при-

ритета традиционных семейных отношений? Видится, что не в полной мере.

Обратимся к Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее — Указ № 809). Согласно пункту 5 Указа № 809 к традиционным ценностям относятся среди прочего высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, взаимопомощь и взаимоуважение, а также историческая память и преемственность поколений. При этом в РФ традиционные ценности составляют основу российского общества, направленную на защиту и укрепление суверенитета (пункт 7), а деструктивное идеологическое воздействие на граждан представляет собой демографическую угрозу (пункт 15 Указа № 809).

Иными словами, сейчас на самом высоком уровне презюмируется приверженность государства и права РФ традиционным духовно-нравственным ценностям, в частности — семейным. В то же время специалисты отмечают, что последние годы наблюдается тенденция реформирования наследственного права с целью обеспечения возможности сохранения крупного бизнеса во благо активного функционирования рыночного механизма [10, с. 4]. Не забывая о вечной дискуссии касательно соотношения права и морали [17, с. 21–33], не умаляя значимости экономики и прогресса, в очередной раз скажем несколько слов о необходимости учёта психосоциального аспекта той или иной страты (и личности внутри этой страты) при правотворчестве [18, с. 19–21]. Например, логичным примером соответствия норм социально-культурным условиям являются положения, согласно которым лишённые родительских прав не наследуют в отношении своих детей, дети же не теряют права наследования по отношению к таким родителям и вольны им распоряжаться по своему выбору.

Опуская формально-юридические рассуждения о природе, содержании и действии наследственного договора, если вести речь о его безвозмездной разновидности, то противоречий традиционным ценностям на первый взгляд не наблюдается: будущий наследодатель разумно и руководствуясь нравственными идеалами на основе взаимоуважения и взаимопомощи выбирает себе правопреемника, наиболее отвечающего его морально-эстетическим представлениям и духовным устремлениям; правопреемник в свою очередь принимает этот выбор и впоследствии образует ещё более устойчивую связь с потенциальным наследодателем, разделяя его взгляд на мир и стараясь поддерживать благоприятные отношения. Возмездная же форма обсуждаемой конструкции в утрированном виде сводит всё к схеме услуга за услугу, что не увязывается со семейными связями или с дружбой, наставничеством. Такой подход *Quid pro quo* мало применим в здоровой, крепкой семье, подразумевающей заботу о детях и престарелых. Наличие инструментов, которые могут быть использованы в манипулировании для удовлетворения алчных стремлений, противоречит высокогуманным и высокодуховным идеалам права и справедливости, повышает риск асоциального (социально вредного) поведения. С другой стороны, в принципе возможна ситуация, когда в условиях челове-

ского эгоизма и несовершенства конструкция наследственного договора может оказаться даже полезной: например, посредством обеспечения интересов ребёнка во втором браке, когда совершеннолетний от первого брака соглашается вкладывать деньги в жилое помещение, в котором проживает указанный ребёнок и которое перейдёт совершеннолетнему по наследству; в случае отказа он всегда сможет предъявить требования о возмещении убытков.

Пожалуй, возможные риски не должны препятствовать возможности выражения воли всеми законными способами правопослушными гражданами. Корень морально-нравственных и духовных отклонений следует искать в другой плоскости, искоренять посредством должного воспитания и образования, привития высших ценностей демократического

правового государства и исторически сложившихся идеально-нравственных устоев. Предпочтение должно быть за профилактическими мерами, а не запретами и изъятиями. Однако оставим эту проблематику философам и социологам права, с изысканиями которых хотелось бы ознакомиться в свете последних тенденций.

В заключение отметим, что настоящая статья не преследует цели отмены обсуждаемых изменений, а написана для внесения корректировок в правотворческий процесс законодателя как в отношении непосредственно данных субинститутов наследственного права, так и по поводу иных реформ, направлена на актуализацию знаний и представлений в области философии и социологии права применительно к стремительно меняющейся российско-правовой действительности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&rdk=> (дата обращения: 30.10.2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49. ст. 4552.
3. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 30. ст. 4552.
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnnum=0001202211090019> (дата обращения: 30.10.2023).
5. Пояснительная записка к законопроекту (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/73693A64-128B-467B-B4F9-ADAB9927B37E> (дата обращения: 30.10.2023).
6. Заключение ответственного комитета (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/3C36F93F-C266-4E71-B3D3-F8FCC06080FE> (дата обращения: 30.10.2023).
7. Официальный отзыв Правительства РФ (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/EE22C9F0-C9DE-4F99-AF9D-C68026B21B82> (дата обращения: 30.10.2023).
8. Замечания Правительства РФ (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/9460D111-085D-4AB0-A48E-FF71A3BA438F> (дата обращения: 30.10.2023).
9. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 08.02.2016 № 149-1/2016) // СПС «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс].— URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=143886#2gC5CuT04I9J4ehA> (дата обращения: 30.10.2023).
10. Щенникова Л. В. Наследственное право на службе охраны традиционных семейных ценностей // Наследственное право.— 2023.— № 1.— С. 2–5.
11. Жуков А. А. Наследственный договор как новый способ наследования // Наследственное право.— 2023.— № 2.— С. 22–24.
12. Константинова Л. В., Петров А. М., Штыхно Д. А. Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса // Высшее образование в России.— 2023.— Т. 32, № 2.— С. 9–24.
13. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия: Учебное пособие / Путинцева Е. П.— М.: Статут, 2016.— 160 с.
14. Гаджиев А. А. Сравнительно-правовой анализ института наследственного договора в праве России, Франции и Германии // Экономика. Право. Общество.— 2022.— С. 85–90.
15. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики.— 2020.— № 2.— С. 105–129.

16. Сакович О. М., Соловьева С. В., Терновая О. А., Щербак С. С. Актуальные проблемы наследственного права в законодательстве зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 6. — С. 67–80.
17. Кузнецов Э. В., Семенова М. В. Право как искусство добра и справедливости (наука о праве в России). — СПб.: ГУАП, 2022. — 247 с.
18. Ломакина И. Б. Характер правовой культуры в контексте существования правовых ценностей // Закон. Право. Государство. — 2022. — № 3(35). — С. 17–22.

Элемент судебного контроля в стадии исполнения приговора

Коровина Софья Александровна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматривается элемент судебного контроля на стадии исполнения приговора, рассматривается его место и роль в уголовном процессе. В современном уголовном судопроизводстве становится все больше вопросов, связанных с контролем за исполнением приговоров. В исследовании предлагаются меры по оптимизации судебного контроля за исполнением приговора.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебный контроль, стадия исполнения приговора.

Element of judicial control at the stage of execution of a sentence

The article considers the element of judicial control at the stage of execution of the sentence, its place and role in the criminal process are considered. In modern criminal proceedings, there are more and more issues related to the control over the execution of sentences. The study suggests measures to optimize judicial control over the execution of the sentence.

Keywords: criminal proceedings, judicial control, the stage of execution of the sentence.

В условиях современных реалий реформирования законодательства продолжаются дискуссии о характере и месте судебного контроля в уголовном судопроизводстве, его статусе и роли [8, с. 240].

По мнению К. В. Пронина, взаимосвязь между «правосудием» и «судебным контролем» должна оцениваться на основании того, что последнее является сферой деятельности суда в уголовном судопроизводстве, которая осуществляется в форме правосудия [6, с. 8].

А. В. Солодилов выступал против использования судебного контроля как самостоятельной функции уголовного судопроизводства. По его мнению, каждая уголовно-процессуальная функция осуществляется рядом четко определенных субъектов. Что касается судебного контроля, то существуют неопределенные участники, круг которых зависит, в частности, от вида судебного контроля. Поведение каждого участника при проведении судебного контроля имеет важное значение. Исходя из этого, ученые считают, что судебный контроль не должен быть самостоятельной функцией уголовного процесса [7, с. 24].

При анализе авторских мнений представляется возможным предложить следующее определение судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве — это комплекс средств, предусмотренных процессуальным законодательством, направленный на реализацию конституционных функций судебной власти и, в конечном счете, на предотвращение незаконного и необ-

основанного ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве, восстановление этих прав в случае их нарушения.

Многочисленные научные исследования, посвященные судебному контролю в уголовном судопроизводстве, к сожалению, не придают значение данному элементу в отношении исполнения приговоров.

В связи с этим представляется необходимым обсудить вопрос о судебном контроле на стадии исполнения приговора.

Если в УПК РФ [2] нет упоминания о судебном контроле за исполнением судебных решений по уголовным делам, то в ст. 20 УИК РФ [1] «Судебный контроль», фиксируется, какие вопросы подлежат судебному контролю.

Так как деятельность суда по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, регулируется УПК РФ, в юридической литературе рассматривается как самостоятельная стадия или специальная процедура в уголовном производстве, но в любом случае в качестве ее неотъемлемой части с учетом содержания ч. 1 ст. 20 УИК РФ есть основания говорить о судебном контроле за исполнением приговора.

В ст. 397 УПК РФ сфера судебной компетенции в области исполнения приговора определена шире, чем в ч. 1 ст. 20 УК РФ.

Кроме того, под судебную юрисдикцию подпадают вопросы, связанные с приведением в исполнение решений, отличных от приговоров. Так, судья определяет вопросы

– о продлении, изменении или прекращении применения обязательных медицинских мер согласно ст.ст. 102, 104 УК РФ [3];

– о продлении или прекращении пребывания несовершеннолетнего, заключенного в закрытом специальном воспитательно-образовательном учреждении, переводе его в другое учреждение на основании части 4 ст. 432 УПК РФ;

– об отмене обязательных для несовершеннолетнего принудительных воспитательных мер и направления материалов в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности.

В правовой доктрине уголовно-процессуальный процесс, в рамках которого суд рассматривает и решает вопрос об исполнении приговора, не включается в содержание судебного контроля. В подавляющем большинстве работ, посвященных вопросам судебного контроля в уголовном судопроизводстве, не упоминается деятельность судов в период исполнения приговоров. Исключением в этом отношении стало исследование Н. Г. Муратовой [5].

Судебный контроль за исполнением приговора, по мнению Н. Г. Муратовой, играет неоспоримую роль укрепления легитимности учреждений, исполняющих приговоры. Формами судебного контроля, по мнению автора, являются следующие:

- решение ряда вопросов исполнения наказаний;
- рассмотрение ряда жалоб осужденных и иных лиц на органы и учреждения, исполняющие наказания
- и т.д.

Также, в последнее время, на страницах юридических изданий вводятся предложения о введении в судебную систему должностей пенитенциарных судей и уголовно-исполнительных коллегий для оптимизации судебного контроля в стадии исполнения приговора [4].

Представим наши предположения относительно вопроса о судебном контроле в стадии исполнения приговора.

1. В качестве поддержки независимости судебного контроля, считаем, что судебный контроль осуществляется при рассмотрении судьями вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК

РФ и ч. 1 ст. 20 УИК РФ. Деятельность судей инициируется сторонами, заинтересованными в надлежащей судебной проверке, принимает соответствующую форму разбирательства и, наконец, заканчивается вынесением решения.

2. Судебные производства по жалобам осужденных на органы, исполняющие наказания не являются уголовно-процессуальными и носят административный характер. Таким образом, они не могут быть частью судебного контроля в стадии исполнения приговора.

То же самое относится и к уведомлению суда о начале и месте отбывания наказания осужденным. Таким образом, отношения между судами и учреждениями, исполняющими наказания, также не являются отношениями, носящими уголовно-процессуальный характер.

3. Необходимо согласовать текст ст. 397 УПК РФ и ч. 1 ст. 20 УИК РФ, так, чтобы они соответствовали друг другу.

Для обсуждения на профессиональном уровне возможных вариантов создания пенитенциарных судов в рамках российской судебной системы представляется целесообразным создать суды по делам несовершеннолетних, проработать возможность организации регулярных конференций по вопросам и проблемам подготовки необходимых юридических документов и законопроектов для проведения экспериментов в отдельных регионах страны, наблюдение за проводимыми экспериментами и вынесение рекомендаций по результатам экспериментов в законодательный орган.

Таким образом, мы можем резюмировать, что судебный контроль на этапе исполнения приговора представляет собой комплексную судебную деятельность, основанную на процессуальных действиях и решениях обвинителей, защитников, компетентных государственных органов с целью защиты конституционных прав осужденных и оправданных лиц при исполнении судебных и иных процессуальных решений.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — N2. — Ст. 198.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — N52 (часть I). — Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — N25. — Ст. 2954.
4. Кобылина Я. Э. Обеспечение прав осужденных в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики / Я. Э. Кобылина // Актуальные проблемы национального и международного права: Материалы V научно-теоретической конференции студентов магистратуры, Санкт-Петербург, 02 ноября 2022 года. — СПб: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. — С. 113–119.
5. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н. Г. Муратова. — Екатеринбург: Ур. гос. юрид. акад., 2020. — 210 с.
6. Пронин К. В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве / К. В. Пронин. — Челябинск: Печатный двор, 2020. — 180с.
7. Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России / А. В. Солодилов. — Томск: Изд-во Том. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2020. — 297 с.
8. Сысолятин, О. В. Понятие и сущность судебного контроля в современном российском уголовном судопроизводстве / О. В. Сысолятин // Трибуна ученого. — 2021. — № 4. — С. 239–242.

Выявление серийных убийств

Кравцова Виктория Владиславовна, студент магистратуры
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

В статье рассматривается выявление серийных убийств в соответствии с критериями серийности, делается вывод о том, что предпочтительным является рассмотрение серийности на основании однородности способа совершения преступления, с последующим анализом критериев места совершения преступления, обстановки, механизма следообразования и пр.

Ключевые слова: серийное убийство, серия, серийность, убийство, выявление убийств, расследование убийств.

Выявление серийных убийств является сложным этапом в деятельности сотрудников правоохранительных органов, поскольку не всегда данные деяния обладают признаками очевидности «серии», что влечёт за собой ошибочное восприятие существующего и затрудняют последующий поиск виновного.

Обширное исследование проблем теории и практики расследования серийных убийств производилось В. Н. Исаенко, который рассматривал обнаружение серийных убийств через следующие аспекты:

- случайное обнаружение уполномоченными субъектами каких-либо данных, которые могут послужить основанием для возбуждения уголовного дела;
- целенаправленный поиск данных относительно совершённого преступления [2, С. 73].

От качества полученных данных, которые указывают на совершение того или иного преступления зависит его эффективность расследования в будущем. В основном происходит использование диалектического метода, с последующим применением иных, в соответствии с чем, складывается картина совершённого преступления и можно сделать вывод о наличии серии.

На сегодняшний день отсутствует единая утверждённая методика по расследованию серийных убийств, что вызывает массу сложностей на практике, несмотря на то, что по сравнению с другими преступлениями, они встречаются не так часто, однако, обладают высокой степенью общественной опасности.

В целом, деятельность по выявлению серийных убийств можно представить через следующие действия:

- сбор данных, которые подтверждают наличие общих признаков в различных преступлениях, в соответствии с чем, можно будет сделать вывод о серийности;
- анализ материалов многочисленных уголовных дел и их сопоставление между собой.

Осуществление подобной деятельности требует не только достаточный уровень правовых и теоретических знаний, но и практических качеств, которые состоят в опыте работника, возможности самостоятельного определения механизма следообразования, анализа полученных данных и сопоставления с другими.

Относительно сбора информации как начального этапа расследования серийных убийств, следует отметить, что такая информация может быть получена, как процессуальным, так и непроцессуальным путём. Среди основных источников информации о серийных убийствах можно выделить следующие:

– уголовные дела настоящих и прошлых лет, в соответствии с которыми жертва имеют общие признаки, преступление совершено в аналогичном месте и в аналогичное время, следы на месте преступления схожи между собой, способ совершения преступления не меняется или меняется, но не так существенно;

– показания субъекта, совершившего преступления, который рассказывает о том, что помимо вменяемого деяния им были совершены ещё несколько, а сотрудники правоохранительных органов не располагают какими-либо данными о таких преступлениях или не устанавливали в них признаки серийности. Подобные сведения могут быть подтверждены путём проверки показаний на месте, а также в соответствии с иной сообщённой информацией. К примеру, серийный убийца Михаил Попков или иначе «Ангарский маньяк» активно рассказывает следствию о своих преступлениях, как с целью их определения и последующего раскрытия, так и с целью удовлетворения своих потребностей в прогулках;

- сообщения, полученные в ходе оперативной информации, от потерпевших;
- анализ обстановки места совершения преступления, в соответствии с которой выявляются дополнительные факты, свидетельствующие о совершении убийств;
- проверка в соответствии с криминалистическими учётами.

Практика свидетельствует о том, что в основном признаки серийности связаны с сопоставлением места преступления, состояния трупов и иных обстоятельств.

Так, к примеру, А. Выговский, которого называют иначе, как «московский отравитель» убил 17 человек. При этом, он имел единый алгоритм для всех своих преступлений, в соответствии с чем, можно проследить серию их совершения. Он выбирал несколько пассажиров поезда, разговаривал с ними и решал для себя, кто станет его жертвой, после чего, он предлагал человеку выпить, для продолжения беседы и доставал уже заранее приготовленную бутылку с лекарственным веществом, которое оказывало большое воздействие на человека. Так, люди впадали в бессознательное состояние, после чего А. Выговский похищал их имущество и скрывался [6].

Ещё одним убийцей-отравителем является Валерий Соловьёв, который убил при помощи использования яда шесть человек, включая жену и дочь. В период следствия В. Соловьёв указывал на то, что он заинтересовался данным способом совершения преступления, поскольку в отличие от других, в рамках данного преступления практически не оста-

ётся следов. По мнению следователей, интерес к ядам у В. Соловьёва возник в соответствии с изучением специальной литературы, после чего он приступил к поискам яда, а также пытался самостоятельно создать яд, но попытки не увенчались успехом. В ходе следствия не было достоверно определено, где В. Соловьёв приобрёл таллий. Одной из первых жертв стала жена, второй — дочь В. Соловьёва, которой было 14 лет. После того, как В. Соловьёв лишился семьи, он стал сожигать с женщиной, которая скончалась по непонятной причине и после смерти у неё были обнаружены существенные поражения почек и печени. Спустя год после смерти своей сожительницы, В. Соловьёв переехал жить к ещё одной женщине, которая работала тренером по акробатике и имела маленьких детей. В. Соловьёв, находясь в гостях у бабушки, подсыпал яд в графин женщины и спустя какое-то время она умерла, а сожительница В. Соловьёва, которая также употребляла воду из этого графина, имея крепкий организм, почувствовала общее недомогание, но списала всё это на проявление гриппа. Спустя какое-то время В. Соловьёв совершил дерзкое отравление следователя, который допрашивал его по делу о драке. Так, В. Соловьёв подсыпал яд следователю в кофе и никаким образом, врачи не смогли установить причину недомогания. Ещё одной жертвой В. Соловьёва стал годовалый ребёнок сестры его сожительницы. Так, убийца подсыпал яд в банку с водой, сестра и её муж выжили, пройдя курс лечения, а годовалый ребенок умер. Именно после этого правоохранительные органы заинтересовались большим количеством смертей, которые окружали В. Соловьёва и в 2007 году его арестовали. В качестве наказания В. Соловьёву было назначено пожизненное лишение свободы, но он скончался в следственном изоляторе, и в соответствии с проведённой экспертизой было определено, что причиной смерти явилось гнойное воспаление подкожных тканей, что вероятнее всего, произошло в соответствии с большим количеством взаимодействия с ядами [7].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что главным признаком серийных убийств является повторяемость действий преступника.

В первом примере, установление серийности в действиях А. Выговского было связано с аналогичностью места совершения преступления и способа совершения преступления, тогда как во втором — способа совершения преступления и реализации противоправного действия с учётом схожей об-

становки, выявление которой стало возможно в соответствии с совпадением конкретных событий вокруг одного человека.

Для исследования обстановки совершения преступления необходимо принимать во внимание книги учёта сообщений о преступлениях; нераскрытые дела; личные дела наиболее опасных лиц; материалы проверок; экспертные исследования по конкретным делам.

С позиции гносеологического аспекта, выявление серийных убийств проявляется через использование различных форм, способов, методов, что в первую очередь, связано со своевременностью и безошибочностью принятия решения о соединении уголовных дел в одно. В основе выявления серийных убийств находится мыслительное осознание, восприятие произошедшего и его сопоставление между собой. На это могут повлиять различные предметы, которые имеют место быть в одном и другом преступлении. К примеру, шнурки, колготки, нож, пистолет и пр.

В научной литературе отсутствует однозначное мнение о этапах процесса выявления преступлений, обладающих признаками серийности, что связано с неоднозначностью их содержания в целом [3, С. 80].

А. И. Бакирова, к примеру, считает, что в основе серийности находится мотив, затем следует объект посягательства, субъект посягательства, единый механизм совершения преступления, совпадение данных о потерпевших и пр. [1, С. 381].

Л. В. Телешова считает, что признаки серийности можно определить уже ввиду производства осмотра места происшествия [5, С. 116].

Е. А. Нечаева придерживается позиции, что критериями серийности являются: единый субъект и объект преступления; мотив преступления; временные интервалы преступлений [4, С. 50].

Таким образом, обобщив изложенное, можно сделать вывод, что выявление серийных убийств представляет собой процесс по сбору необходимых данных, позволяющих сделать вывод о наличии у преступлений признака серийности. Несмотря на многочисленные позиции, в части выделения основного критерия серийности, предпочтительным является рассмотрение серийности на основании однородности способа совершения преступления, с последующим анализом критериев места совершения преступления, обстановки, механизма следообразования и пр.

Литература:

1. Бакирова, А. И. К вопросу об определении признака «серийности» при расследовании убийств / А. И. Бакирова. — Текст: непосредственный // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей победителей VII международной научно-практической конференции, Пенза, 2016. — С. 380–382.
2. Исаенко, В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. Н. Исаенко. — Текст: непосредственный. — Москва, 2005. — 422 с.
3. Кочегарова, Е. С. Использование специальных знаний при расследовании убийств, имеющих признаки серийности / Е. С. Кочегарова, Ю. А. Чернышева. — Текст: непосредственный // Журнал юридических исследований. — 2019. — Т. 4, № 2. — С. 73–80.
4. Нечаева, Е. О. Подход к определению понятия «серийные убийства» / Е. О. Нечаева. — Текст: непосредственный // Правовой альманах. — 2021. — № 5(9). — С. 45–50.

5. Телешова, Л. В. Признаки серийности преступления при выдвижении криминалистических версий по делам о серийных убийствах / Л. В. Телешова. — Текст: непосредственный // Апробация. — 2015. — № 10(37). — С. 115–116.
6. «Алексей Олегович Выговский: московский отравитель». — Текст: электронный. — URL.: <https://www.mzk1.ru/2019/09/aleksej-olegovich-vygovskij-moskovskij-otravitel/> (дата обращения: 21.04.2023).
7. «В Ярославле судят маньяка-отравителя среди жертв его жены, дети и даже следователь». — Текст: электронный. — URL.: https://newsru-com.turbopages.org/newsru.com/s/crime/09apr2008/poison_killer.html (дата обращения: 21.04.2023).

Важность правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ в России

Куркина Наталья Васильевна, кандидат юридических наук, доцент;
Камалова Жасмина Хидирнабиевна, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Тема правового регулирования хозяйственных обществ в России является актуальной, так как она касается важных аспектов экономической и юридической деятельности. Оно создает законодательную основу для функционирования и развития бизнеса, обеспечивает правовую защиту интересов участников хозяйственных обществ и общества в целом. Цель работы — изучение и определение важности правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ, изучение последствий нарушения закона о реорганизации хозяйственных обществ. Для реализации данной цели необходимо проанализировать виды хозяйственных обществ, изучить литературу по заданной теме и выделить эффективные способы предотвращения нарушения закона о правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ.

Ключевые слова: реорганизация, хозяйственные общества, правовое регулирование, экономическая деятельность.

The importance of legal regulation of the reorganization of business entities in Russia

The topic of legal regulation of business entities in Russia is relevant, as it concerns important aspects of economic and legal activities. It creates a legislative basis for the functioning and development of business, provides legal protection of the interests of participants of business entities and society as a whole. The purpose of the work is to study and determine the importance of legal regulation of the reorganization of business companies, to study the consequences of violations of the law on the reorganization of business companies. To achieve this goal, it is necessary to analyze the types of business entities, study the literature on a given topic and identify effective ways to prevent violations of the law on the legal regulation of the reorganization of business entities.

Keywords: reorganization, business companies, legal regulation, economic activity.

Правовое регулирование хозяйственных обществ в России имеет огромную важность. Оно создает законодательную основу для функционирования и развития бизнеса, обеспечивает правовую защиту интересов участников хозяйственных обществ и общества в целом. Важность правового регулирования хозяйственных обществ в России можно выделить следующим образом:

Обеспечение правовой защиты участников хозяйственных обществ. Законы и нормативные акты определяют права и обязанности участников хозяйственных обществ, а также устанавливают механизмы и процедуры для их защиты [6]. Наличие правовой защиты способствует укреплению доверия участников к бизнесу и создает благоприятные условия для его развития.

Регулирование отношений между участниками хозяйственных обществ. Правовые нормы определяют правила взаимодействия между участниками хозяйственных обществ,

включая порядок принятия решений, распределение прибыли и управление обществом [8]. Это помогает предотвратить конфликты и споры между участниками и обеспечивает эффективное функционирование общества.

Создание условий для развития бизнеса. Правовое регулирование устанавливает правила и требования, которым должны соответствовать хозяйственные общества. Это включает регистрацию, лицензирование, учет и отчетность, защиту интеллектуальной собственности и другие аспекты деятельности общества [5]. Соблюдение этих правил способствует созданию благоприятной и прозрачной бизнес-среды, привлечению инвестиций и развитию экономики.

Защита интересов общества и общественных ценностей. Правовое регулирование определяет правила и ограничения, которые необходимы для защиты интересов общества и общественных ценностей. Это включает борьбу с коррупцией, моно-

поллизацией рынка, нарушением прав потребителей и другими негативными явлениями [7]. Правовое регулирование также способствует соблюдению этических и моральных норм в бизнесе.

В России нарушение закона и нелегальная реорганизация хозяйственных обществ регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц» [2]. Нарушение закона и нелегальная реорганизация хозяйственных обществ могут включать в себя следующие действия: осуществление реорганизации (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) без соблюдения установленного порядка и процедур. Например, неправомерное принятие решений о реорганизации без участия уполномоченных органов и оформление документов без их утверждения.

Необоснованное и незаконное использование имущества хозяйственного общества при его реорганизации. В частности, передача активов и имущества хозяйственного общества без соблюдения установленных процедур и без согласия участников (акционеров) общества. [1]. Соккрытие информации о реорганизации от участников (акционеров) хозяйственного общества или от органов государственной регистрации. Например, несвоевременное представление документов и уведомлений о реорганизации или предоставление заведомо ложной информации.

Создание фиктивных хозяйственных обществ или использование таких обществ для нелегальной реорганизации других организаций. К примеру, создание обществ с минимальным уставным капиталом и недостаточными ресурсами для реальной деятельности, а затем использование их для реорганизации имущества и обязательств других организаций.

Нарушение правил и процедур государственной регистрации при реорганизации хозяйственных обществ. Например, подача заведомо ложных сведений или документов при регистрации реорганизации, несоблюдение сроков и требований, предусмотренных законодательством [4]. Так, нару-

шение закона и нелегальная реорганизация хозяйственных обществ могут повлечь за собой административную или уголовную ответственность для виновных лиц, а также привести к недействительности реорганизации и возмещению ущерба.

Нелегальная реорганизация хозяйственных обществ в России может иметь серьезные последствия как для самих организаций, так и для их руководителей и участников. Незаконная реорганизация может привести к потере имущества организации. Например, при незаконном объединении или разделении организаций, имущество может быть передано другому лицу или организации без должной компенсации [5]. Нелегальная реорганизация может отпугнуть потенциальных инвесторов, которые не захотят связываться с организацией, нарушающей законодательство. Более того, она может негативно сказаться на деятельности организации, вызвав перерывы в работе, потерю клиентов и партнеров, а также ухудшение репутации компании.

В заключении можно отметить, что реорганизация является важным инструментом изменения организационной структуры и деятельности предприятий. Она позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям рынка, оптимизировать бизнес-процессы и повысить эффективность работы компании. Необходимо учитывать требования законодательства, а также соблюдать процедуры и формальности, чтобы избежать возможных проблем и споров.

В ходе работы были изучены правовые акты и законы, регулирующие реорганизацию хозяйственных обществ в России. Это позволило получить полное представление о правовых аспектах данного процесса и обязательствах, которые несет компания при его проведении. Таким образом, реорганизация является важным инструментом для развития и оптимизации деятельности предприятий. Однако, необходимо учитывать сложности и требования правового регулирования, чтобы успешно провести процесс реорганизации и обеспечить переход прав и обязанностей от одних юридических лиц к другим.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 28.03.2017)// «Российская газета», N238–239, 08.12.1994.
2. Додонов В. Н., Каминская Е. В., Румянцев О. Г. Словарь гражданского права / Под общей ред. В. В. Залесского.— М.: ИНФРА-М. 1998.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»// «Российская газета», N248, 29.12.1995.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»// «Российская газета», N30, 17.02.1998.
5. Филиппова С. Ю. Цивилистическая наука России: становление, функции, методология.— М.: Статут, 2017. 51 с.
6. Сергеев А. П. Гражданское право. Учебник. В трех томах. Том 1 — М.: Проспект, 2019. 72 с.
7. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография.— «Издательство» Наука, 2016 г. 42 с.
8. Шиткина И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. 556 с.

Критерии реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

Куц Кристина Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Федорова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автор исследует критерии определения реальности угрозы убийством с доктринальной, законодательной и практической точки зрения.

Ключевые слова: УК РФ, угроза, тяжкий вред, Верховный Суд РФ, критерий реальности угрозы, здоровье.

Статья 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) устанавливает ответственность за совершение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Диспозиция не раскрывает признаки запрещенного поведения. Отсутствие четкой формулировки общественно-опасных последствий при совершении деяния и объективных критериев реальности угрозы является причиной того, что состав ст. 119 УК РФ, представляет собой уголовно-правовую форму предупреждения и пресечения совершения более тяжких преступлений против жизни и здоровья, появление данной нормы вызвано желанием законодателя защитить психическую неприкосновенность гражданина и пресечь обнаруженное вредное воздействие на психику лица, сопровождающееся страхом за свою жизнь и здоровье [1, с. 3–10]. Именно из превентивного характера уголовно-правовой нормы следует ее роль в главе, посвященной охране общественных отношений против жизни и здоровья. Недостаток правового регулирования порождает разрозненность судебной и следственной практики, отсутствие у подозреваемого/обвиняемого возможности построения линии защиты, присутствие субъективной оценки при квалификации преступных действий и вынесение незаконных и необоснованных решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовных дел. В связи с чем исследование вопроса о закреплении признаков реальности угрозы убийством или тяжкого вреда здоровью, является актуальным на сегодняшний день среди научного общества, а также представляет интерес среди практических работников.

В теории уголовного права выделены критерии реальности угрозы, к коим следует отнести: серьезность причин, вызвавших угрозу, под которыми следует понимать общую обстановку, до развития преступного действия и самого его совершения, к коим можно отнести словесный конфликт, аморальное или подстрекающее поведение потерпевшего; внешнюю активность проявления угрозы, что предполагает активные действия лица, направленные на то, чтобы повлиять на психическое состояние и волю потерпевшего; наличия у виновного возможности осуществления угрозы; обстоятельств, характеризующих личность виновного. [2, с. 151]. Швейгер А. О. предлагает следующие признаки: наличность, то есть объективное существование угрозы в действительности; реальность, конкретность (или направленность), то есть отсутствие абстрактности, явное выражение намерений лица, высказавших угрозу (наличие конкретных указаний в угрозе, при отсутствии нецензурной брани); персонализация, то есть угроза должна быть направлена конкрет-

ному лицу [3, с. 57–64]. Для некоторых исследователей спорным является критерий осуществимости, так как является признаком реальности, более характерен для преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 УК РФ.

Реальность как обязательный признак, выделяемый всеми учеными, занимающимися исследованием в рамках обозначенной темы, представляет особую сложность и трудность. С целью установления признаков реальности угрозы используется комплексный подход, состоящий в изучении объективных и субъективных признаков события преступления, где к объективным относятся обстоятельства, которые имели место, вне зависимости от восприятия их потерпевшим, к коим следует отнести: обстановку совершения преступления, использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия, для подкрепления высказанной угрозы, наличие конфликтов перед событием преступления, объективная возможность избежать угрозы, скрыться от действий преступника; а субъективные — восприятие этих обстоятельств потерпевшим [4, с. 57–64]. Комплексный подход используется и судами, в том числе Верховным Судом РФ, который относит к критериям реальности как непосредственные общественно-опасные действия виновного лица, выразившиеся в нанесении ударов руками, металлическими предметами в места расположения жизненно-важных органов, агрессивный настрой виновного по отношению к потерпевшему, физическое превосходство виновного, отсутствие возможности убежать у потерпевшего, наличие конфликта перед событием преступления [5]. Нередко суды ссылаются на критерии реальности деяния, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица при необходимой обороне, в число которых входит нанесение ударов в проекцию жизненно важных органов, применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни и здоровья, выражается в высказывании намерений причинить смерть или вред, демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, учет обстановки [6]. Однако же устная форма угрозы необязательна для ее реальности, возможно отсутствие угрозы вовсе [7].

Однако несмотря на наличие выработанных теорией уголовного права критериев реальности, они не применяются на практике или же практическими работниками вырабатываются свои. В ходе проведенного анализа 27 уголовных дел, возбужденных на территории Омской области, Красноярского края, Кемеровской области, установлено, что одним из обязательных критериев реальности угрозы является демонстрация оружия или предмета, используемого в качестве оружия, ко-

торое должно быть направлено в сторону потерпевшего, а также устное высказывание угрозы. В некоторых случаях органами расследования и судом устанавливается возможность осуществления данной угрозы [8, с. 162–164].

Таким образом, на основании анализа подходов, выработанных практикой и теорией уголовного права, необходимо констатировать факт отсутствие правового регулирования во-

проса критериев реальности угрозы, предусмотренной диспозицией нормы ст. 119 УК РФ, ввиду чего необходимо определение таковых в актах толкования. Наиболее подходящим к тому, нам видится Постановление Пленума Верховного Суда РФ, через который был бы внедрен в практику комплексный подход оценки реальности угрозы, и как следствие, состава преступления.

Литература:

1. eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека: сайт.— Москва, 2020 —.— URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42595147> (дата обращения: 01.09.2023).— Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.— Текст: электронный.
2. Сердюк, Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Л.В. Сердюк, С.П. Щерба,— Москва: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002.— 151, [2] — 20 см.— ISBN5-93295-059-5.— Текст: непосредственный.
3. eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека: сайт.— Москва, 2020.— URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48154707> (дата обращения: 01.09.2023).— Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.— Текст: электронный.
4. eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека: сайт.— Москва, 2020.— URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48154707> (дата обращения: 01.09.2023).— Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.— Текст: электронный.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7. <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22072021-n-82-ud21-7-k7/>
6. П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (в ред. 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 368-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека: сайт.— Москва, 2020.— URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41326904> (дата обращения: 01.09.2023).— Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.— Текст: электронный.

Институт финансового омбудсмена в России

Куц Леонид Валентинович, студент магистратуры

Научный руководитель: Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор
Пензенский государственный университет

В статье автор рассматривает способ внесудебного разрешения споров — институту финансового омбудсмена, а также проблемы правового регулирования отношений оказания страховых услуг гражданам-потребителям.

Ключевые слова: потребители страховых услуг, страховые организации, финансовые услуги, финансовый уполномоченный.

В последние годы во многих государствах мира, и Россия здесь не является исключением, происходит активное развитие механизмов досудебного порядка урегулирования (разрешения) споров, в том числе посредством распространения указанного порядка на потребительские споры. Такие механизмы выступают дополнительной гарантией защиты прав граждан.

Федеральным законом от 4 июня 2018 г. N123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее — Закон о финансовом уполномоченном, Закон) [1], вступившим в силу с 3 сентября 2018 г., в Российской Федерации введен новый институт уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, призванного в досудебном по-

рядке урегулировать споры между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями [2].

Для российской правовой системы институт финансового уполномоченного является принципиально новым, и его аналоги в рамках системы органов государственной власти Российской Федерации отсутствуют.

Деятельность нового института предварительного разрешения споров с участием финансового уполномоченного в отношении страховых компаний, занимающихся обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев автотранспорта, предусмотренная Федеральным законом от 25 апреля 2002 года N40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»

(далее — Закон об ОСАГО) [3] ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), в России уделяется особое внимание. В настоящее время существует значительное количество страховых компаний, предлагающих услуги по данному виду страхования. Однако, несмотря на это, многие владельцы транспортных средств не имеют достаточной информации о важности и необходимости страхования своих средств перед возможными рисками и убытками. В связи с этим, проводятся мероприятия по информированию населения о преимуществах страхования своего транспорта и обязательности заключения страхового договора. С 1 июля 2019 года вступила в силу новая мера, которая направлена на усиление ответственности владельцев автотранспортных средств. Это предусмотрено частью 5 статьи 32 Закона о финансовом уполномоченном.

С 28 ноября 2019 года потребители финансовых услуг обязаны использовать соответствующий внесудебный порядок для урегулирования споров с страховыми организациями, занимающимися другими видами страхования.

Институт финансового уполномоченного, действует в Российской Федерации уже несколько лет. За эти годы накопился значительный опыт в применении права в сфере финансовых уполномоченных. Этот опыт позволил выявить и частично решить проблемы, связанные с правовым регулированием их деятельности.

Согласно новым правилам, страхователь имеет право обратиться в суд с требованиями имущественного характера к страховой компании, если сумма таких требований не превышает 500 тысяч рублей. Также он может обратиться в суд по вопросам, связанным с нарушением порядка страхового возмещения по полису ОСАГО со стороны страховщика после прохождения предварительного урегулирования спора вне суда. [4].

По буквальному смыслу части 1 статьи 2 Закона о финансовом уполномоченном видно, что он рассматривает заявления потребителей о удовлетворении имущественных требований, которые предъявляются к финансовым организациям, с которыми уже установлены договорные отношения.

Для того чтобы спор страхователя мог быть рассмотрен по существу в судебном порядке, необходимо предварительно составить письменное обращение и досудебную претензию. Кроме того, такое обращение позволит увеличить время, в течение которого страховая организация и финансовый уполномоченный будут изучать вопрос о размере страховой выплаты, произведенной страхователю.

В соответствии с частью 1 статьи 12 Закона об ОСАГО, первичное обращение страхователя к страховщику с заявлением о страховом случае, о страховом возмещении или прямом возмещении ущерба является обязательным.

В соответствии с частью 1 статьи 16.1 Закона об ОСАГО, страхователь должен направить письменное заявление страховщику в случае несогласия с размером страховой выплаты или неисполнения страховщиком обязательств по договору обязательного страхования. Закон о финансовом уполномоченном

устанавливает требования к такому заявлению, включая указание суммы требования. Ранее страхователь имел возможность обратиться в суд и запросить проведение независимой оценки рыночной стоимости восстановительного ремонта в случае несогласия с суммой страхового возмещения. Однако с введением нового института досудебного урегулирования споров между страхователями и страховщиками, страхователь теперь обязан обосновать сумму своего требования к страховщику. Альтернативно, вы можете провести ремонт своего транспортного средства за свой счет и предоставить страховщику квитанции и чеки в подтверждение ваших расходов на восстановительный ремонт после ДТП [5].

В соответствии с пунктом 10 статьи 20 Закона о финансовом уполномоченном, финансовый уполномоченный имеет право организовывать проведение независимой экспертизы (оценки) по предмету спора для разрешения вопросов, связанных с рассмотрением обращения.

Возникают сомнения относительно эффективности работы финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в качестве органа, который стремится усилить результативность внесудебного разрешения споров, связанных с финансовыми организациями. Причиной этому является то, что институт финансируется за счет взносов финансовых организаций (пункт 2 части 2 статьи 10 Закон о финансовом уполномоченном), а также то, что финансовый уполномоченный не несет ответственности за вынесенное им решение, в том числе имущественной. Согласно части 4 статьи 26 Закона о финансовом уполномоченном, на него не может быть возложена имущественная ответственность за вынесенное решение, за исключением случаев вынесения им заведомо незаконного решения. Вынесенное финансовым уполномоченным решение не может быть обжаловано потребителем финансовых услуг в судебном порядке. В случае несогласия с таким решением пунктом 3 части 1 статьи 25 Закона о финансовом уполномоченном потребителю финансовых услуг предписано обратиться в суд с иском непосредственно к финансовой организации.

В то же время, в случае несогласия страховой организацией с решением финансового уполномоченного, она вправе обжаловать такое решение в соответствии со статьей 26 Закона о финансовом уполномоченном в порядке искового производства, установленном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Обжалование производится в течение десяти рабочих дней после дня вступления в силу решения финансового уполномоченного.

Таким образом, рассмотрение нормативного регулирования института досудебного урегулирования споров с участием финансового уполномоченного показывает, что он не только затягивает время рассмотрения требований потребителя финансовых услуг, но и вынуждает к несению дополнительных издержек, не определяя порядок их возмещения во внесудебном порядке.

Литература:

1. Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 N123-ФЗ // Система «КонсультантПлюс».

2. URL: <https://finombudsman.ru/>.
3. Федеральный закон от 25.04.2002 N40-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Система «КонсультантПлюс».
4. Лохманов Д. В. Введение института финансового уполномоченного в Российской Федерации: вопросы теории и практики // Банковское право. 2015. N2. С. 45–50.
5. Рождественская Т. Э., Гузнов А. В. Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2018. N10. С. 49.

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершающего преступление

Лукьянова Анастасия Вадимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье автор исследует особенности характеристики личности несовершеннолетнего преступника в Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступления, соучастие, судимость.

Изучение личности несовершеннолетнего преступника представляет практический интерес — не только выявляются специфические причины и особенности механизма преступного поведения, но и появляются возможности «выработки воспитательно-принудительных мер, особенно индивидуального характера, прогнозирования будущего поведения несовершеннолетнего преступника и молодежи...» [9, с. 85].

Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, на территории РФ в структуре преступности в целом сравнительно невелик и представлен на рис. 1 [6].

Как видно из рис. 1, за рассматриваемый период вес преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в общем числе зарегистрированных преступлений уменьшился на 1,04%, и за все годы наблюдалась тенденция понижения данного показателя.

«Анализ характеристики личности несовершеннолетнего преступника имеет не только чисто теоретическое, но и прак-

тическое значение. Именно анализ характеристики личности несовершеннолетнего преступника позволит ответить на такие вопросы, как: кто склонен совершать преступления, в силу каких причин и что может этому поспособствовать, а также в каких именно элементах структуры личности произошла деформация. В соответствии с полученными ответами, возможно, разработать меры по снижению преступности несовершеннолетних, сведению до минимума рисков совершения преступлений данной категорией лиц» [5, с. 69].

Согласно п. 1 ст. 87 УК РФ [1] несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. «Законодатель в УК РФ для решения вопроса уголовной ответственности и наказания в отношении несовершеннолетних отвел самостоятельные нормы, выделенные в отдельную главу. Данные обстоятельства связаны с особенностями физического, нравственного, культурного и духовного развития такой категории населения, как несовершеннолетние» [4, с. 150].

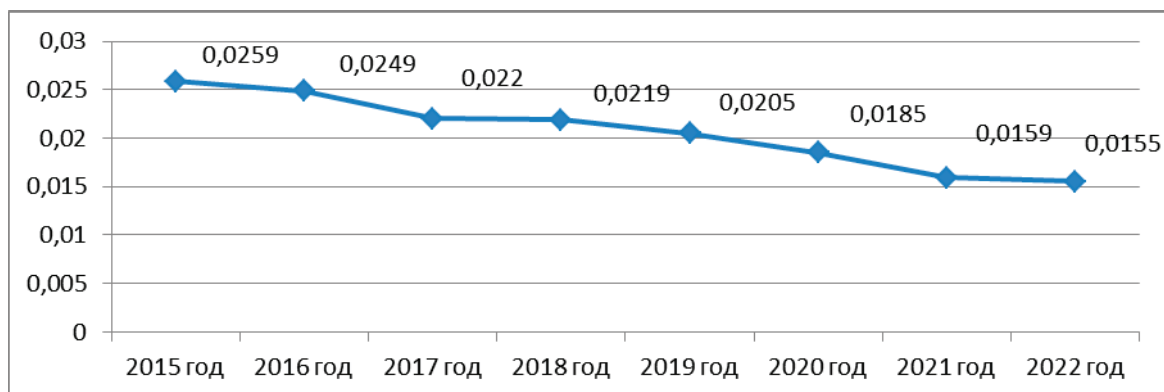

Рис. 1. Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в общем числе зарегистрированных преступлений с 2015 по 2022 год

В криминологической литературе встречаются различные точки зрения на порядок изучения личности преступника. Наиболее приемлема структура, предложенная А. И. Алексеевым, согласно которой «личность преступника необходимо характеризовать по следующим признакам: социально-демографические, уголовно-правовые, нравственные свойства и психологические особенности, социально-значимые физиологические признаки» [2, с. 112].

Рассмотрим такой социально-демографический показатель, как возраст. В среде несовершеннолетних выделяют две возрастные группы: 14–15-летних и 16–18-летних, что соответствует и уголовному законодательству, предусматривающему общий возраст уголовной ответственности — 16 лет и специальный возраст уголовной ответственности с 14 лет.

Чаще совершаются преступления лицами в возрасте 16–18 лет, чем в 14–15. Всего же обвиняемыми по уголовным делам в производстве ведомства стали в 2022 г. 10843 несовершеннолетних в возрасте от 14 лет, когда за преступления наступает уголовная ответственность. Из них каждый четвертый оказался моложе 16 лет (70%). Еще более 4700 несовершеннолетних, попавших в фокус зрения правоохранителей, не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности (30%) [7].

В большинстве случаев (более 85%) несовершеннолетние преступники имеют низкую успеваемость по месту учебы, пропускают занятия. Некоторые подростки не имеют даже начального образования.

Одним из первых социально-демографических показателей является пол. Ю. М. Антонян считает, что такая разница в соотношении женской и мужской преступности среди несовершеннолетних связана «не с психическими и психологическими особенностями пола, а с различием интересов, поведения, воспитания мальчиков и девочек, с большой активностью, предприимчивостью, решительностью, несдержанностью и другими общепсихологическими свойствами лиц мужского пола, проявляющимися в определенных жизненных ситуациях, в том числе в антиобщественных поступках и проявлениях» [3, с. 119].

Среди несовершеннолетних, совершающих преступления, преобладают лица мужского пола, что характерно и для

взрослых преступников. Тенденция развития удельного веса несовершеннолетних лиц женского пола показывает волнообразную динамику, как представлено на рис. 2 [6].

Как видно из рис. 2, наблюдается снижение данного показателя на с 2015 по 2018 годы 2,20%, и с 2018 по 2022 годы на 1,97%. Лишь только в 2018 году он по сравнению с 2017 годом возрос на 0,80%. В общем с 2015 по 2022 годы вес несовершеннолетних лиц женского пола в общем объеме преступности несовершеннолетних снизился на 3,37%.

Следует рассмотреть еще один социально-демографический показатель — семейное положение. Для несовершеннолетнего семейное положение характеризуется полной или распавшейся семьей. 22% из несовершеннолетних преступников — из неполной семьи, только у 8% оба или единственный родитель безработные, у 4% родители или родственники имели судимость. Есть даже те, кто совершил преступление вместе со взрослым членом семьи. В целом, значительная часть несовершеннолетних осужденных (89%) относятся к неучащейся и неработающей части населения [7].

Далее перейдем к рассмотрению уголовно-правовых особенностей личности несовершеннолетнего преступника. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, около 20% несовершеннолетних на момент совершения преступления имели не погашенную или не снятую судимость; 17% — состояли на учете в специализированном органе; доля лиц юридически не судимых, у которых судимость снята или погашена, освобожденных от уголовной ответственности, подвергавшихся иным мерам воспитательного характера составляет около 10%. В совокупности данные показатели указывают на то, что среди несовершеннолетних преступников большая доля лиц, к которым ранее применялись различные меры уголовно-правового характера [7].

Следующим ярким уголовно-правовым признаком является то, что в 2022 году 71% совершаемых несовершеннолетними преступлений обращены против собственности (кражи (ст. 158–159 УК РФ) — 42%; грабежи и разбойные нападения (ст. 161–163 УК РФ) — 17%; неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) — 12%) против 78% в 2021 году и 82% в 2020 году.

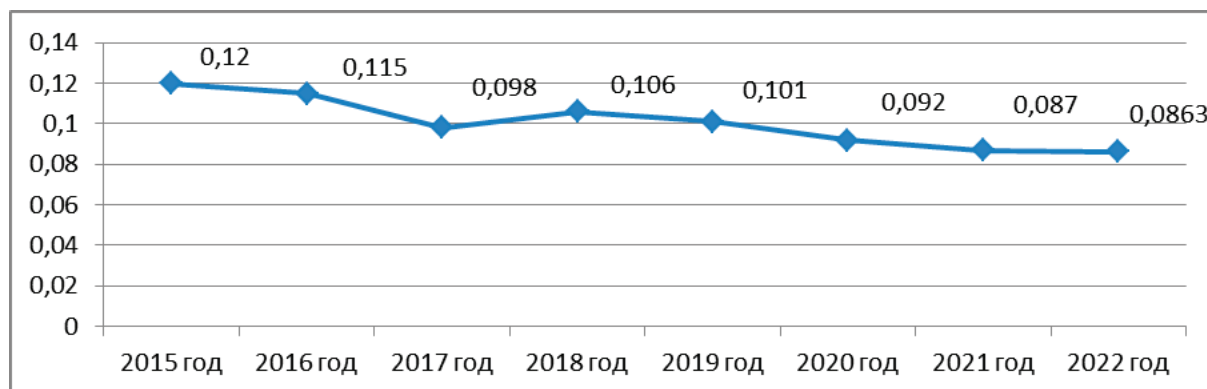

Рис. 2. Удельный вес несовершеннолетних лиц женского пола в общем объеме преступности несовершеннолетних с 2015 по 2022 год

Доля преступлений против личности незначительна и составляет 4,0% в 2022 году против 4,4% в 2021 году и 6,0% в 2020 году. Однако следует понимать, что «корысть в преступлениях несовершеннолетних не является единственным мотивом». Ю.М. Антонян отмечает, что «часто несовершеннолетние идут на преступление, чтобы самоутвердиться, снискать

авторитет среди сверстников. Преступное поведение у данной категории лиц полимотивированно, т.е. ими движут несколько мотивов, в большинстве случаев это самоутверждение и материальная выгода» [3, с. 121]. Виды преступлений по степени тяжести, за которые судили несовершеннолетних в 2022 году представлены на рис. 3 [7].

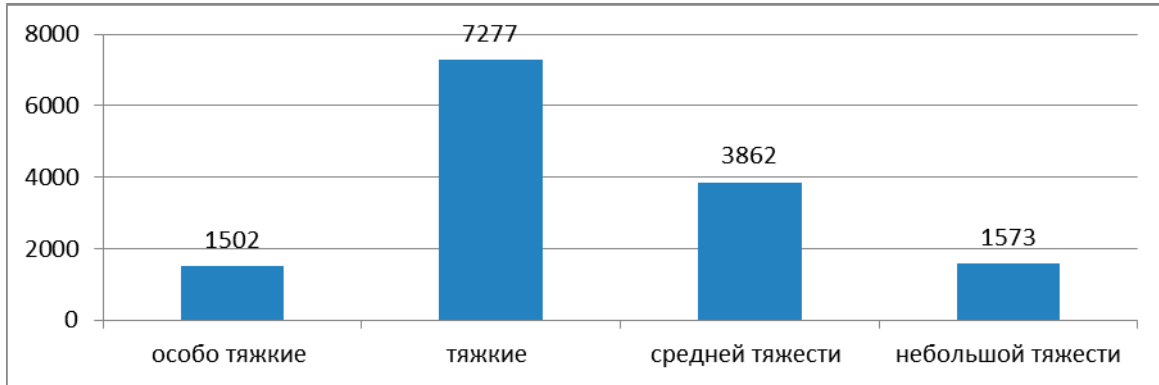

Рис. 3. Виды преступлений по степени тяжести, за которые судили несовершеннолетних в 2022 году

Как видно из рис. 3, лидирующую позицию в преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, занимают тяжкие преступления, на их долю приходится 51%, на долю преступлений средней тяжести — 27%, небольшой тяжести — 11%, особо тяжкие — 11%.

При этом общее количество совершенных несовершеннолетними преступлений уменьшилось на 4,4% и составило 30,5 тыс. против 31,9 тыс. случаев в 2021 году. С 3,1% до 2,9% в 2022 году снизилась и доля подростковой преступности в общей структуре уголовных преступлений. В совершении уголовных преступлений приняли участие 26,3 тыс. подростков, что на 9,7% меньше, чем годом ранее (29,1 тыс.).

Необходимо отметить, что несовершеннолетним свойственно совершать преступления в группе, о чем свидетельствуют статистические данные: на долю групповых преступлений несовершеннолетних приходится 51%.

«К числу характеристик личности относится и нравственно-психологическая. Она отражает отношение лица к государству и обществу, в том числе к определяемым в них ценностям, нормам морали, традициям и т. д.» [3, с. 122]. Подростки в возрасте от 14 до 18 лет отличаются импульсивностью, противоречивостью, восприимчивостью, склонностью к подра-

жанию. «У данной категории несовершеннолетних вызывают интерес азартные игры, совместное употребление алкоголя, публичное выражение негативного отношения к общественным нормам поведения и морали, беспорядочные половые связи.

Заключительным элементом в структуре личности несовершеннолетнего преступника является его социально-значимые физиологические признаки. К ним относятся особенности физической конституции, здоровья, заболевания, осложняющие социализацию личности.

«Около 15% несовершеннолетних совершили преступления в состоянии алкогольного, наркотического либо иного опьянения. Отметим, что факт состояния опьянения на момент совершения преступления установить весьма сложно, поэтому реально этот показатель в разы больше» [8, с. 150].

Таким образом, на сегодняшний день существует необходимость исследования состояния преступности несовершеннолетних, криминологической характеристики личности несовершеннолетних преступников, влияющих на их поведение факторов социальной среды, с целью выработки эффективных мер предупреждения и борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Алексеев А. И. Криминология [Электронный ресурс]: курс лекций. 2. изд., испр. и доп. Москва: Центр юрид. лит. «Щит», 2001. 331 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000718138> (дата обращения: 30.09.2023).
3. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. Москва: Норма: ИН-ФРА-М, 2010. 366 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004581828> (дата обращения: 30.09.2023).
4. Барыкин И. О. Особенности личности несовершеннолетнего преступника. Мир на пороге перемен: Экономика. Управление. Право. Московская научно-практическая конференция «Студенческая жизнь». 2016. С. 150–153.
5. Жадан В. Н. О криминологической характеристике личности несовершеннолетних преступников. Юридическая наука. 2019. № 8. С. 68–75.

6. Показатели преступности России. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Портал правовой статистики». URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 30.09.2023).
7. Судебная статистика. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.10.2023).
8. Федотова Е. Н. Особенности личности несовершеннолетнего преступника. Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 147–150.
9. Шайкова М. В. Психолого-криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников. Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2(5). С. 85–88.

Решения, выносимые прокурором по жалобам на досудебном производстве

Матвеева Ксения Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Максимов Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент

Ульяновский государственный университет

В статье анализируются особенности и проблемы при вынесении решений прокурорами по жалобам, которые рассматриваются на досудебном производстве на основании практической деятельности прокуратур Чердаклинского и Ульяновского районов Ульяновской области.

Ключевые слова: жалоба, решения, постановления, прокурор.

Прокурор является субъектом, имеющим возможность рассматривать жалобы, подаваемые в рамках предварительного расследования по существу, с принятием решения, отвечающего интересам жалобы. По результатам рассмотрения жалобы прокурор выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы, либо об отказе в ее удовлетворении, согласно ч. 2 ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2].

Согласно п. 3 ст. 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [3] ответ прокурора на жалобу должен быть мотивированным. Решения по жалобам предполагают обязательность фактического и правового обоснования принимаемых решений. Ст. 7 УПК РФ гласит, что любое постановление должно быть законным и мотивированным. Как отметил в своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция РФ требует рассматривать гражданина как равноправного субъекта, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством посредством любых его органов, «поэтому приведенные конституционные положения предполагают не только право заинтересованного лица подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на свое обращение адекватный ответ.

Применительно к уголовному судопроизводству это означает необходимость принятия по такому обращению предусмотренного законом процессуального решения, которое в силу части четвертой статьи 7 УПК РФ должно быть законным, обоснованным и мотивированным» [5].

Но не всегда постановления прокуроров соответствуют ст. 7 УПК РФ, которая содержит равнозначные требования не только о законности и обоснованности процессуальных решений прокуроров, но и о их мотивированности. В Инфор-

мационном письме прокуратуры Ульяновской области «О порядке и основаниях рассмотрения жалоб в соответствие со ст. 124 УПК РФ» [4] от 01.03.2021 г. указано, что прокурорами допускаются нарушения в части мотивировки постановлений, а в отдельных случаях и вовсе выносятся необоснованные постановления об отклонении доводов жалобы. Подобные недостатки были допущены заместителем прокурора Ленинского района г. Ульяновска, который рассмотрев жалобу гражданина о несогласии с решением следователя СО ОМВД по Ленинскому району г. Ульяновска об отказе в возбуждении уголовного дела, 10.08.2020 г. в постановлении лишь указал на то, что изучением материала доследственной проверки установлена законность и обоснованность решения следователя.

Также на практике встречаются случаи, когда прокурором выносятся необоснованные постановления об отклонении доводов жалобы. Так, в жалобе гражданина К. на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12.09.2019 г. отсутствовал предмет обжалования. Жалоба была рассмотрена заместителем прокурора города Димитровграда и отклонена 30.01.2020 г., хотя в рассматриваемом случае прокурору следовало бы дать соответствующее разъяснение, так как предмет обжалования отсутствовал.

12 марта 2021 года было вынесено Постановление об удовлетворении жалобы прокурором Ульяновского района Ульяновской области, которая поступила 10.03.2021 г. на незаконное бездействие следователя МО МВД России «Ульяновский». Бездействие следователя повлекло за собой нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства, одновременно нарушая конституционные права заявителя. Копия постановления о возбуждении уголовного дела прокурору не направлялась, что лишило прокурора возможности своевременной проверки законности и обоснованности принятого процессуального решения. В связи с выявленными на-

рушениями уголовно-процессуального закона, прокуратурой 12.03.2021 в адрес начальника следственного органа внесено требование об устранении нарушений федерального законодательства [6].

Еще одним примером полного удовлетворения жалобы является Постановление о полном удовлетворении жалобы от 22.04.2022 [9] года прокуратурой Чердаклинского района Ульяновской области. Жалоба гражданина К. возмещении ему ущерба по уголовному делу № 12201730013000022. На личном приеме в прокуратуру района обратился гражданин К., который в своем заявлении указал, что гражданка Д. полностью возместила ему ущерб по уголовному делу и он с ней примирился, он написал по просьбе участкового уполномоченного полиции, который обещал ему обеспечить возмещение ущерба со стороны Д. в самое ближайшее время. Однако до настоящего момента ущерб не возместили. При этом установлено, что 07.02.2022 дознавателем ОД МО МВД России «Чердаклинский» возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ по факту кражи денежных средств в размере 20 000 рублей у гражданина К. После чего он был признан потерпевшим и допрошен в качестве потерпевшего по уголовному делу. Гражданка Д. была признана подозреваемой и допрошена в качестве потерпевшего по уголовному делу, в совершенной краже призналась. В ходе обыска квартиры Д. были найдены украденные предметы К., которые ему возвращены. Будучи дополнительно допрошенным потерпевший показал, что с подозреваемой он примирился, ущерб она ему возместила в полном объеме, претензий он к ней не имеет. По результатам расследования данного уголовного дела 09.03.2022 старшим дознавателем ОД МО МВД России «Чердаклинский» вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении подозреваемой Д. на основании ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением потерпевшим. Однако в ходе выяснения всех обстоятельств и рассмотрения жалобы потерпевшего, в нарушение требований ст. 76 УК РФ, по уголовному делу не соблюдены условия для его прекращения на основании ст. 25 УПК РФ, так как примирение и заглаживание причиненного вреда не подтверждается потерпевшим. В этой связи, постановление старшего дознавателя МО МВД России «Чердаклинский» о прекращении вышеуказанного уголовного дела в связи с примирением с подозреваемой Д. прокуратурой района отменено 22.04.2022. Руководствуясь статьей 124 УПК РФ заместителем прокурора района вынесено постановление о полном удовлетворении жалобы.

При частичном удовлетворении жалобы указывается в какой именно части жалоба удовлетворена. Например, 04.02.2019 г. в прокуратуру Ульяновского района поступила жалоба о несогласии с принятым процессуальным решением об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки по заявлению АО «Россельхозбанк» о противоправных действиях лица, а также необходимости соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства. Старшим помощником прокурора было принято решение удовлетворить жалобу частично, в части несоблюдения органом дознания требований закона о разумном сроке уголовного судопроизводства. В удовлетворении остальной части следует отказать, так как оконча-

тельное процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела не принято в виду его признания необоснованным и отмены прокуратурой в порядке надзора [7].

На практике нередки случаи, когда прокуроры необоснованно направляют обращения, подлежащие рассмотрению в органах прокуратуры в другие ведомства. Очевидно, указанные недостатки обусловлены тем, что надзирающие прокуроры забывают, что выбор способа защиты своих интересов является прерогативой заявителя. Так, в Информационном письме «О порядке и основаниях рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 124 УПК РФ» приведен пример жалобы гражданина Ж. и его защитника адвоката о незаконности возбуждения уголовного дела, а также на незаконные действия следователей следственных отделов по Ленинскому и Заволжскому районам г. Ульяновска СУ СК России по Ульяновской области и сотрудников УЭБиПК УМВД России по Ульяновской области, связанные с проведением обысков, без рассмотрения в порядке процессуального надзора прокуратурой Ленинского района г. Ульяновска необоснованно направлены руководителю следственного органа. Подобное стало возможным в результате того, что прокурором не были учтены существенные обстоятельства при определении порядка рассмотрения таких обращений — их содержание.

Примером отказа в удовлетворении жалобы может служить постановление прокурора Ульяновского района Ульяновской области от 6 мая 2019 года. 26.04.2019 г. в прокуратуру поступила жалоба о нарушениях, допущенных при проведении следственной проверки участковым уполномоченным полиции. В постановлении указано по каким основаниям жалоба не подлежит удовлетворению, а именно: при проведении опросов уполномоченным лицом допущена техническая ошибка в части указания месяца (вместо сентября — октябрь, тогда как фактически объяснения отбирались 27.09.2019), но это обстоятельство не может повлечь отмену принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку получение объяснений в пределах процессуальных сроков, до принятия итогового решения, объективных сомнений не вызывает [8].

Практики, связанной с обжалованием дознавателем или следователем решения прокурора вышестоящему прокурору, в прокуратуре Ульяновского района нет. Этому может способствовать ряд причин, например, нежелание портить отношения с надзирающим органом или зависимость показателей работы следственных органов и органов дознания от решений прокурора.

Исходя из вышесказанного, видно, что на практике встречаются проблемы, касающиеся порядка вынесения решения по жалобам. Прокуроры часто пренебрегают полной мотивировкой решения, обоснованием постановления об отклонении доводов жалобы. Все эти нарушения недопустимы для сотрудников прокуратуры, процессуальные решения которых должны содержать в себе обоснование сформулированных в них выводов со ссылками на положения закона и конкретные исследованные обстоятельства произошедшего. Гражданин имеет полное право получить адекватный ответ от должностного лица на свою жалобу, а подобные действия сотрудников прокуратуры нарушают это право.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // Собрание законодательства РФ.— 2001.— № 52 (ч. I).— Ст. 4921; Собрание законодательства РФ.— 2021.— № 9.— Ст. 1472.
3. Федеральный закон от 10.02.1999 N31-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон »О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.— 1999.— № 7.— Ст. 878; 2018.— № 1 (Часть I).— Ст. 76.
4. Информационное письмо Прокуратуры Ульяновской области «О порядке и основаниях рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 124 УПК РФ».— Ульяновск.— 2021.— 1 марта.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 года № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова» // Российская газета.— 2020.— № 168.
6. Надзорное производство № 34–2021 // Архив прокуратуры Ульяновского района Ульяновской области
7. Надзорное производство № 20–2019 // Архив прокуратуры Ульяновского района Ульяновской области
8. Надзорное производство № 54–2019 // Архив прокуратуры Ульяновского района Ульяновской области
9. Надзорное производство № 34–2022 // Архив прокуратуры Чердаклинского района Ульяновской области
10. Надзорное производство № 50–2023 // Архив прокуратуры Ульяновского района Ульяновской области

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 44 (491) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 15.11.2023. Дата выхода в свет: 22.11.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.